

LEFT РЕЖИМ BEHIND®

ЗЛО
НАСТУПАЕТ

62 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

LEFT BEHIND®

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

РЕЖИМ

ЗЛО

НАСТУПАЕТ

ТЕРРА **ТЕРРА**
ИЗДАТЕЛЬСТВО | PUBLISHING HOUSE

 КНИГОВЕХ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.
Л29 Режим: Роман / Пер. с англ. — М.: Книжный
Клуб Книговек, 2012. — 448 с. — (Left Behind).

ISBN 978-5-4224-0589-3

В романе «Режим», второй книге из трилогии приквелов к серии «Left Behind», повествуется о судьбах людей, которым вскоре суждено встретиться в битве за человечество. Румынский миллионер Николае Карпати уверенно завоевывает влияние на политической арене Румынии. Юный Кэмерон Уильямс начинает свою журналистскую карьеру. А израильский ученый Хаим Розенцвейг ведет работу над секретной формулой, которая должна изменить мир.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind # 14: Режим, Russian
Copyright © 2005 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2012 by Knigovok Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.
Left Behind® is a registered trademark of Tyndale
House Publishers, Inc.

ISBN 978-5-4224-0589-3

© Книжный Клуб Книговек, 2012

*Памяти
доктора Артура Питерса,
верного проповедника пророческого Слова,
для которого ныне стала истиной та надежда,
о которой он так прекрасно говорил*

*С благодарностью
Джону Перродину и Кэри Данауэй
за исследовательскую работу
и Дэвиду Аллену
за экспертную консультацию*

Главные действующие лица

Николае Карпати, 24 года, полиглот, крупный бизнесмен в области экспорта/импорта, Бухарест, Румыния.

Вивиана Авинцева (Вив Айвинз), оккультистка русского происхождения, люциферианка, приемная тетка Карпати.

Райш Планшетт, региональный директор румынского Люциферитского общества.

Ирэн Стил, жена Рэйфорда Стила, неопитка, христианка.

Рэйфорг Стил, 33 года, пилот компании «Пан-Континентал».

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Джонатан Стонагал, американец, международный банкир, финансист.

ПРОЛОГ

Из «Возвышения»

Когда Николае Карпати исполнилось двадцать один год, он почти окончил университет и руководил империй, занимавшейся экспортно-импортной торговлей, и Райш Планшетт был у него на побегушках. Карпати красовался на обложках всех европейских деловых журналов, и хотя он еще не попал в «Тайм» или «Глобал уикли», ждать оставалось недолго.

Он жил в частном особняке на окраине Бухареста, примерно в полумиле от того места, где несколько лет назад были убиты его биологические отцы. Вив Айвинз с удовольствием заняла апартаменты на верхнем этаже. Она занималась личными делами Николае — управляла его служащими, водителями, домашней прислугой и садовниками. Она заботилась обо всех его нуждах.

Николае сейчас занимался двумя проектами — тайно набирал неофициальный штат профессиональных убийц, которые обещают, чтобы те, кто не слишком охотно идет на сотрудничество с Николае Карпати, испытали ту же судьбу, что и его отцы и мать. Второй его целью было окружить себя людьми, разбирающимися в политике. Следующим его шагом будет войти в правительство. Сначала он сделает так, чтобы его выбрали в румынский парламент. Затем нацелится на кресло президента. Следующий шаг — Европа. Окончательная цель — весь мир.

Конечно, еще не существует такого поста, как мировой лидер. Но к моменту его возвышения он будет. Он просто знал это...

(Через три года)

Николае Карпати очнулся от глубокого сна. По крайней мере, он решил, что проснулся. Возможно, он все еще спал. Не было ни звука, ни света. Просто глаза его вдруг распахнулись — и все.

Как всегда, когда сон казался чересчур реальным, он сунул руку под шелковую пижаму и ущипнул себя. Сильно. Он не спал. Полностью проснулся. Он сел на кровати в темной комнате и уставился в окно.

Кто там? Кто-то сидит на крыше? Туда не взобраться без хорошей приставной лестницы. Еще десяток футов, и темная фигура доберется до этажа тети Вив. Николае прямо

так и тянуло указать незнакомцу — туда, туда! Если у него злые намерения, то уж лучше она, чем он, и у него тогда будет время сбежать.

Но темная фигура не шевелилась. Затаив дыхание, Николае соскользнул с постели, тихо выдвинул ящик прикроватной тумбочки и достал оттуда тяжелый «глок». Когда он снова подкрался к окну, темная фигура повернулась к нему, и Николае замер, хотя в комнате не было света, так что его не могли увидеть.

Трясущимися руками он поднял «глок» на уровень глаз. Но прежде чем он сумел нажать на спуск, фигура подняла палец и покачала головой, словно говоря, что не надо этого делать.

— Я не причиню тебе зла, — услышал Николае беззвучный голос. — Опустит оружие.

Николае положил «глок» на бюро и устоялся в окне. Сердце его перестало бешено колотиться, но он не знал, что делать. Открыть окно и поднять раму? Позвать это существо внутрь? В следующее мгновение его вдруг перенесло наружу — как был, в пижаме, и теперь он и эта фигура — мужчина — стояли в безлюдной пустыне. Николае напрягся, услышав вой, рычание и скулеж зверей. Он снова ущипнул себя. Все было реальностью.

Фигуру с ног до головы скрывал черный плащ с капюшоном. Его лицо, руки и ноги были скрыты.

— Жди здесь, — сказал мужчина. — Я вернусь за тобой через сорок дней.

— Я тут не выживу! Что я есть буду?

— Ты не будешь есть.

— Где я буду жить? Здесь никакого укрытия!

— Сорок дней.

— Подожди! Мои люди...

— Твоих людей проинформируют.

С этими словами незнакомец исчез.

Николае отчаянно хотел, чтобы время ускорилося, как в тот момент, когда его перенесли из его спальни в это место. Но время не слушалось. Он осознавал каждую тягучую секунду, жар дня, пронзительный холод ночи. Николае привык к комфорту. Он не привык к голоду, страху, темноте. Можно было бы попытаться вернуться пешком домой, если бы только он знал, куда идти. Во все стороны тянулась одна пустота.

Спустя несколько дней Николае решил, что сходит с ума. Он пытался отмечать время, выдалбливая в земле палочкой отметину после каждого восхода солнца. У него отросли волосы и борода, его пижама обтрепалась. Он боялся, что медленно умирает. То и дело он взывал к незнакомцу, под конец уже безумно вопя часами напролет:

— Я умираю от голода!

Николае утратил всякое понятие о времени. Он не был уверен в том, что не упустил день-два или, наоборот, слишком часто ставил отметины. К концу месяца он уже лежал, свернувшись клубком. Кости его выпирали,

зубы покрылись пленкой. Он раскачивался и выл, желая смерти.

Прошло уже много часов и дней после того, как сорок суток истекли — или так ему казалось. Он потерял надежду, что его спасут. Он долго спал, просыпаясь в ничтожестве, грязи, дрожа, совершенно сдавшись своей судьбе. Он хорошо начал карьеру, сказал он себе. В двадцать четыре года он был одним из самых многообещающих, почитаемых людей в мире. Он не заслуживает такого.

Наконец, спустя очень долгое время, появился человек в плаще. Николае хотел было собрать все свои силы и напасть на него, наброситься с руганью, но призрак снова поднял палец и покачал головой.

— Ты избранный? — сказала фигура.

Николае кивнул. Он по-прежнему был в этом уверен.

— Посмотри вокруг себя. Хлеб.

— Тут одни камни, — хрипло выдохнул Николае, проклиная незнакомца.

— Если ты тот, кем себя считаешь, прикажи этим камням стать хлебом.

— Ты смеешься надо мной, — сказал Николае.

Призрак не шевельнулся и не сказал ни слова.

— Хорошо же! — крикнул Николае. — Камни! Станьте хлебом!

Тут же камни вокруг него стали золотисто-коричневыми и ароматными. Он упал

на колени, схватил один из них, обеими руками поднес к носу. Он вгрызся в него и стал жадно пожирать.

— Я бог! — сказал он с набитым ртом.

— Ты бог? — спросил дух.

Внезапно Николае оказался на вершине купола храма в Иерусалиме, все еще с теплым хлебом в руках.

— Аз есмь, — сказал он. — Я есть то, что я есть.

— Если ты бог, то бросайся вниз, и будешь спасен.

Дрожащий, одуревший, босой, в рваной шелковой пижаме, Николае ощущал себя насытившимся хлебом и исполненным собой. Он улыбнулся. И бросился с купола храма.

Летя навстречу камням Храмовой горы, он ни разу не утратил веры в себя или в обещание духа. В двадцати футах от земли он начал парить и опустился на ноги, словно кошка.

Внезапно Николае и дух очутились на вершине горы. Он стоял босым в снегу. Воздух был морозным и разреженным, и грудь Николае вздымалась, он пытался набрать достаточно кислорода, чтобы остаться в живых.

— Отсюда ты можешь увидеть все царства мира.

— Да, — сказал Николае. — Я вижу их все.

— Они твои, если ты преклонишь передо мной колени и поклонись мне как хозяину.

Николае упал на колени перед духом.

— Господин и господь мой, — сказал он.

Когда Николае открыл глаза, он снова лежал в постели. То, что все случившееся было реально, подтверждали его собственная вонь, грязь и рваная одежда. Он выбрался из постели и увидел листок бумаги под дверью. Это был почерк Вив Айвинз.

Сходи в душ, переоденься и спускайся вниз, милый. Парикмахер, маникюрша, массажистка и повар — к твоим услугам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Белый «бентли» сверкал под навесом у веранды одного из самых дорогих домов в Румынии. Из трехэтажного вестибюля Николае Карпати смотрел сквозь шторы, как из машины быстро выходят водитель и охранник.

Водитель остановился рядом с входом. Охранник поспешил к задней пассажирской двери, ожидая Карпати. Оба, как знал Николае, имели при себе под одеждой компактные «узи».

Когда машина подъехала, в доме раздался кодовый сигнал, и одна из служанок поспешила к двери. Она замедлила шаг. Затем остановилась, увидев Николае у окна.

— Я в курсе, Габриэлла, — сказал он, не оборачиваясь. В оконном стекле отразилось, как она поклонилась и ушла.

Он был должен признаться, что не в его характере с нетерпением ждать поездки.

Обычно его домашней прислуге приходилось его искать в кабинете, библиотеке или еще где. Он подчинялся только собственному распорядку.

Но сегодня Николае снесло нетерпение. С момента его испытания прошел день и ночь — после того, как он сорок дней умирал с голоду в пустыне, потеряв как минимум двадцать пять фунтов веса. После того как он снова очутился в собственной постели в оборванной шелковой пижаме, у него торчали все кости.

Николае созвал свою прислугу и сотрудников по бизнесу и приказал быстро привести его в порядок. А пока он понемногу ел небольшими порциями в течение дня. К его изумлению, его тело приходило в порядок и наливалось силой, словно он и не голодал. К концу дня он снова ощущал себя восстановившимся. Словно плоть снова выросла на его кости.

Если он никогда прежде не чувствовал себя избранныком судьбы, то сегодня утром он определенно таковым себя ощущал. Кроме того, что он всегда в интеллектуальном отношении превосходил обычных людей, после встречи в пустыне он уверовал, что на нем лежит некая миссия. Он умалился, посвятил себя существу высшему, чем он сам, предал себя окончательно духовному поводырю, который обещал Николае за его повиновение целый мир. Так много за такую малость.

Его советники-люди зарекомендовали себя как существа глупые, наивные и слабые.

Райш Планшетт был в два раза старше Николае, и все равно его было легко запугать. Его приемная тетка Вив Айвинз очень ему помогала, потому была ценным человеком, но она слишком мечтательна и раболепна, чтобы ее советы можно было принимать всерьез. Но она и не пыталась ему советовать. Прислуга знала, что она действует от его имени, и потому уважала ее, им не надо знать, что он почти не слушает ее.

Но ни Планшетт и ни Айвинз сегодня подсказывали ему, как действовать. Скорее, это был его духовный поводырь. Николае пьянило осознание привилегии стать на голову выше всех людей в мире и напрямую общаться с миром духов. Он еще не понял, поскольку испытание пережил всего двадцать четыре часа назад, является ли то существо, которому он молился, тем же, кто был с ним в пустыне. Это не имело значения. Он получил доступ к неограниченной мощи, к морю могущества. Николае хотел узнать только одно — что ожидают от него? Он уже знал, что именно будет ему принадлежать по праву — все царства мира, и никак не меньше.

* * *

Капитан тяжелого самолета компании «Пан-Континентал» Рэйфорд Стил изменился — по крайней мере, в собственных глазах.

Выезжая домой на Маунт-Проспект из летного центра в аэропорту О'Хара хорошо за полночь, он не мог отделаться от мысли, не написано ли у него на лице то, что он сейчас так остро чувствует. Во-первых, ему пришлось возвращаться из Чикаго на другом самолете «Пан-Континентал» пассажиром, а не пилотом на собственном борту. Обычно пилоту дают отгул на время расследования, а и «Пан-Континентал», и Национальное бюро безопасных перевозок занимались случаем, чуть не приведшего к крушению.

Рэйфорда потрясло до глубины души то, что он прошел впритирку со смертью. Ему не хотелось вспоминать это, переживать снова, но мысль о том, что он прошел в каких-то дюймах от стоявшего на земле самолета, никак не хотела уходить из головы. Он чуть не сходил с ума от всех этих «а если бы» и «почему не». Особенно после того, как ему пришлось повторять все это многократно в международном аэропорту Лос-Анджелеса.

Он взмолился к Богу, когда был уверен, что вот-вот погибнет, и теперь он не мог просто так от этого отмахнуться. Рэйфорд был обязан выполнить свое обещание, и он намеревался это сделать. Он обещал. Он должен хотя бы поговорить об этом с Ирэн.

Его жена была интуитивно мудрой женщиной. Очень верная, любящая, она, казалось, знала его лучше, чем он сам. И хотя были у них ссоры и раздоры, он ощущал, что их союз крепок — несмотря на то, что один

раз на рождественской вечеринке, на которой она не могла присутствовать, он чуть не гульнул налево.

Но это было уже достаточно давно, и Рэйфорд поверил, что уже вполне загладил свою вину перед Ирэн, хотя никогда не рассказывал ей об этом случае и не расскажет. Но это — что бы там ни было — он не мог держать в себе. И Ирэн была единственным человеком, которому он мог об этом рассказать.

Он никогда серьезно не верил в Бога, даже в детстве, когда родители таскали его в церковь каждое воскресенье. Это был просто такой порядок вещей. И сейчас это было точно так же. Ему казалось, что Ирэн верит глубже. В любом случае она больше его интересовалась этим вопросом. Рэйфорд был не прочь пропустить воскресенье из-за работы. Иногда он находил отговорки, когда ему не приходилось летать. Но Ирэн была решительно настроена брать детей с собой, и хотя она, похоже, уже устала пилить Рэйфорда, она не могла скрыть своих чувств, когда ей приходилось идти в церковь одной.

Ирэн ждала его у двери, когда он приехал домой. Дети спали.

— Посмотри на них, — сказала она, — только не буди.

— Хорошо, — ответил он. — Нам надо поговорить.

— Да уж вижу, — сказала Ирэн. — Что-то случилось?

— Нет. Просто мне нужно кое о чем тебе рассказать.

* * *

— Доброе утро, господин, — сказал охранник, открывая дверцу машины для Николае. — Как самый успешный бизнесмен в Европе чувствует себя нынче утром?

— Скучает, — ответил Николае.

Это был типичный ответ, но сегодня он резанул его собственный слух. Уж сегодня он точно не скучал. Он обычно говорил так, чтобы показать, что он пока еще совершенно не удовлетворен своими выдающимися достижениями. Впереди было еще столько всего, столько сражений предстояло начать и выиграть!

Но скучать, зная, что он склонит мир к своим ногам, не сомневаясь в том, что так и будет? Нет, Николае Карпати вовсе не скучал. Скорее, пьянел от интриги.

Единственной причиной того, что он не вызвал врача на дом, было то, что в клинике имелось все необходимое оборудование для полного медицинского обследования, которое он очень хотел пройти.

Пока еще дух не определил сроков его возвышения, но вся его жизнь была на это нацелена. Николае предположил, что должен сделать это сам, и, возможно, он мог бы это сделать. Теперь, при своих новых возможностях, оставит ли он шанс хоть кому-то другому?

* * *

Рэйфорд рассказал Ирэн все о своем новом втором пилоте, о неполадках с масляным фильтром, о записи в журнале, в которой говорилось о металлической стружке, о том, что он понятия не имел обо всем этом, о том, что он был полностью уверен, что сможет нормально посадить самолет в Лос-Анджелесе.

Это не было бы проблемой даже с одним неработающим мотором. Это не было штатной ситуацией, но ему и прежде приходилось вести тяжелые самолеты в подобных условиях. Проблема была в погоде — они не могли ничего видеть, пока не вышли из облаков уже при посадке, да еще и вдобавок сыграла роль плохая связь с самолетом «Ю-Эс-Эйр», выходявшем на полосу для взлета.

— Мне пришлось набрать высоту и пойти на второй круг, — сказал Рэйфорд. — И я до сих пор поверить не могу, что не столкнулся с этим самолетом. Мы бы угробили всех на обоих бортах.

Ирэн качала головой.

— Я всегда молюсь за тебя, ты же знаешь.

— Что ж, на сей раз сработало. Я тоже молился.

Она набрала воздуха, словно хотела что-то сказать, но замялась.

— Правда, — сказал он. — Я сделал все, что мог, но все равно был уверен, что мы вот-вот столкнемся, и поймал себя на том,

что ору во весь голос, прямо при этом новом парне — пронеси, Господи!

— И Он это сделал, Рэйф.

— Наверняка. Но все, что я пообещал, я пообещал молча. Как думаешь, такие обещания все равно действительны?

Она улыбнулась.

— Обещания? А что ты пообещал?

— Ходить в церковь каждое воскресенье и молиться каждый день.

Ирэн обняла его и рассмеялась:

— А ты парень прямой и всегда выполняешь свои обязательства. — Она отпустила его и села. — Ты сейчас ошеломлен и вымотан, но у меня тоже есть кое-что для тебя. Может, лучше я тебе утром скажу, когда ты будешь в состоянии меня выслушать?

— Я немного на взводе. Давай сейчас.

* * *

Медсестры и даже кое-кто из медбратьев не могли оторвать глаз от Николае Карпати, когда тот шел по коридору клиники в раздевалку. Он привык к такому. Многие говорили ему, что он красив, как звезда киноэкрана. Сейчас его это мало волновало, куда больше тревожило то, как отозвалось на его организме сорокадневное пребывание в пустыне.

— Напомните, — сказал врач, — что заставляло вас так просить об этом осмотре.

— Я заблудился на пешеходной экскурсии, и мои люди не могли найти меня сорок дней.

— Ничего об этом не слышал. Это была бы топ-новость.

Николае улыбнулся.

— Я не мог доставить такого удовольствия конкурентам. Даже если я умру, мой персонал объявит о моей смерти лишь через несколько месяцев.

Доктор обследовал его и взвесил.

— У вас нет проблем с воображением, господин Карпати?

— У меня? Нет. А что?

— А что вы ели, пока блуждали в одиночестве?

— Да почти ничего.

— Что?

— Да практически ничего.

— Да ладно. Ни мелких животных, ни растений, ни ягод, ни каких других плодов?

Николае поднял руки.

— Честное слово, ничего не ел. Не помню даже, чтобы пил воду.

— Человек не может выжить без воды. Без еды еще куда ни шло, некоторое время протянет, но без воды — нет. Вы просто обязаны были откуда-то получать влагу.

— Возможно. Но, как вы сами понимаете, с определенного момента я начал бредить. На самом деле я удивился, что меня не было только сорок дней. Мне казалось, что прошли долгие месяцы.

— Вас не удивит, если я скажу вам, что вы потеряли всего три фунта с тех пор, как я видел вас последний раз?

— Да, это сюрприз.

— И это расходится с вашим рассказом, сударь мой.

— Значит, науку мне не обмануть, а?

— Нет. Не обмануть. И если прошло действительно только двадцать четыре часа с того момента, как вы вернулись домой после сорокадневной голодовки, я не проводил бы для вас такого обследования сегодня. Но ваш спокойный пульс, как у марафонца, и...

— Я бегал марафоны.

— Но вряд ли во время вашего приключения.

— Конечно, нет.

— Вы нормально дышите. Ваше кровяное давление, сахар — все в норме.

— Тогда давайте скорее покончим с этим.

* * *

Ирэн нервничала. Она надеялась, что после того, что Рэйфорд только что пережил, он будет более восприимчив к тому, что случилось с ней. Но она не хотела перегибать палку. Она решила действовать осторожно.

— Я рассказывала тебе о Джеки, ну, с которой мы гуляем в парке...

— А, об этой дурочке с христианством головного мозга? Которая Ириской тебя зовет? Конечно, рассказывала.

— Она не дурочка, Рэйф.

Он пожал плечами:

— Это я из твоих рассказов сделал такой вывод. Она хочет тебя загнать в какую-то церковь, все говорит, что Иисус ее личный спаситель, все такое. Это напоминает мне одного моего упертого детского приятеля.

Ирэн поникла:

— Забудь.

— Нет, извини, малышка. Давай говори. Я просто хотел сказать, что знаю, о ком ты.

— Ну, если ты считаешь ее дурочкой, то тебе может не понравиться, что случилось.

— Ты же не сказала ей, что мы будем ходить в ее церковь, не правда ли? Пожалуйста, только не это.

— Нет. Дело в том, Рэйф, что она чуть не перегнула со мной палку. Я уже не хотела ее слушать. Она сказала, что в ее церкви полным-полно новообращенных христиан, которые пытаются помочь другим людям попасть на небеса.

Рэйфорд встал.

— В том-то и дело. Пусть о себе заботятся и оставят нас в покое. Мы сами о себе позаботимся.

— Нет, понимаешь, они заново обратились...

— И что это, черт побери...

— ...так что они уже спасены. Она говорит, что их пастор учит прямо по Библии.

— Тоска.

— И она хочет знать, действительно ли в нашей церкви учат, как найти путь к спасению.

— К спасению? Ну конечно учат. А разве нет, Ирэн? В смысле, разве не в каждой церкви такое? Собираются вместе, молятся, помогают людям, учатся быть лучше и таким образом становятся хорошими ребятами. Я понимаю, что я не особо усердно в церковь ходил, но теперь я дал обещания, так что тебе, наверное, больше обо мне тревожиться не за что, да и мне тоже.

Ирэн поняла, что он так просто не сдастся.

— Я не сказала, что мы будем ходить в их церковь.

— Но?

— Но она немного сменила музыку. Наверное, она увидела, что мне неприятно говорить об этом. Ну, она и перестала.

— Прямо камень с души.

— Она уже много дней не затрагивала эту тему, Рэйф. Честно говоря, мне даже стало не хватать этих разговоров.

— Шутишь? После всего этого напора?

— Дело в том, милый, что наш пастор и правда не учит по Библии и о спасении мы не говорим. Мы просто полагаем априори, что все поняли, приняли и больше не обсуждаем.

— Это как раз по мне.

— Как бы то ни было, она говорила, что я ней не безразлична и что меньше всего она хотела бы обидеть меня или давить на меня,

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

потому просто предложила мне взять и почитать брошюрку. И подумать самой.

— Я видел такие брошюрки. Дурацкое чтиво.

— Эта — не такая.

— Оххх...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Стресс-тест воодушевил Николае. Насколько он мог сказать, врача он тоже весьма впечатлил. Казалось, тот что-то хочет сказать, но решил придержать это до получения окончательных результатов. А сейчас он направил своего пациента в отделение офтальмологии.

Кроме обычных проверок, молоденькая медсестра проверила оптометрическую карту Николае. Она опустила громоздкий механизм на уровень его глаз и велела смотреть в отверстия, затем включила подсветку таблицы на стене. На ней было восемь строк символов, которые становились все меньше сверху вниз.

— Какую строку видите? — спросила она.

Николае отодвинул устройство и повернулся к ней.

— Сквозь отверстия, — сказала она. — Я попробую ставить разные линзы.

— Незачем, — ответил он. И, не глядя на стену, Николае повторил всю таблицу сверху донизу, затем добавил: — Копирование без разрешения запрещается. Все права защищены.

— Это откуда? — спросила медсестра.

— Это самая последняя строка.

Она подошла к стене и прищурилась:

— Эти буквы не могут быть больше четырех пунктов. Это какой-то трюк. Вы работаете в компании, которая делает эти таблицы.

— Заверяю вас, что нет.

— Но как вы это делаете?

— Это дар такой, сударыня.

Она настороженно рассматривала его.

— Мне трудно в это поверить. Вы никогда прежде не видели такой таблицы?

— Я бы запомнил.

— Не сомневаюсь. Понимаете, кроме способности запомнить пятьдесят шесть букв в правильном порядке за какие-то секунды, вам надо было прочесть все эти строки, а значит, ваше зрение, как бы сказать, 20-10. А чтобы прочесть этот копирайт, то все 20-5. Это значит, что вы способны читать с расстояния в двадцати футов, в то время как нормальный человек читает с расстояния пяти.

— Даже так? — Карпати одарил ее самой очаровательной из своих улыбок и увидел, что подействовало.

Молодая, цветущая, она не сводила с него взгляда. Его периферическое зрение тоже было хорошим. Но с женщинами у него получалось странно. Ему нравились симпатичные мордашки и стройные фигурки, но к настоящим отношениям его не тянуло. Дело было в том, что кроме физического удовлетворения все остальное в женщинах утомляло его. Он не сомневался в своей сексуальной ориентации, но во всех прочих отношениях мужчины были ему гораздо более интересны. Николае любил анализировать мужчин, читать их, оценивать, решать. Достойны ли они почтения или презрения, уважения или снисхождения. Женщины, с другой стороны, были игрушками.

Хотя он и счел, что девушка созрела и готова упасть ему в руки, он не слишком предавался таким удовольствиям. Он давно уже выбирал себе женщин любого возраста и социального положения, и только на один раз.

* * *

Странно. Рэйфорд сидел на кушетке напротив Ирэн. Было очень рано. Он сидел, подперев голову руками. Одно дело — признать, что да, возможно, ему нужна помощь Всемогущего перед лицом смерти — и он был намерен выполнить свою часть сделки. Но то, что она рассказывала? Нет, спасибо.

— Значит, ты спаслась?

— Я не совсем уверена, как это назвать, Рэйфорд. Я убедилась, да, это я могу сказать. Эта маленькая брошюрка и все, о чем рассказывала Джеки — даже когда она уж слишком напирала, — все это заставило меня открыть Библию. Ты помнишь, что она у нас есть?

— Да, вроде бы кто-то подарил ее нам на свадьбу.

— Ты шутишь, да? — сказала она.

— Нет. А что? Я знаю, что она у нас есть. Откуда вот только взялась?

— Не верю, чтобы ты забыл.

— Ну извини, Ирэн. И напомним, будь добра.

— Ты подарил ее мне на первую годовщину свадьбы.

— Я? Что, правда?

Она кивнула.

— Я много читала Новый Завет, Рэйф. Во многих местах он приводит в замешательство, но вот об этом он высказывается совершенно ясно.

— О чем об этом?

— О спасении.

— Слушай, нам очень надо говорить об этом? — Он явно задел ее.

— Со мной никогда не случалось более важного, Рэйф. И мне кажется, что в свете всего, что ты только что пережил...

— Я взмолился Господу, чтобы Он спас меня, Ирэн. Я не готов стать фанатиком и приплясывать в церкви. Потом ты захочешь,

чтобы я пророчествовал, исцелялся или что еще.

Она уставилась на него:

— С чего ты вдруг об этом заговорил?

— Да просто ты слишком много требуешь, — произнес он. — Я христианин. Я верю в Бога. Я собираюсь стать лучше и ходить в церковь, когда буду в городе, и буду молиться. Хорошо?

Она кивнула.

— Для начала хватит, — сказала она, протягивая ему брошюрку. — Может, просто прочтешь и подумаешь об этом?

Он намеренно проигнорировал ее.

— Еще одно, Рэйф. Мы должны признать, что мы грешники и что сами к Господу прийти не сможем. Мы должны...

— Видишь? Вот об этом я и говорил. Что я ни сделаю, что ни скажи, этого будет недостаточно, верно? Мы должны стать религиозными экстремистами? Ты хочешь, чтобы нас называли фундаменталистами? Мы как раз против таких и боремся, Ирэн. Отсюда вся террористическая угроза.

— Что?

— А какая разница между христианским фанатиком и террористом, который верит, что Бог, Аллах или кто там еще велит ему взрывать здания или убивать людей?

— Рэйф!

— Что? Ну, скажи! В чем разница?

— Ну, во-первых, ты хоть раз слышал о теракте, проведенном новообращенными

христианами, которые заявляли бы, что им это велел сделать Бог?

— А ты о крестовых походах слышала?

— О крестовых походах? Рэйфорд, ты что? Это все равно что сравнивать христиан с Гитлером или Ку-клукс-кланом!

— А люди именно такими вас и считают, Ирэн.

— Ты устал. Иди поспи, и мы поговорим об этом позже.

Он встал.

— Ты права. Мне надо поспать. Но нам что, правда надо еще об этом говорить?

— Для меня это важно.

— Вижу. И лучше бы это было для тебя не так важно. А ты не могла бы заняться чем-нибудь — да чем угодно, — что не так захватывало бы тебя? Помнишь, когда ты «Тап-первейром» увлекалась?

— Я деньги зарабатывала.

— Ну да. Ты мечтала о карьере в «Тап-первэйр». А теперь ты решила податься в монашки?

— Рэйфорд, мы даже не католики.

— Ладно, тогда в святые?

— Иди спать.

* * *

День кончался. Доктор сидел за столом напротив Николае и внимательно рассматривал его. Молодой человек не мог дождаться,

когда тот похвалит его физическое здоровье. Хотелось, чтобы доктор поскорее с этим покончил. Ему еще надо было кое-куда съездить и кое с кем повидаться.

— Мы здесь проводим осмотр всяких людей, — говорил доктор. — Мужчин и женщин всех возрастов, габаритов и размеров. Здесь осматривают спортсменов из олимпийской сборной. Вам следовало бы ознакомиться с показаниями марафонцев, спринтеров, десятиборцев.

— Следовало бы?

— Да. Поскольку вы их превосходите. Мы с трудом смогли довести ваше сердцебиение до необходимого для стресс-теста, и на это понадобилось времени почти вдвое больше, чем для кого другого. Ваше время восстановления было ничтожным, что говорит о том, что ваша сердечно-сосудистая система очень незаурядна. Вы обладаете силой человека превосходящего вас вдвое по размерам. И конечно, меня проинформировали об остроте вашего зрения. Кстати, та девушка хотела бы узнать, женаты вы или нет.

— Мне она неинтересна.

— Вы не против, если я скажу, что вы заняты?

— Это даже лучше.

— Господин Карпати, и что вы намерены делать с вашим сверхчеловеческим телом?

— А что вы предлагаете, доктор?

— Стать олимпийцем или профессиональным спортсменом.

Николае отмахнулся:

— Мне это неинтересно. Я бегал на пятьсот метров на уроках физкультуры в колледже с результатом, который принес бы мне бронзу на Олимпийских играх, причем я никогда прежде не бегал, никогда не был в спортивной команде.

— Невероятно!

— Вы сомневаетесь?

— После сегодняшнего? Нет, просто хочу сказать...

— Меня очень уговаривали заняться спортом. Наш учитель физкультуры много раз пытался выставить меня на разные соревнования. Я мог заниматься прыжками в высоту, с шестом, метать диск, стрелять и бегать с препятствиями.

— Тогда почему вы отказались?

— А смысл в чем?

— Ну, может, ради славы Румынии?

Николае откинулся в кресле. Он что, серьезно? Сделать что-нибудь ради своей страны — такое Николае даже в голову никогда не приходило. Какая странная мысль! Нет, он получил бы популярность, но разделять славу со всей нацией? Это не имело смысла.

— Как насчет ай-кью? — сказал доктор.

— Я уже проходил все эти тесты, — сказал Николае.

— И каков результат?

— Без проблем.

— То есть?

— Ну, единственная сложность была в том, что они не сразу назвали результаты,

потому что просто не поверили, а так я был доволен тем, что побил несколько рекордов.

— Полагаю, вы не помните, какие именно тесты вы проходили?

— Не помню? — улыбнулся Николае. Он потянулся к стопке бумаги на столе доктора и достал из кармана ручку. — Я их не только помню, но могу воспроизвести четыре года спустя. Причем все. Каждый вопрос и все варианты ответа. Я не буду тратить ваше время, проходя все их, но вот пример.

Николае стал быстро писать, в точности воспроизводя три последовательных вопроса из части восприятия пространства, включая пять сложных рисунков. В конце он написал название теста, компании, его разработавшей, и полный копирайт.

Доктор поджал губы и, читая, кивал.

— Я знаю вашу репутацию как бизнесмена, господин Карпати. Но у вас гораздо больше талантов. Я понимаю, что это находится вне рамок моей компетенции вашего врача, так что простите, если я несколько переступлю границы. Но неужели у вас нет высшей цели, планов ошастливить человечество, улучшить мир?

— Вообще-то есть, — сказал Николае. — Я намерен завоевать его.

Доктор откинулся в кресле и расхохотался:

— Вам еще и чувства юмора не занимать! Что же, буду ждать вашего появления на обложке «Глобал уикли»!

Николае не смеялся.

* * *

Тем воскресеньем Рэйфорд занимался Рэйми и Хлоей, чтобы избежать неприятного разговора с Ирэн. Она казалась очень спокойной, если не считать ее желания пойти в церковь. К его ужасу, под мышкой она держала Библию.

— Они же проецируют строки на экран, — сказал он, сидя в машине.

— Я знаю. Но Джеки говорит, что лучшим звуком в церкви является шорох страниц, когда объявляют, откуда будут читать.

— Слава Богу, что мы не ходим в ее церковь.

— Не кощунствуй, Рэйфорд. Поминать имя Господа...

— Я серьезно говорил. Я благодарен Ему, что мы ходим в нашу собственную церковь, но ты будешь там единственным человеком с Библией.

— Тебя раздражает, что я войду в церковь с Библией?

— Просто мне кажется, что это немного чересчур, вот и все.

Обычно Ирэн было дело до того, как ее воспринимают другие. Скоро она будет носить рекламные щиты с объявлением о конце света.

— У нас обычно показывают один, ну, два стиха для проповеди, — сказала она. — А так я смогу воспринимать их в контексте.

— А разве это не работа пастора? — поинтересовался Рэйфорд. — Вставлять их в контекст?

Как он и обещал в своем одиночном окопе на борту самолета, Рэйфорд пытался молиться каждый день. Когда он забывал, он напоминал себе сделать это перед тем, как заснуть. Он благодарил Бога за то, что Он защитил его, и просил позаботиться об Ирэн и детях. И сделать его лучше. Он не был уверен, насколько это возможно, и не хотел хвастаться. Но он сам поступал правильно, и большинство людей думало, что он отличный парень.

Он делал то, что всегда хотел делать. Он имел все, что хотел иметь. У него была чудесная жена, и она станет еще лучше, когда пройдет ее увлечение религией. И конечно, Рэйфорд любил своих детей.

И вдобавок он выполнял свое обещание Богу и сидел в церкви. В этом не было ничего нового, за исключением того, что только он с Ирэн знали, что это первое из многих воскресений, когда он будет делать то же самое.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хотя Николае был противен Райш Планшетт, он не мог отрицать, что этот человек верен делу люциферианства и явно имеет связь с миром духов.

В душе молодой человек жаждал обрести в мире духов большее влияние, чем этот старикан, и Николае был твердо уверен, что такой день наступит. Возможно, уже наступил. Хотя он платил Райшу настолько мало, насколько позволяли рамки приличий, Николае был вынужден ввести его в свой кабинет. Однажды он отыграется, превзойдя Планшетта во всем — особенно в духовном отношении, — но пока ему нужно было то, что мог ему предложить Планшетт.

На встрече со своей верхушкой, в которую входили Планшетт и тетушка Вив, в большом конференц-зале у себя дома Нико-

лае зачитал им результаты своего медицинского обследования и сел, купаясь в восхищенных улыбках.

— Не хочу быть нескромным, — сказал он, — но ощущаю я себя так, словно стою на огромном обрыве и предо мной открывается необозримый простор. Я развил физические и ментальные способности, мне дарованные, и готов использовать их на благо человечества.

Вив подняла руку. Это его удивило. Она что, не может просто посидеть и послушать? Он не обратил на нее внимания. У него были планы, стратегия, идеи. На экране за спиной он вскоре покажет в общих чертах проект, который составил накануне ночью, установив график своих очередных великих достижений.

Когда он подошел к самому показу, Вив снова подняла руку.

— Ну что? — сказал Николае, не скрывая раздражения.

— Я просто хочу сказать, что именно об этом говорили и мечтали мы с твоей покойной матерью. С самого младенчества было понятно, что ты...

— Прости, тетя Вив, но именно ты должна понимать, насколько мало повлияла моя мать на мое развитие.

— О нет, ты сам всего достиг, просто я хочу сказать...

— Она повлияла на мой характер и развитие способностей даже меньше, чем ты.

— Меньше, чем я? Что ты хочешь...

— Надеюсь, я могу продолжать? — Проецируя на экран чертежи, диаграммы и графики, Николае провел свою группу экспертов — какой бы она ни была — по всем стадиям своего десятилетнего плана. — Конечно, не забывайте, что я могу недооценивать свое собственное обаяние в глазах населения, и, таким образом, процесс может сильно ускориться.

Он изложил им график, по которому он должен был поступить в военное и авиационное училища как студент-вечерник и коммерческий адъюнкт-профессор.

— А такая должность существует? — спросил Райш Планшетт.

— Я не слышал о таком, — сказал Николае. — А вы считаете это препятствием?

— Нет, — ответил Планшетт. — Но затруднением, да.

— Хорошо. Тогда это будет ваша задача. Пусть такая должность появится. Если мне придется в качестве жертвы разработать пару видов оружия, пусть так будет.

— Я могу спросить о вашей конечной цели, Николае? — произнес Планшетт. — Мы все в одной лодке?

Карпати уставился на Планшетта, закрыл глаза и вздохнул:

— Разве вы не полагаете, что у моего плана есть некая сверхцель?

— Конечно.

— Тогда слушайте, и узнаете.

Когда семейство Стил вернулась из церкви, Рэйфорд уже сомневался насчет обещаний, которые он дал Богу в критический момент. Если он может заставить себя вылезти из постели в воскресное утро и просидеть в церкви всю службу, оно и хорошо. Но терпеть Ирэн и ее слишком острую реакцию на все — вот это он уже сомневался, что сможет выдержать.

— Достопочтенный Борер замечательный человек, вне всякого сомнения, — сказала она за обеденным столом. — Но ты слушал его, а, Рэйф?

— Пытался. Но одно шуршание страниц его громадной Библии заглушало половину его слов.

— Очень смешно. Но так оно и есть. Он подтверждал свою проповедь словами Священного Писания. Ты знаешь, что это такое?

— Я тоже с высшим образованием, Ирэн.

— Он использовал только два стиха, но вместо того, чтобы рассказывать нам, какое значение он в них нашел после тщательных исследований, он делает так, чтобы они подтверждали его собственную точку зрения, что уже не так убедительно.

— Значит, мы зажарим этого пастора на ужин?

— Я не говорю тебе ничего такого, что не могла бы сказать ему, — ответила Ирэн. — Может, пригласим его с женой на обед в следу-

ющее воскресенье, чтобы я могла обсудить это вместе с ним.

Рэйфорд уронил голову на грудь.

— Пусть меня лучше утопят и четвергуют.

— Ты не хочешь говорить об этом?

— Я даже думать об этом не желаю. Мне кажется, что его проповедь сегодня была хорошей, малышка. Она меня приободрила и подняла мой дух.

— Правда?

— Да!

— Напомни — о чем он говорил?

— О чем?

— Это же просто, Рэйф. Его проповедь ведь приободрила и вдохновила тебя?

Рэйфорд пожал плечами и покачал головой.

— Будь добр со всеми и живи в мире. Вот основная мысль.

— Очень глубокая мысль.

— А что, он должен каждую неделю изрекать что-то глубокомысленное? Чего ты хотела?

— Просто тоже самое мог бы сказать и ты, Рэйфорд. И я. Разве я не вправе ожидать, что пастор даст мне что-то более существенное, то, чего я сама никак не могла бы понять из Библии? Джеки говорит, что ее пастор изучал библейские языки в семинарии и, хотя он не пытается ошарашить этим паству, он старается объяснить людям, что то или иное слово или понятие значило для грека или еврея.

— Прямо кусок прикола.

— Я не хочу, чтобы мне от проповеди просто становилось лучше, Рэйфорд. Я хочу задавать вопросы, хочу учиться. Я хочу совершенствоваться в вере.

Рэйфорд прикусил язык.

— Ну, Рэйф? Что у тебя на уме?

Рэйф доел свой кусок и отодвинул стул от стола.

— Я просто не хочу так глубоко в это вдаваться, Ирэн. Оставь все эти ученые копания профессионалам, священникам, школьникам. Мы ходим в церковь, чтобы поклоняться Богу, ради братства, ради того, чтобы не заикливаться на себе. Я не стремлюсь стать проповедником, фанатиком или миссионером. Надеюсь, ты тоже.

* * *

— Изучая военное дело, — говорил Николае, — я хочу одновременно расширять бизнес.

— Расширять? — спросил Планшетт, и у Вив тоже был удивленный вид. — Но насколько мы... вы... намерены его расширить?

— О, намного! — ответил Николае. — Мы никогда не должны останавливаться на достигнутом. Бизнес должен расширяться как минимум на двадцать процентов в год, иначе мы неудачники.

— Но мы прибыльная компания и навсегда такой останемся, даже если два-три

года останемся на стабильном уровне без роста.

— Стабильный уровень — это оксюморон, Райш, — ответил Николае. — И как можно говорить о стабильности при такой инфляции? Рынки Запада снова открылись для нас, и единственный способ получить преимущество — это сделать стомиллионный заем и начать торговлю.

— Сто миллионов? — изумилась Вив.

— Думай масштабно, — сказал Николае. — Если бы я не был уверен в том, что смогу добиться как минимум двадцать процентов прироста, я и не думал бы об этом.

— Мистер Стонагал много помогал нам, — сказал Планшетт. — Но сто миллионов?

— Не думаю обращаться за этим к Стонагалу. Я отдам часть компании под залог и сделаю заем через Европейский банк.

Карпати не мог не заметить скептическое выражение на лицах всех представителей его кабинета. Но он не волновался. Это просто топливо. Ему нравилось ошарашивать их не менее, чем убеждать. Им придется кланяться и расшаркиваться в течение целого года, начиная с нынешнего момента.

— Мои политические советники говорят мне, что самый короткий путь в палату депутатов лежит через социал-демократическую партию. Великая Румыния или либералы не столь привлекательны. О венгерских демократах вообще не говорю. Однако я буду идти независимым депутатом.

— Независимые, как правило, не побеждают, — сказала Вив. — Ты уверен, что это лучший путь в Adunarea Deputatilor?¹

— Я буду выдвигаться как пацифист.

Это возымело желаемый эффект. Все переглянулись, ухмыляясь, затем воззрились на него.

— Как пацифист? — сказал Планшетт. — Тогда к чему военное образование?

— Чтобы стать дихотомией, загадкой, чтобы быть вынужденным объяснять себя. Чем ты для людей загадочнее, тем больше пресса тебе уделяет внимания. Будущее — за миром во всем мире. Что может быть популярнее этого?

— Вы понимаете, что ваш главный благодетель — мощный деятель ВПК?

— Вы думаете, что я работаю на Стона-гала или лижу ему задницу? Что мне нужно сделать, чтобы вывести вас из этого заблуждения?

— Думаю, что вы только что это сделали, — ответил Планшетт.

* * *

— Джеки приглашала меня на еженедельные встречи, где они изучают Библию, — сказала Ирэн. — Может, там я получу то, что мне нужно.

¹ Палата депутатов.

— Довольно прозрачная попытка подтолкнуть тебя сменить приход, — сказал Рэйфорд.

— Я не думаю, чтобы у Джеки были тайные намерения, — ответила она.

Рэйфорд встал и начал убирать со стола.

— Ну а у меня есть такие подозрения, — заявил он. — Если такие междусобойчики заставят тебя прекратить жаловаться на нашу церковь, то пожалуйста. Но запомни раз и навсегда: я менять церковь не буду. Я таков, как я есть, я сказал, что буду стараться, и буду. Но больше ничего от меня не жди, и ни на какие встречи сверх этого я ходить не стану.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Финансовые документы «Карпати Интернэшнл трейдинг» держал в руках чернявый человечек, которого называли просто Ион. По дороге в «Интерконтинентал-банк» в Бухаресте Николае понял, что Ион никогда прежде не ездил в «бентли».

Ион сидел, держа на коленях кейс с документами, остальные, не влезшие в кейс, были сложены стопкой сверху. Ион смотрел куда угодно, только не на босса. Его пиджак не по размеру был застегнут на все пуговицы.

— Ты уверен, что туда должен пойти именно я, Ион?

— О да, господин, — сказал он. — Им будет легко отказать мне. Но когда они увидят вас лично, я уверен, что это на них подействует.

— Ты можешь подтвердить, что мой бизнес более чем успешен для залога?

— Конечно. На самом деле вам нужно отдать под залог только часть.

— Ты говоришь по-английски, Ион?

— Не очень, господин.

— Знаешь, по-английски твое имя звучит не как Ион, а как Ай-он. Атомный термин. А когда американцы хотят за чем-то присмотреть, они говорят, что тут «нужен глаз да глаз», что звучит именно так — ай-он. Вот сегодня ты этим самым глазом и поработаешь. Если, конечно, мы получим финансирование.

Ион этой игры слов не понял:

— Меня назвали в честь румынского драматурга Ионеско.

Николае занялся просмотром файла, в котором было сведено все, что он дописал вчера вечером.

Когда они приехали в банк и Ион открыл дверь машины, он ударил ей охранника, который пытался открыть ее для него. Он не знал, ждать ему Николае или поспешить в банк и спросить служащего, с которым у него была назначена встреча.

Николае догнал его, и стало ясно, что им предстоит встреча с руководством банка.

После обычных расшаркиваний старший инспектор по кредитам сказал:

— Мистер Карпати, мы, конечно, изучили ваш проспект, но, возможно, вы соблаговолите лично рассказать нам о вашем плане, чтобы мы могли лучше понять, можем ли мы выделить вашей компании сто миллионов долларов.

Джеки и Ирэн сидели в парке, приглядывая за детишками и болтая. Ирэн казалось, что Джеки едва держит себя в руках.

— Если ты принимаешь Христа, Ирэн, — говорила Джеки, — ты должна пойти в церковь, которая верит в Библию, изучает Библию, чтобы помогать тебе расти духовно.

— Я знаю. И рассказываешь ты просто чудесно. Но Рэйфорд уперся насмерть. Но я все равно хочу пойти.

— Не советую, — сказала Джеки. — Зачем отгалкивать его? А как насчет наших еженедельных собраний по изучению Библии?

— Он говорит, что если это удержит меня от перемены церкви, то ладно, но я ведь знаю, что это будет раздражать его.

— Идея! — воскликнула Джеки. — Раз в неделю ты будешь приводить Рэйми ко мне домой в тихий час, а я в то же самое время буду укладывать Брианну. Тогда я смогу объяснить тебе в простых словах, как у нас всегда делают в церкви, когда разговаривают с человеком индивидуально или с маленькими группами.

Ирэн улыбнулась.

— Домашняя работа тоже предполагается?

— Тут и вопроса нет. — Джеки обрисовала план, по которому от Ирэн требовалось читать каждый день хотя бы по одной главе из Нового Завета и вести журнал о том, что

она поняла. Также она должна была читать каждый день одну из очень коротких книг Нового Завета — например, первое послание Иоанна или к филиппиянам.

— А также сделай список десяти человек, о которых ты заботишься, и молись за них. И тогда мы каждую неделю будем собираться и слушать отчеты.

Ирэн представить не могла, как это все воспримет Рэйфорд. Возможно, она не будет ему рассказывать, пока не настанет подходящего момента. Лично ей все это очень нравилось.

* * *

Николае был рад взять слово в банке.

— Я хочу воспользоваться преимуществами глобализации, — сказал он. — Я хочу покупать и продавать и производить операции простым нажатием клавиши. Я особенно заинтересован в новых электронных технологиях, разрабатываемых в США, и хочу заключить контракт, чтобы развить в Европе сеть ротоволостной сотовой связи. Вы слышали о таком?

— Когда вам имплантируют сенсоры в зуб? — сказал один из чиновников.

— Именно. Вы улавливаете вибрацию и звук прямо через ротовую полость, звук проходит в ваше внутреннее ухо, и больше никто, кроме вас, ничего не слышит. Этот

тип связи сейчас просто захлестнул Штаты, и я намерен монополизировать этот рынок здесь. Ион за пару минут докажет вам, что моя компания заслуживает гораздо больше, чем я прошу.

Все оказалось слишком легко. Ион нервничал, но был четок. Банк согласился, что вопрос времени очень важен. Они подготовили документ, указывавший сроки выплат и возврата денег, и Николае покинул банк, получив заверения в том, что первый заем в объеме одной пятой запрашиваемой суммы будет переведен на счет его фирмы к концу следующего дня.

* * *

Кэмерон Уильямс, двадцати одного года от роду, отдыхал в старом Нассау-Холле кампуса Принстонского университета в Нью-Джерси, лениво листая журнал «Глобал уикли» в ожидании своей девушки. Она снимала комнату в нескольких кварталах к югу, но настояла на свидании здесь. Его собственное общежитие было в северной части.

Кэмерон читал «Глобал уикли» каждый раз, как выпадала возможность. Он мечтал получить там преддипломную практику до окончания Принстона, а конечной его целью была работа в этом журнале. Неплохо будет попасть в «Таймс» или «Ньюсуик», но «Глобал уикли» был его окончательной целью.

Коротенькая статья в рубрике «Люди» привлекла его внимание. Там превозносили пилота «Пан-Континентал эйрлайнз» за то, что он предотвратил авиакатастрофу в Лос-Анджелесе, сохранив жизни сотням людей на борту обоих самолетов — в том числе и самолета компании «Ю-Эс Эйр», который еще не взлетел. С капитана Рэйфорда Стилла были сняты все подозрения в нарушении процедуры, и теперь, когда обе авиакомпании и Национальное бюро безопасных перевозок закончили свое расследование, он был возведен в ранг героя. Похоже, самолет перед взлетом сочли в порядке, мелкие повреждения исправили, и капитан следовал протоколу. Но после потери двигателя, да еще и в условиях ограниченной видимости, ему пришлось вести самолет вручную и спасать людей.

Кэмерон глянул на часы и бросил журнал на стол. Встал. Подошел к зеркалу и поправил свои длинные светлые волосы. Он тосковал по Тусону, но именно через Лигу Плюща следовало начинать карьеру в передовой журналистике. Конечно, Принстон был известен своим упором на архитектуру, инженерные и естественные науки, но система преподавания, основанная на самостоятельной работе и индивидуальном подходе, полностью подходила Кэмерону. Журналистское направление в свободных искусствах должно стать средством достижения той карьеры, к которой он стремился.

Кэмерон Уильямс не желал просто читать о героях. Он хотел писать о них.

* * *

С Рэйфордом что-то творилось. Он не понимал, что именно. Три недели подряд ему выпадал выходной в воскресенье, когда он мог посещать церковь с Ирэн и детьми, но чувствовал он себя не в своей тарелке.

Он был еще слишком молод для кризиса среднего возраста и все же ощущал все его отличительные признаки. Казалось, что он достиг в жизни всего, о чем мечтал, и думал теперь, есть ли в ней еще что-нибудь. У него была симпатичная, жизнерадостная жена, упрямая белокурая дочка, напоминавшая ему его самого, и маленький сынишка, на которого у него были большие планы. У них были хороший дом и две машины, которые они содержали не особо напрягаясь.

Рэйфорд даже некоторое время был знаменитостью. Его героическое поведение в аэропорту Лос-Анджелеса — хотя в тот момент он не назвал бы это героизмом, скорее отчаянной попыткой не утробиться — было отражено в трех небольших заметках в трех ведущих газетах, его дважды показали в новостях по местному телеканалу в Чикаго, отметили в одном утреннем шоу и вместе с боссом, Эрлом Холлидзем, вызвали в Вашингтон. Там у них была аудиенция не с кем иным, как с самим президентом компании «Пан-Континентал» Леонардом Густафсоном.

Вообще-то, когда секретарша Эрла позвонила ему насчет приглашения, он решил, что она шутит.

— Да, Франсин, а я — рождественский кролик.

Но все оказалось правдой, и он полетел туда вместе с Эрлом первым классом, чтобы встретиться с легендарным Густафсоном. Он оказался ниже, чем Рэйфорд, — но Стил был выше большинства людей, — и даже худощавее, чем хрупкий Эрл, но, будучи в прежней жизни военным, Густафсон сохранил выправку, которая невольно вызвала уважение.

Рэйфорд всегда был немного бойскаутом — официальным, вежливым, скромным в потребностях. Потому ему показалось странным, что Густафсон и Холлидэй запросто выпили виски в кабинете Густафсона прямо среди дня. С другой стороны, он не хотел показаться грубым, отказавшись от предложенной выпивки.

— Ты сам понимаешь, — сказал, наконец, президент, — что я пью не с каждым пилотом, который выполняет то, ради чего его обучали.

— Да, я и правда в недоумении, к чему вся эта шумиха, — ответил Рэйфорд.

— В том-то и дело, — сказал Густафсон. — Если бы ты купался в славе, то я бы все так и оставил. Это и стало бы твоей наградой — ты понимаешь, о чем я? Но «Пан-Континентал» нужны примеры. Мы все, и мужчины, и женщины, с гордостью носим наши крылышки на форме. Твой подвиг — это чрезвычайное событие. Не уникальное, но тем не менее не рядовое. Но то, как ты ведешь себя, — вот это

хороший пример. Ты не стал делать из мухи слона. И то, что ты говорил на шоу «Сегодня» о том, что любой опытный пилот попытался бы сделать то же, что и ты, — вот это в точку. Так что прими мои поздравления и благодарность и знай, что я вписал тебя в шорт-лист кандидатов на заместителя пилота борта номер один и номер два¹.

— Сэр?

— Как ты сам знаешь, иногда у нас просят таких сведений, если требуется пилот-дублер для президента или вице-президента. Такая возможность редко выпадает, поскольку основной пилот, как правило, из военных летчиков, да и впереди тебя в списке дублеров есть несколько человек. Но для того, чтобы получить такую рекомендацию, нужно обладать многими качествами. Даже внешний вид играет роль. Как человек носит форму, ведет себя, общается с прессой. В стране найдется сотня человек, более опытных, чем ты, но твой стиль общения со знаменитостями выделяет тебя среди других. В общем, удачи.

Конечно, Рэйфорд был польщен. Он не ожидал, чтобы из этого дела с бортом номер один что-то вышло, с учетом того, что должность дублера была, скорее, почетной и впереди него было несколько человек. Но это заставило его подумывать о том, чтобы поставить себе целью в жизни добиться чести

¹ Позывные любого летательного аппарата ВВС США, на борту которого находится президент или вице-президент соответственно.

вроде этой. Он никогда в жизни не мечтал ни о чем большем, кроме как сидеть в кабине «Боинга-747». И все же он не мог отделаться от ощущения какой-то навязчивой мысли в мозгу. Не слишком ли скоро он взлетел на вершину, достиг всех своих целей, осуществил свои мечты?

В обратном полете, поскольку он уже и так опрокинул пару рюмок в кабинете Густафсона, Рэйфорд задался вопросом: а не заметил ли Холлидей, что он пропустил еще пару рюмок виски?

— Хорошо, что ты всего лишь пассажир, — сказал Эрл.

Рэйфорд рассмеялся — чуть громче, чем следовало бы.

— Не беспокойся, — сказал он. — Ты меня знаешь.

— Я так думал.

— Да ладно, Эрл. Мы же отмечаем, не так ли?

У Рэйфорда и правда никогда не было проблем с выпивкой. Он редко напивался, даже на поле для гольфа, где потягивал пиво четыре-пять часов по субботам и по воскресеньям — как только выбирался из дома после церкви.

Возможно, именно это и было его проблемой. Он чувствовал себя виноватым, оставляя Ирэн с детьми большую часть выходных, когда ему выпадало проводить их дома. И все же он напоминал себе — и ей, когда она это замечала, — что он имеет право на личное время. У него трудная работа, и работает он много.

Но столько рюмок хорошей выпивки в один день для Рэя не было нормой, потому это выбило его из колеи и он крепко заснул, даже проспал обед, а в первом классе кормят хорошо.

— Все в порядке, — сказал ему потом Холлидэй. — Я все равно хотел съесть твое масло и десерт.

— Это не в моем духе, — сказал Рэйфорд. — Я обычно сплю чутко, чтобы проснуться от запаха, особенно когда мне под нос суют горячую еду.

Хотя Рэйфорд все еще чувствовал себя заторможенным, с момента последней рюмки прошло достаточно времени, чтобы сесть за руль и поехать домой. Но именно в этот день Ирэн встречалась с Джеки. Они и так виделись почти каждый день, но эта встреча была официальной, встречей по изучению Библии, встреча их собственной маленькой группы взаимного обучения. В глубине души Рэйфорд хотел, чтобы у него был такой же друг, как у Ирэн. И все же он боялся ее беспорядочных рассказов о том, что у них было.

В такие дни глаза Ирэн просто светились. Он одновременно и завидовал ей, и обижался. Рэйфорд решил просто сидеть и слушать. Но к сегодняшнему рассказу он, однако, готов не был.

— У Джеки сегодня были дела, — говорила она за ужином, — потому она дала мне практическое задание. — Ирэн на минутку замолчала, словно ждала от Рэйфорда вопро-

са, что это значит. Но он не клюнул на приманку. Достаточно, что он смотрел на нее и не показывал своей скуки.

— Я должна была выбрать одного человека из моего молитвенного списка и сделать для него сегодня что-нибудь особенное.

«Сейчас скажет, что выбрала меня. А я спрошу, что она для меня сделала».

— Я выбрала твоих родителей.

— Моих маму и папу?

— То есть твоих родителей. Да, Рэйф.

Теперь он внимательно слушал ее.

— Да, понял, но что? Что ты для них сделала?

— Я их навестила.

— В Бельведере?

— А где ж еще, милый? Они далеко вряд ли уедут.

— И ты сама вела машину всю дорогу до Бельведера?

— Нет, на нашем вертолете летала. Спасибо, что он у нас есть.

— Хватит, Ирэн. Я спрашиваю — ты серьезно? Ты поехала в Бельведер сама, в выходной, без меня, чтобы навестить моих родителей?

— Я думала, ты будешь доволен.

— Доволен? Да я... да у меня слов нет! Я просто ошеломлен! Честно, я и не знал, что они тебе небезразличны. То есть что ты настолько о них заботишься.

— Знаешь, Рэйфорд, я прежде никогда столько о них не думала. То есть они твои родители, они мне нравились. Но твой отец

уже столько лет разумом не с нами, и твоя матушка ненамного от него отстает. Но когда я начала молиться за них, я...

— А что ты просишь для них? Вряд ли они излечатся от болезни Альцгеймера.

— Нет, я это знаю. Я молилась за их души. Я прошу, чтобы у них были моменты просветления и чтобы в эти моменты кто-то мог поговорить с ними. Я молюсь, чтобы у них было больше хороших дней, чем плохих, чтобы Бог их утешил, чтобы они были в мире и спокойствии и чтобы персонал больницы был с ними добр.

Рэйфорд не знал, что и сказать. Он был тронут. Глубоко, по-настоящему тронут.

— Спасибо, Ирэн, — сказал он, неожиданно ощутив ком в горле. — Ты очень большое дело сделала для меня. В смысле, для моих родителей.

Она не сказала, что это — для него. Это было для его родителей. Это за них она молилась. Но это было подарком еще и для него. Его жена проводила его в аэропорт, отвезла Хлою в школу, тепло одела Рэйми и поехала туда... вот и говори о возможном и невозможном.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Настал тот самый день. И Николае был готов. Он встал рано, сделал пятимильную пробежку, затем, обливаясь потом, полчаса активно поработал на гребном тренажере и со штангой. В душевой он повторял все, что был намерен сделать, и едва мог дожждаться, когда доберется до телефона. Ему пришлось ждать до полудня, чтобы его цель в Соединенных Штатах начала рабочий день, так что утро он посвятил проверке персонала, входя во все мелочи.

Когда наступил назначенный час, он потер руки, откинулся на спинку кресла и положил ноги на стол, напомнив себе обо всем, что знал о своей жертве и его производстве, вставил в ухо гарнитуру и позвонил председателю правления «Корона технолоджиз» в Новом Орлеане, штат Луизиана.

Николае бегло говорил по-французски, добавляя легкий кажунский¹ акцент, что явно произвело впечатление на собеседника.

— Джимми! — начал он. — Как сегодня дела в Байоу?

— Лучше некуда, мистер Карпати, — ответил Джеймс Корона-младший. — Только что совершил самую большую за всю мою жизнь продажу.

— Ну, вы можете за несколько минут побить этот рекорд, если мы придем к соглашению. У вас будет удачный день.

— Уже, друг мой. Но вам непросто будет перебить сделку в сто один миллион долларов.

Николае застыл. Сто один? Что такое? Он скрыл досаду и взял себя в руки.

— Что я могу для вас сделать?

Раздосадованный, но решительно настроенный это не показывать, Николае изложил свой план закупки оборудования и лицензий, чтобы сначала выйти на румынский рынок, а потом стать эксклюзивным дистрибьютором ротополостной сотовой связи по технологии Короны в Европе.

Ответом было напряженное молчание.

— Ну что, ваша прежняя продажа ничто по сравнению с этим, не так ли? — сказал Николае, внезапно заподозрив неладное.

— Нет.

— Правда? Вам очень везет, Джимми.

— Дай Бог, чтобы вывезло, Николае.

¹ Этническая группа, проживающая в штате Луизиана, потомки французских переселенцев.

— То есть?

— Я не могу продать вам эту технологию.

Николае снял ноги со стола и встал.

— Вы шутите.

— Если бы.

— В чем дело?

— Ваша территория уже захвачена.

— Кем?

— Вы знаете, что я не имею права...

— Скажите мне, кто это, Джимми, или я никогда больше не заключу с вами сделки ни на доллар.

— Вы мой друг, Николае, и дорогой клиент, но я не могу нарушать законы торговли.

— Вы же знаете, что скоро я сам это выясню.

— Я не сомневаюсь, и Бог вам в помощь.

— Что еще вы хотите мне сказать, Джимми? — Николае перешел на английский.

— Не понял.

— Что еще есть в перспективе? Дайте мне что-нибудь передовое, что-нибудь такое, чем я могу перебить хребет моему конкуренту.

— Но вы же сказали, что больше никогда не будете вести со мной дел.

— Вы хотите денег или нет? У меня есть сто миллионов, и я готов их спустить. И я прибавлю еще два — просто для ровного счета.

— В том-то и беда, Николае. Слишком рискованно. Есть кое-что, чего я даже и не думал предлагать пока никому. Слишком в зачаточном состоянии.

— Попробуйте предложить мне.

— Мы только на стадии разработки.

— Тогда вам будет на что потратить сто миллионов. Сто и два.

— Еще бы. Но я не буду разорять вас, Николае.

— Я настаиваю. По крайней мере, расскажите, о чем идет речь. — Карпати уже расхаживал по кабинету, глядя сквозь стеклянные стены на горы, носившие его имя.

— Солнечно-сотовая связь.

— Расскажите подробнее.

— Это секретная информация.

— Мне можете доверять. Мне только что дал по зубам неизвестный мне конкурент, Джимми. Так можете считать меня заинтересованным покупателем.

— Точнее, инвестором. Если вы покупаете продукт, то достигнете ли вы с ним успеха, зависит от вас. Если вы инвестируете в технологию, мы становимся партнерами и оба можем потерять все.

— Хорошо. Заметано. Итак, в чем суть солнечно-сотовой технологии?

— По названию понятно. Мы запускаем собственные спутники на достаточном расстоянии от Земли, чтобы Солнце освещало их двадцать четыре часа в сутки, они будут передавать энергию, сигналы и информацию друг другу и бесплатно заряжать ваше электронное устройство.

— Я понял.

— Николае, вы что-то слишком эмоционально реагируете. Я еще даже не выдвигал этой идеи, не говорил с нашим руководством, не...

— Деньги могут утечь куда угодно, если вы их не удержите, Джимми. Скажите, что я в деле.

— Хорошо, ладно, вы в деле. Я как можно скорее введу вас в курс дела со всеми подробностями. Но вы должны понимать, что гарантий никаких. Я не знаю, к чему все это приведет, будет ли это работать, найдется ли для всего этого рынок — короче, гарантий нет.

— Если все это будет делать именно то, что вы мне говорили, то рынок будет, — сказал Николае. — А если нет, то я его создам.

* * *

Ирэн всегда была изобретательной, дошлой хозяйкой, но после того, что она рассказала Рэйфорду о том, что ей небезразличны его родители, он начал замечать в собственном доме вокруг себя некоторые мелочи, которые все больше впечатляли его. Как и все матери при маленьких детях, Ирэн была измученной, раздражительной, часто повышала голос на детей и на мужа. Но теперь такое бывало редко.

Нет, она не была совершенством. Вовсе нет. Но она быстро извинялась, чтобы загладить свои вспышки, успокоить оскорбленные чувства, снять напряжение. Этого он отрицать не мог. Она вправду стала другим человеком.

Это странно повлияло на Рэйфорда. С одной стороны, его тянуло к ней так, как в первые дни их знакомства. С другой стороны, ему было страшно становиться слишком близким к ней. Она словно бы стала зеркалом его собственной души, и отражение ему не очень-то нравилось.

Рэйфорд всегда считал даром находить лучшее. Он не считал это эгоизмом. Настоящие мужчины называют это амбициями и драйвом. В этой жизни никто никому ничего задаром не даст. Ты должен сам добыть то, что ты хочешь, стать хозяином собственной судьбы, кормчим своей души. Он сам заработал все, чего достиг, даже собственное время. Теперь пора сделать что-нибудь и для самого Рэйфорда.

Потому, когда его приятели пожелали играть в гольф в воскресенье по утрам, а не днем, он сказал Ирэн, что намерен попросить руководство церкви добавить к службе то, что среди его приятелей-католиков называлось «месса рыбаков».

— На субботней вечерней службе, — сказал он. — Такое есть во многих церквях. Этот обычай пошел от того, что люди уходили на рыбный лов еще до воскресной зари. Ну и мы, игроки в гольф, тоже попадаем в эту классификацию.

— Не могу понять, — сказала Ирэн. — Ты сам знаешь, как долго приходится обивать пороги кабинетов, чтобы пробить что-то новое. На это месяцы уйдут. К тому же потребуется голосование среди прихожан.

— А пока я, возможно, пропущу несколько воскресений.

— Правда?

— Не смотри на меня так, Ирэн. Я не обещал тебе, что буду ходить в церковь каждое воскресенье.

— Нет. Но ты пообещал это Тому, Кто выше всех, и на твоём месте я бы побеспокоилась насчет того, что Он думает по этому поводу.

— Думаю, Бог меня поймет. А еще Он помогает тем, кто сам себе помогает.

— Правда? Полагаю, ты не можешь это подтвердить цитатами?

— Где-нибудь они да есть.

— Нет. Такого там нет. Я пыталась сказать такое Джеки, и тут она меня поймала. Звучит хорошо. Даже вроде смысл имеет. Но такого в Библии нет. Знаешь что, Рэйф? Я бы поддержала твою просьбу насчет вечерней субботней службы и даже с радостью провожу тебя на игру следующим утром.

Он остановился и уставился на нее:

— В чем ловушка?

— Хотя церковь Новой Надежды и маленькая, у них есть служба в субботу вечером.

— Забыли.

— Мне казалось, ты хочешь моего благословения.

— Я не нуждаюсь в твоём благословении, Ирэн.

— Значит, моего позволения?

— Обойдусь как-нибудь без него. — Она помрачнела, но Рэйфорду сейчас было все

равно. — Я не обязан спрашивать свою жену, если хочу пойти поиграть в гольф.

* * *

Эта маленькая размолвка не давала покоя Ирэн в течение многих часов. Рэйфорд не мог быть таким. И что, теперь отвечать ему колкостью на колкость? Нет уж.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Николае Карпати усердно раскапывал, кто же стал его конкурентом в сделке с «Корона технолоджиз». Конечно, кое-какие предположения у него были. И когда к нему пришел Райш Планшетт, чтобы доложить о том, как продвигается дело о гибридной должности в румынской военной академии, Карпати сменил тему.

— Вы хотите получить место гражданского студента и адъюнкт-профессора, — начал было Планшетт. — Вам, наверное, будет интересно узнать...

— Кто-то сливает информацию, Райш, и я хочу знать кто.

— Сливают?

— Утечка идет либо из «Карпатиан трейдинг» или из «Интерконтинентал».

— Вряд ли банк пойдет на такой риск, Николае. И очень не хочется думать, что у нас завелась крыса.

— Простота хуже воровства, Райш. Позовите Иона. Посмотрим, что он думает насчет тех, кто был на той встрече в банке.

— Иона?

— Да, Иона!

— Так он вроде уволился?

Карпати наклонил голову набок.

— Уволился? Без моего ведома? Невозможно.

— Вообще-то я уверен в этом. Он ушел на аналогичную позицию в одной фирме в Молдове.

— Этого не может быть! Без уведомления? И никто мне не сообщил?

— Я предполагал, что раз я это знаю, то вы точно знаете. Разве отдел кадров не держит вас в курсе?

— Похоже, нет, Райш. И как давно он уволился?

— Да пару дней назад.

— Без выходного пособия, надеюсь. То есть никакого заявления с его стороны не было. Потрясающе. Можете не говорить мне, что он переметнулся к конкурентам.

— Именно так, Николае. Мне очень жаль, что вам не сказали. Я бы сам вас оповестил, если бы знал...

— Вы обязаны были знать!

— ...что он ушел от нас без обычного протокола. С настоящего момента я буду отслеживать, чтобы вам сообщали обо всех непредвиденных обстоятельствах.

— Только не Тишманяну. Не говорите мне, что Ион ушел к Эмилу!

— Совершенно верно. Туда он и ушел.

Николае встал и стукнул кулаком по столу.

— Хозяин «Тишманяну технолоджи» — скотина. Все об этом знают! Эмил живет здесь, так что может служить в палате депутатов, и все же всем известно, что на самом деле его место жительства в Галати, просто по другую сторону границы от его штаб-квартиры в Молдове!

Планшетт сидел, серьезно кивая, что еще сильнее взбесило Карпати. Если Райш все это знал, то почему ничего не сделал? Почему сам Николае ничего не сделал?

— Ладно, я даже *rag*, что он живет здесь, Райш. А знаете почему?

— Расскажите, Николае.

— Да потому, что я тоже живу здесь.

Райш тупо смотрел на него. Надо же, такой уважаемый в спиритических кругах человек — и такой чурбан!

— Он хочет на третий срок остаться депутатом нижней палаты парламента, — сказал Николае. — А как ему понравится, если его в пух и прах разобьет новичок?

— Вы же не хотите сказать...

— Вот именно хочу! Подождите минуту. — Николае сел за стол и позвонил в Штаты в «Корона технолоджиз».

— Джимми, — сказал он, — это Николае Карпати. Я выяснил, что мой европейский контракт перехватил Тишманяну.

— Я ничего вам не говорил, Николае.

Карпати глянул на Планшетта и поднял вверх кулак.

— Нет, вы тут ни при чем. Но я должен точно знать, что вы продали им только эту самую сотовую технологию и что о солнечно-сотовой они не знают.

— Верно. Я никому ничего о последнем не рассказывал, кроме вас. И, откровенно говоря, мои люди очень рады, что вы с нами.

* * *

Ирэн не просто любопытствовала. Она отчаянно хотела все знать.

— Джеки, а могут ли люди, страдающие старческим слабоумием или даже болезнью Альцгеймера, уверовать?

— Возможно, что в момент просветления такое может быть. Пути Господни неисповедимы. Но они должны достаточно долгое время сохранять ясность ума, чтобы понять, что им говорят, к тому же надо, чтобы кто-то оказался рядом с ними в нужное время. Ну и пациент должен быть восприимчив.

— Ты понимаешь, о чем я молюсь, Джеки.

— Конечно. Как сейчас миссис Стил?

— В этом отношении у нее более благоприятный прогноз. Почти нет сомнений, что у нее болезнь Альцгеймера, но пока она только короткую память утрачивает, что вызывает, конечно, много сложностей, но она начинает склоняться к Христу.

— А мистер Стил?

— Мы теряем его. Большую часть времени он не с нами, но, в отличие от большинства таких пациентов, он беспокоен. Словно он понимает, что должен что-то вспомнить, что-то сказать, как-то так. Но он просто не может.

— Значит, в нем нет мира.

— Нет, никакого.

* * *

Карпати вывел Планшетта на балкон над верандой. На небе не было ни облачка, свистел ветер, солнце освещало горные пики на горизонте.

— Я никогда не спрашивал вас, как вы разобрались с моими папашами, Райш.

— Это было очень благоразумно с вашей стороны. Более отвратительного поручения я не получал, и я не хочу о нем вспоминать.

— Вы опять нужны мне, Райш.

— Нет, прошу вас. У Эмила Тишманяну крепкая охрана, не то что у вас.

— Я уничтожу Эмила политически. Но Ион должен послужить всем примером.

— Ион? Вы серьезно?

— Подумайте сами. Я могу до определенной степени стерпеть измену. Человек хочет продвижения, находит лучшие условия, не хочет смотреть мне в лицо. Ладно. Это показывает, что он независим, имеет собственные мысли. Может, однажды я снова

его возьму на службу. Но если вы думаете, что предательство Иона именно таково, то вы *prostovan*¹ и настолько *naivitate*², что я начинаю сомневаться в ваших умственных способностях. Ион — предатель, Райш. Если я отпущу его с миром после того, как он увел у меня сделку на сто миллионов долларов, то моя репутация пойдет коту под хвост. Меня сочтут слабаком, которого легко затоптать.

— Но ведь если с Ионом что-то случится, то вы — первый подозреваемый!

— Меня же не заподозрили в смерти моих папашек.

— Вы были почти ребенком, а работа была очень дорогой, профессиональной. И смею заметить, вспоминать об этом я не хочу.

— Мы уже вспоминаем, Райш. С Ионом надо разобраться так, чтобы это сочли несчастным случаем. Никто никогда меня не заподозрит. И вы это сделаете.

Райш отошел, уставился в пространство.

— Если это будет сделано так тонко, то как это защитит вашу репутацию? Человек, который нанес вам урон, погиб в результате несчастного случая. Это будут считать совпадением, в лучшем случае кармой.

— Кому нужно будет знать, тот будет знать. По крайней мере, зададутся вопросом. Возможно, это даже убедит Эмила не становиться на моем пути.

¹ Дурак (рум.).

² Наивный (рум.).

* * *

Ирэн не была бы так ошарашена, даже если бы ее свекровь сказала ей, что в прошлой жизни она была фокусницей. После пары типичных моментов, когда она забывала, где она находится или как вернуться в собственную комнату, она вдруг спросила, когда обед.

— Да мы только что обедали, мама, — сказала Ирэн. — Вам очень понравился витаминный салат, помните?

— О да! Но разве это было сегодня?

Это было всего десять минут назад.

— Мама, а вы когда-нибудь молитесь?

— Да, конечно, я молюсь каждый день. Я же христианка, ты сама знаешь!

«Я знаю, что вы так думаете», — хотелось сказать Ирэн. Но эта женщина была такой хрупкой.

— Я так беспокоюсь за мужа. Мне кажется, он даже не знает о Боге.

— Вам кажется? — сказала Ирэн.

— Не так, как я, нет. И мой сын тоже.

— То есть?

— Иисус должен быть у тебя в сердце, — сказала она так по-детски, что Ирэн просто остолбенела.

— И как Иисус может быть у вас в сердце?

— Не физически, ты сама знаешь, — сказала старая женщина. — Это просто выражение такое.

— Я понимаю.

— Я это нашла в Библии. В нашей церкви никогда о таком не говорили. О том, что все мы грешники и разлучены с Богом. Что Иисус умер за наши грехи. То есть слышали-то мы много, но это как бы относилось ко всему миру. Он и правда умер за весь мир, но принять-то Его ты должен лично. У меня есть один любимый стих.

— Да?

— Как там бишь говорится?

— Не знаю, мама. Что за стих?

— Мне нравится, когда ты называешь меня мамой. Но ведь я не твоя мать?

— Вы мать моего мужа.

— Ты жена Рэйфорда. Я была на вашей свадьбе.

— Да, были.

— И когда же ты подаришь нам внуков?

Ирэн достала фотографии и напомнила ей о Хлое и Рэйми.

— Конечно, я их помню!

— А ваш любимый стих? Он какой?

— Не могу вспомнить адрес.

Ирэн никогда не слышала, чтобы так называли ссылку из Библии.

— Тогда просто скажите слова.

— «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими»¹. Я верю в имя Его, Хлоя.

— Я Ирэн.

¹ Евангелие от Иоанна, 1:12.

— Я верю в Его имя, Ирэн.

Ирэн едва могла слово вымолвить. Какой огромный подарок!

— Все перестают читать, как только доходят до Послания к римлянам, 3: 23, — сказала миссис Стил, еще раз удивив Ирэн.

— Значит, эту ссылку вы запомнили.

Старая женщина кивнула.

— Всем надо читать и следующий стих.

— Вы его помните?

— Конечно. Оба помню. «Потому, что все согрешили и лишены славы Божией». Но дальше самое лучшее: «Получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе».

— Это прекрасно, мама.

— Да. Это Евангелие от Иоанна, 1:12.

— Извините?

— Это адрес первого стиха, Хлоя.

— Ирэн.

— Ирэн.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ион был убит в сельской местности Молдовы. У его машины отказали тормоза, и сначала он врезался в газовоз, а затем в телегу.

Николае присутствовал на похоронах, прислал кучу цветов и попытался утешить скорбящую вдову, которая явно старалась держаться от него подальше. Он смягчил ее гнев, шепнув, что создал фонд для ее единственного ребенка, шестилетнего сына, так что его учеба в колледже будет оплачена. Она обняла его, и, глянув через ее плечо, Николае поймал взгляд Эмила Тишманяну.

Тишманяну был по меньшей мере вдвое старше Николае. Он одевался и вел себя как преуспевающий бизнесмен и политик, каковым и являлся. Николае извинился перед вдовой и подошел к Тишманяну, чтобы пожать ему руку. Рукопожатие вышло напряженным.

— Буду очень благодарен, если станете заранее информировать о своем вторжении, — прошептал Николае.

— Вторжении? — с улыбкой тихо ответил Тишманыну. — Я не похищал члена вашего правления. Я не сделал бы такого, не предупредив вас. Как только Ион появился в моем поле зрения, я предположил, что он вами недоволен.

— Я мало что упускаю, — сказал Николае. — Но позвольте вас заверить, что, когда я выйду на какого-нибудь из ваших служащих, я первым делом оповещу вас.

— Не стоит беспокоиться. Никто из работающих на меня не захочет работать на вас.

— Могут захотеть, когда я стану депутатом в Бухаресте.

Эмил отступил на шаг и поднял брови.

— Это объявление войны?

— Вам — вероятно, да.

* * *

— Твоя матушка снова возродилась во Христе, Рэйфорд, — сказала Ирэн.

Он закрыл глаза и провел ладонями по лицу.

— Лучше не говори. Как ты?

— Говорю. Да, как я.

— Значит, меня обложили со всех сторон.

— Ага. Сдавайся и переходи к нам. — Ирэн улыбалась, стараясь все перевести в шутку.

— Никогда.

— Рэйф, да я просто поддразниваю тебя. Не надо гнать лошадей, если тебе кажется, что ты проиграешь, если примешь верное решение.

— То есть если буду молиться Иисусу и говорить Ему, что хочу стать таким, как ты.

— Мне правда не нравится, когда ты шутишь таким образом. Ты знаешь, как это для меня важно.

— Конечно. А ты бы уже должна знать, как это меня раздражает.

— Не должна. И твоя мать...

— Значит, насчет моей матери ты не шутила.

— Нет, она говорила очень ясно...

— Моя мать маразматичка, Ирэн. Ей светит Альцгеймер. Половину времени она не сознает, кто она и где она. Как ты можешь верить ее словам?

— Потому что она цитировала стихи и знала адреса.

— Адреса?

Ирэн объяснила.

— Просто случайно у нее в памяти всплывают детские воспоминания, — сказал Рэйфорд. — Она не понимает, что говорит, во что верит, даже что помнит. Ее мозг как музыкальный автомат, и селектор вынимает наугад из ее памяти то этот, то другой обрывок, складывая их в беспорядочную картинку, которая порой вроде бы даже имеет смысл. Я удивлен, что ты вообще этому веришь.

— Ты бы лучше сам послушал.

— Это нечестно. Ты знаешь, насколько я занят.

— Я ничего не говорю о том, как часто ты должен ее посещать, Рэйф. Я просто говорю, что ты должен ее послушать и сам решить. Ты знаешь, что часы посещений бывают каждый день, даже по твоим выходным. Даже по субботам и воскресеньям.

— Ты хочешь сказать, когда я играю в гольф.

— Она была бы счастлива тебя видеть.

— Спасибо, что напомнила мне о чувстве вины.

— Если тебя это задевает...

Рэйфорд стремительно вышел из комнаты.

Ирэн отругала себя. Надо найти иной способ достучаться до него.

* * *

Николае был заинтригован, но одновременно озадачен.

— В морской академии есть позиция, сходная с той, которую вы хотели, — сказал Райш Планшетт.

— В морской? Я сказал — в военной или академии ВВС.

— Я предположил, что вам все три нужны.

— Райш, честное слово, зачем морское дело компании, чьи дела привязаны к суше?

— Затем, чтобы поступить в морскую академию. Как бы то ни было, если не хоти-

те, можете отказаться. Но именно там я нашел место, которое вы мне обрисовали.

— Мне хотелось бы иметь все три академии в моем послужном списке, если я буду добиваться депутатского места. Значит, у них есть комбинированная позиция гражданского студента и преподавателя?

— В определенном смысле слова, — сказал Планшетт, вытаскивая записи. — Один итальянец по происхождению, лет сорока с небольшим, с религиозным образованием, обучает там кадет международной дипломатии, протоколу и религиозным основам разных групп. Его зовут Леонардо Фортунато.

— Фортунато, — сказал Николае. — То есть погосос — везунчик — или авантюрист?

Райш пожал плечами.

— Я никогда не встречал этого человека.

— Поговорите с ним. Прощупайте и посмотрите, не пригодится ли он мне. Но также воспользуйтесь этим прецедентом и добейтесь для меня такой же позиции в двух или всех трех академиях.

* * *

Ирэн поняла, что с мистером Стилом разговаривать очень тяжело. Он смотрел мимо нее и каждые несколько минут знакомился с ней заново.

— Мой сын пилот, — в четвертый раз повторил он, тяжело сопя и обводя комнату взглядом.

— Я знаю. И вы гордитесь Рэйфордом. Вы помните, что я его жена?

— Мне хочется стаканчик воды, девушка. Пожалуйста.

— Я только что принесла. Возьмите.

Он вздохнул и покачал головой, явно сбитый с толку.

— Спасибо.

Он сидел, нахмурившись, и смотрел на нее.

— Вы помните ваших внуков?

Он пожал плечами, затем кивнул, явно не понимая, о чем речь

— Моя жена умерла.

— Нет. Она тоже здесь. Она придет навестить вас попозже днем.

— А у нее есть внуки?

— Да, как и у вас. — Ирэн показала ему снимки.

Он ткнул пальцем в Рэйми.

— Рэйфорд, — сказал он.

— Рэйфорд-младший, — сказала она.

— Он будет пилотом.

— Может быть. Это будет забавно, не правда ли?

— Мой сын пилот.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Николае не было необходимости знать всю подоплеку действий по организации приглашения его в качестве адъюнкта в каждую из трех военных академий Румынии. Он знал только то, что это придаст замечательной весомости его резюме и что, когда он вдруг станет пацифистом, ему будут доверять больше, чем кому бы то ни было.

Когда Райш Планшетт доложил Николае, что ему предоставляют место в каждой из академий, ему это показалось странным. Он не знал о частных пожертвованиях правительственным институтам, но, с другой стороны, Планшетт ясно сказал, что все эти телодвижения останутся в тени. Все это в сумме стоило Николае всего-то нескольких миллионов. Он счел это невеликой платой за обеспечение своего будущего.

— Вы можете посещать любые занятия когда захотите, во всех трех учебных заведениях, и вы будете читать лекции по бизнесу и международным отношениям по графику, который будет удобен для вас.

— Отличная работа, Райш, — сказал Николае, ощутив внезапный порыв великодушия. На лице Райша возникло изумление. Все знали, что Николае редко хвалит кого бы то ни было. — Правда, Райш. Я очень ценю ваши труды.

Планшетт слегка поклонился:

— Для меня честь служить вам.

Карпати внимательно рассматривал его. Какая ленивая, смешная победа! Добиться эмоций от более старшего, бывшего наставника, всего лишь простой похвалой. Видимо, это поразило Райша, как порез бритвы. Это режет глубже, унижает сильнее, чем язвительность, чем напоминание в открытую, что они поменялись ролями.

— А теперь, Райш, расскажите о том итальянце.

Планшетт достал из кейса досье.

— Я немного порылся в его прошлом, Николае. Только происхождение.

— Рассказывайте.

Райш порылся в бумагах.

— Впечатляющий парень. Прошрое у него разнообразное. Сплошная эклектика. Начал свое обучение в религиозном ключе. Католик. По какой-то причине оставил церковь. Похоже, сторонник теософии. Служил в армии, много раз награждался, всегда за служ-

бу начальству. Похоже, знает, как сделать своему начальству хороший имидж.

— Итальянское правительство послужило моделью для нашего. Две палаты парламента — Senato della Repubblica, сенат, и Camera dei Deputati, палата депутатов. Тут интересная деталь. Фортунато сначала был избран в сенат и прослужил там пять лет. Затем, несмотря на свою популярность, он решил перейти в нижнюю палату, палату депутатов, и прослужил там два пятилетних срока.

— И какой вывод вы из этого делаете, Райш?

— Трудно сказать. Может, опять его желание прислуживать? Почему-то ему нравится возводить к вершинам других.

— Странно.

— С того времени он начал собственный бизнес — путешествовал по миру, консультируя глав правительств, обучал политиков, политические партии, учил дипломатии, протоколу и — когда позволялось — тому, что он называет «религиозной чуткостью».

— Мне было бы интересно с ним пови-
даться. Надо как-то войти в курс моей роли как наставника. Вы сможете это устроить, Райш?

* * *

Рэйфорд начал бояться возвращаться домой. Нет, детишки чудесны, пусть и достава-

ли немного. Хлое было уже двенадцать лет, и она настолько походила на Рэйфорда, что это его даже пугало. Она ничего не упускала, и он часто слышал, как она пускала в ход те же аргументы в разговоре с матерью, что и Рэйфорд. Она была сообразительной и хорошо умела выражать свои мысли, любила естественные науки и была скептична. Если не можешь чего-то доказать, то лучше не пытаться с ней спорить.

Рэйфорд видел, что Ирэн, конечно, беспокоилась за душу Хлои. Но он решил, что тут беспокоиться не о чем. Хлоя была не хуже других и лучше многих. Ну да, она могла бы быть поласковее со своим четырехлетним братишкой, который действительно любил все, что было связано с воскресной школой и церковью.

А это было совсем другое дело. Теперь, когда Рэйми должен был ходить не только в церковь, но и в воскресную школу, им всем приходилось тоже ходить туда.

Рэйфорд и Хлоя изо всех сил боролись против этого, и часто все семейство приезжало в церковь багровое от злости, не разговаривая друг с другом, но с дежурными воскресными улыбками на лицах. Рэйфорду не удалось уговорить начальство на подобие «мессы рыбаков», так что каждый раз через воскресенье у них с Ирэн шли дебаты насчет того, идет ли он в церковь (и воскресную школу) или играет в гольф.

Он устал проигрывать эти сражения, и уже близился день, когда он просто скажет

ей «нет». Рэйфорд устал терпеть насмешки от остальных членов своей гольфовой четверки. Ему не было смешно, когда его называли подкаблучником или, еще хуже, что жена дает ему по носу. Дело было в том, что свое обещание ходить в церковь он давал Богу, не Ирэн, и он не желал больше ходить на поводке. Он мог поклоняться Господу как на природе, так и на какой-нибудь холодной, жесткой скамье. А то так и лучше было бы. В конце концов, это была его жизнь, и он намеревался жить в свое удовольствие. Он не говорил Ирэн, что делать, и, черт побери, пусть она тоже ему не говорит!

В его жизни никогда не было другой женщины, и о разводе он даже не думал. Но когда он представлял себе противостояние с Ирэн, ему приходилось думать и о возможных последствиях. Если дойдет до ссоры, то какой у него будет выбор? Он бросит ее? А сможет? Он не хотел этого. Но и жить так не хотел.

И хотя он не гулял налево, в море были и другие рыбки. Рэйфорд не был слепым и видел, как поглядывают на него женщины, как прихорашиваются, как разговаривают с ним, улыбаются ему. У него были коллеги, которые не упускали почти ни одной девушки из их экипажа. Он не сомневался, что и он так сможет, если захочет.

Но в этом-то и было все дело. Ему нужно было только чуть сместить равновесие сил у себя дома. Он не только хотел делать то, что ему хотелось, но, как единственный кормилец, он также ощущал, что имеет право сам

распоряжаться собственным временем, и ему надоело чувствовать себя виноватым.

* * *

Как же ее жизнь могла катиться по верной колее, раз ее брак разваливался? Ирэн молилась за Рэйфорда каждый день, чаще всего за его спасение. Но в последнее время она все чаще стала просить у Бога ниспослать ей терпение и понимание. Они с Рэйфордом становились чужими людьми, неловкими, незнакомыми существами, вращавшимися по разным орбитам. Даже в отношении детей у них единства не было.

Ирэн держала Хлою и Рэйми в ежовых рукавицах, хотя Рэйми этого особо и не требовалось. А вот Хлоя чуть ли не постоянно испытывала терпение матери, особенно на словах. Все приходилось объяснять или отстаивать, иначе Ирэн грозило почувствовать себя самой невежественной женщиной на планете.

Рэйфорд, с другой стороны, почти детьми не занимался. Когда он бывал дома, ему хотелось, чтобы они вели себя тихо. Он проводил с ними немного времени и был с ними добр, но обычно его хватало на полчаса или около того.

Ирэн начала собираться с духом и готовиться к противостоянию. Так дело не пойдет.

Леонардо Фортунато принял приглашение Николае, переданное, естественно, через Райша Планшетта, пожаловать на ужин в четверг вечером к нему в особняк, где также будут присутствовать его тетя Вив и Райш Планшетт. На сей раз Николае послал за гостем черный «бентли», который должен был доставить его к дверям особняка в десять вечера.

Райш и Вив должны были ждать в гостиной и позвать Николае, когда Фортунато приедет. Когда Николае спустился из своего кабинета, одетый в самый свой скромный и сдержанный обеденный пиджак, Райш как раз представлял друг другу господина Фортунато и мисс Айвинз.

Фортунато — «зовите меня просто Леон» — был очень смуглым и коренастым, носил сшитый на заказ, но не слишком дорогой костюм с галстуком. Он напоминал Николае телохранителя из плохого боевика. Он выглядел старше своих лет, хотя волосы его оставались густыми и черными. Вероятно, такое впечатление создавалось из-за его челюстей. У него были черные глаза, в которых читалась усталость от мира, но Николае показалось, что в них виделась еще и застенчивость, несмотря на его обширный жизненный опыт.

Фортунато подарил Николае бутылку дорогого итальянского вина, настояв, чтобы Николае выпил ее потом лично.

— Не сомневаюсь, что вы уже выбрали вино для нынешнего вечера.

— И не одно, — сказал Николае, поблагодарив его.

Все четверо сели за торжественный ужин за небольшой квадратный столик. Фортунато тут же извинился, что не говорит по-румынски.

— Из-за этого мне трудно здесь преподавать, но я стараюсь, как могу.

— Ну, — сказал Николае, — поскольку итальянским я не владею, давайте выберем, скажем, английский и посмотрим, получится ли у нас разговор.

Пока перед ними расставляли приборы, Фортунато громким шепотом спросил у Планшетта:

— А сколькими языками он владеет?

— Девятью.

— Девятью! Небеса!

— И многие из них, — сказал Николае, — достаточно близки к итальянскому, чтобы я мог с вами как-то общаться.

— Английского вполне достаточно, — сказал Леон. — А что это такое?

— О, это просто небольшой *delicatete* — *fruct*.

— Фруктовый деликатес?

— Видите, вы говорите на итальянском, английском и румынском!

Они долго наслаждались разнообразной едой, затем Николае извинился перед Вив и Райшем и повел Фортунато в приемную, из

окон которой открывался вид на горы. В камине гудело пламя.

Николае велел подать кубинские сигары.

— Сделайте одолжение, возьмите вот эту, — сказал Николае, указывая на самую толстую в коробке.

— С удовольствием, — ответил Фортунато.

Николае выбрал такую же. Он отрезал кончики и зажег обе сигары.

Фортунато сделал долгую затяжку, поспеивал дым прежде, чем выдохнуть.

— Теперь можно и умереть, — сказал он, посмеиваясь. — Благодарю вас за чудесный вечер. У вас великолепный дом, просто совершенство.

— Еще не так поздно, разве не так?

Фортунато пожал плечами и улыбнулся, словно согласный со всем.

— Я подумал, что мы можем, в конце концов, поговорить, — сказал Николае. — Но мне не хочется быть невежливым хозяином.

— Сколько угодно, сэр, — ответил Леон.

* * *

Рэйфорд не знал, что и подумать, когда Ирэн сказала ему о своих планах на следующий раз, когда он вернется после долгого полета. Она договорилась с Джеки, что та забрет детей, и забронировала номер в местном

отеле. Она так делала не первый раз, но обычно всегда это приходилось либо на День святого Валентина, либо на годовщину их свадьбы, или на день рождения Рэйфорда. Но на сей раз это было просто так, без повода.

Во время полета и отдыха Рэйфорд пытался прийти к какому-то выводу насчет всего того, что творилось с ними. Хотя в смысле любви их жизнь оставляла желать лучшего, все было не так уж и плохо. Она была усталой, задерганной, замученной. Он был отстраненным, не слишком счастливым, с явными неразрешенными проблемами.

Возможно, это было испытание. Возможно, она собиралась спросить его, верен ли он ей по-прежнему. Он был благодарен ей за это. Ему еще не хватало вины за что-то реальное, кроме всего того, что она и так пыталась внушить ему взглядами, жестами, комментариями насчет его родительского поведения, ответственности перед собственными родителями и его быстро улетающей воскресной повинностью.

Рэйфорд решил держать в голове весь список собственных претензий. Возможно, нечестно будет заставить ее врасплох, устраивать ссору в вечер, который она заранее запланировала. У нее явно что-то было на уме. Он будет рад успокоить ее, но в подходящий момент, если время и ситуация будут подходящими, он извлечет свой список претензий.

То, что она хотела устроить все в отеле, явно в романтическом ключе, означало, что

она еще не ступила на тропу войны. Он тоже не хотел этого. Но пора быть честным. Он откровенно скажет ей, что не сбился с пути, но упомянет и о том, что у него есть основания к тому, чтобы держать между ними определенную эмоциональную дистанцию. Дело в том, что это была и ее вина, может, даже в большей степени ее, и теперь ей придется напрямую разбираться с этой проблемой.

— Я соберу тебе сумку, милый, — сказала она. — Можешь даже не выходить из машины, если тебе не нужно. Я буду наготове, и мы сможем направиться прямо в отель, как только ты сядешь за руль. Как тебе этот вариант?

— Что-то тут подозрительное, — сказал он.

— Я рада, что ты сказал это с улыбкой, — ответила она. — Что может быть подозрительного в том, что женщина хочет соблазнить своего мужа?

— Загнала ты мне ежа под череп, — ответил он.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Николае Карпати невольно привлекала двойственность натуры Леонардо Фортунато. Во время ужина он с интересом слушал его, но внешний вид собеседника его отнюдь не привлекал. Николае всегда больше интересовал собственный внешний вид, чем чужой.

Но сейчас, пытаясь понять этого человека, он внимательно его рассматривал.

Фортуinato был где-то на пять дюймов ниже Николае, но в то же время настолько коренаст и плотен, что казался тяжеловесным. Мелочи тоже не ускользнули от внимания Карпати. Костюм, темный и консервативный, было явно недорогим, но все же сшитым на заказ. Отложные манжеты с алмазными запонками виднелись из-под рукавов. Фортунато носил два кольца на одной руке и одно — на другой.

У него был переливчато-красный галстук, который словно светился пульсирующим светом даже в полумраке затененной приемной.

Когда он закинул ногу за ногу — немалый подвиг — на его носках, подобранных под костюм, открылась красная полоска, почти подходившая по цвету галстуку. Николае решил, что этому человеку приходится бороться со склонностью к излишней пышности.

Под крышу залетел легкий ветерок, и Карпати подвинулся ближе к камину. Фортунато, напротив, отодвинулся. Он не только подался назад, но спросил, не будет ли хозяин против, если он снимет пиджак.

— Вовсе нет, — сказал Николае и щелкнул пальцами: — Петер!

Появился слуга.

— О, да я просто повешу его на спинку кресла, — сказал Фортунато, — если вы не против.

— Я против, — ответил Николае. — Петер, пожалуйста, повесьте пиджак мистера Фортунато и принесите ему домашнюю куртку на всякий случай.

Вскоре Петер вернулся с курткой винно-красного цвета из войлока, с атласной отделкой и повесил ее на подлокотник дивана рядом с Фортунато.

Леон подался к Карпати, раздвинув ноги и уперев локти в колени. В полумраке Николае увидел пятна пота под мышками собеседника. Нервничает или ему действительно жарко? Он даже не глянул на куртку.

Они проговорили несколько часов, и примерно в три часа утра Карпати стал ощущать, что между ними возникла какая-то странная связь. Фортунато знал много и о многом. Казалось даже, что он знает все и обо всем. Будь у Николае столько опыта и известности, он давно бы уже стал одним из самых уважаемых людей в мире.

— Мне надо задать вам несколько вопросов, мистер Фортунато, и прошу не воспринимать это как оскорбление.

— Пожалуйста.

— Как получилось, что вы остаетесь в тени? Почему я никогда прежде о вас не слышал?

Фортунато улыбнулся, словно Карпати сделал ему невероятно лестный комплимент.

— Это я делаю специально, друг мой. Мне нравится считать себя делателем королей.

Николае выпрямился. Делатель королей?

— И вы испытываете удовлетворение, когда даете другим способ превзойти себя?

— Вот именно! — воскликнул Фортунато. — Сам не понимаю почему. Никогда этого не понимал. Многие спрашивали меня, почему я не лидер, почему не ищу популярности. Я не знаю. Но вот что я вам скажу. Моя жизнь — сплошной вызов. Я не могу сказать, что небеса раскрылись и я увидел свет и услышал голоса. Все, что я знаю, — это то, что я просто возрождаюсь, когда моя скрытая работа приводит к возвышению кого-нибудь, кого я избрал, кем я восхищаюсь и кому доверяю. В такие времена, когда мой кандидат побеждает или мой клиент

получает повышение, я ощущаю себя более реализовавшимся, чем если бы я был царем мира.

— Потрясающе!

— Благодарю, мистер Карпати. Честно говоря, это меня восторгает.

Николае попросил Петера принести коробку с сигарами и взял сигару поменьше и помягче.

— Мистер Фортунато?

Леонардо отказался.

Карпати закурил сигару.

— Скажите мне, если я задерживаю вас слишком долго.

— Нет, ни в коем случае. Я сова, да и кто не любит поговорить о себе самом?

Николае хмыкнул.

— Мне интересно ваше духовное прошлое. Мистер Планшетт рассказывал мне, что вы выросли в католической среде и одно время обучались на священника.

— Да, я специализировался по религии в Католическом университете неподалеку от Ватикана, но я не думаю, чтобы из меня получился священник хоть когда-нибудь. Я любил церковь и все ее атрибуты, но мне не хватало самоуничижения.

— Самоуничижения?

— Я открытый человек, мистер Карпати, так что скажу вам правду. Больше всего меня в моей наследственной религии привлекает формальность и пышность. Я никогда не чувствовал близости к Христу, объекту поклонения нашей церкви, в отличие от

моих однокашников и коллег, я их уважал и завидовал им. И все же я понимал, почему не оправдал надежд и в этом отношении.

— Вы хотели быть папой.

Фортунаато поднял голову и расхохотался:

— Горячо! Горячо! Я хотел быть Иисусом!

Карпати рассмеялся.

— Из нас вышла бы неплохая пара, мистер Фортунаато. Я хочу быть богом!

Оба довольно рассмеялись.

— Не хотите прогуляться, мистер Карпати? Не сочтите меня плохим гостем за это предложение, но мне хотелось бы встать и размять ноги.

— Конечно. Но давайте оставим формальности. Мне кажется, мы скоро станем друзьями, так что давайте перейдем на «ты». Хорошо?

Фортунаато подал руку Карпати, встал и поднял младшего собеседника из кресла.

— Приказать Петеру принести твой пиджак или предпочтешь куртку?

— Честно говоря, Николае, мне и так хорошо. Мне нравится, когда ветер задувает в рукава.

— Как угодно.

* * *

Рэйфорд Стил был не из тех, кто дареному коню в зубы смотрит. Ирэн сняла номер для новобрачных в лучшем местном отеле, и

они с удовольствием поужинали на балконе. Пару часов спустя они лежали в постели в темноте и разговаривали.

Он не мог отделаться от ощущения, что его поймали в какую-то ловушку, что она использовала весь свой арсенал, чтобы он размяк, и все ради какой-то цели. Зачем — он не знал. Но мысль у него на этот счет была. К полуночи ему уже хотелось, чтобы она в конце концов приступила к делу. Но она по-прежнему продолжала вспоминать о том, как они встретились, полюбили друг друга, как ухаживали друг за другом, объявили о помолвке, поженились, переехали, родили детей.

Это действительно было приятно вспоминать и ощущать легкую ностальгию по временам, которые, казалось, были так недавно, но которые пролетели так быстро. Рэйфорд мог сказать, что Ирэн дошла до настоящего предмета своих разговоров, истинной причины этого уединения, когда она с грустью заговорила о Хлое.

— Я беспокоюсь за нее, Рэйф. Как и за тебя... Я не хотела, чтобы все вышло так, но ей всего двенадцать лет. Я всегда думала, что наши дети будут оставаться в нежном возрасте дольше, чем обычно. Но ведь о ней больше не скажешь — нежная девочка, разве не так?

— Нет, но так можно сказать о Рэйми, — ответил Рэйфорд. — И вот это уже беспокоит меня.

— Рэйф, ему всего четыре годика!

— Очень нежных четыре годика.

— Да он просто обязан таким быть в четыре года. Не беспокойся, твой сын не сможет вырасти мягкотелым.

Рэйфорду понравились эти слова.

— К Рэйми мы еще вернемся, — сказала она. — Нам надо поговорить о Хлое. Она уже чересчур скептична, все встречает в штыки, ни во что не верит.

— Не верит, как ты, хочешь ты сказать.

— И это тоже. Ребенок в ее возрасте не должен испытывать проблем с верой в Иисуса и любовью к нему.

— Только она никому ничего не должна, — сказал Рэйфорд.

— В смысле?

— В смысле, пока мы принимаем в этом участие, то есть ты хочешь этого, верно?

— Больше чем чего-либо еще.

— Этого я и опасался.

— Рэйф, не надо.

— Хорошо, давай просто поговорим. Но раз уж ты заговорила обо всем этом, будем откровенны друг с другом.

— А мы не можем в это же самое время быть добрее друг к другу?

— Конечно. Я попытаюсь. Но это больной вопрос и для меня, и для тебя, Ирэн. Мы месяцами ходили вокруг да около, пора выложить карты на стол.

Ирэн сцепила руки за головой и вздохнула:

— Начинай.

— Тебе это не понравится.

— Ничего. Мне кажется, что я такое слышала и прежде.

— Хорошо. Тогда я просто повторяюсь.

— Нет, Рэйфорд, не надо. Мне не надо было этого говорить, но я надеюсь, что ты удивишь меня каким-нибудь новым взглядом. Честное слово.

Он повернулся к ней и оперся на локоть.

— У Хлои все в порядке с Богом, церковью и всем прочим. Как и у меня. Мы просто не настолько во все это влезаем. Как ты. Я не знаю человека религиознее тебя.

— Это не...

— Ирэн, выслушай меня. — Он говорил почти раздраженно и даже не пытался этого скрыть. — Если ты опять заведешь свою шарманку насчет того, что дело не в религии, а в Иисусе, я взорвусь. Я все это уже слышал. Я все знаю. Ты постоянно об этом талдычишь. Религия — наша попытка достичь Бога. Иисус — попытка Бога достучаться до человека. Я столько раз это слышал, что это все стало пустыми словами. Это то — уж прости меня, — что должен говорить религиозный человек. Неужели сама не понимаешь? Ты ведешь себя как святая, или монашка, или как зацикленная на Библии, или кто еще там. Мы все должны быть такими же, как ты, или мы не достойны тебя.

На сей раз ему удалось заставить ее замолчать, и он не был уверен, что это так уж и плохо. Теперь инициатива была за ним, и, как он надеялся, он говорил убедительно.

— Подумай, какой тебе мог попасться муж. Какой-нибудь хам. Бабник. Алкоголик. Тот, кто *никогда* не ходит в церковь. А я хожу в церковь, Ирэн. Может, не так часто, как тебе хотелось бы, но хожу. Я верю. Я верю в Бога и даже люблю слушать об Иисусе. Со мной все нормально. Я просто не хочу быть странным. Я не хочу, чтобы это завладело всей моей жизнью, расстроило мои взаимоотношения с друзьями. У них свои убеждения, у меня — свои. Это свободная страна.

Рэйфорд хотел заполнить напряженную тишину своими доводами о том, когда он должен или не должен ходить в церковь, о своих планах ходить в церковь реже и играть в гольф больше, но с этим можно было подождать. Он не хотел испытывать удачу. Он знал, что говорит не то, что надеялась услышать Ирэн. На самом деле сейчас он воплотит в жизнь ее самый страшный ночной кошмар. Ладно, это все была ее идея. Она хотела узнать, о чем он думает, и она свое получила.

— Мы говорили о Хлое, — спокойно сказала она.

— Да? Хорошо. А что с ней не так?

— Она поклоняется тебе. Ты ее герой. Она хочет быть такой, как ты.

— А это так плохо? Могло ведь быть и хуже. Разве тебе не понравилось бы, если бы она в один прекрасный день стала успешным пилотом?

— Дело не в том. Она отлично учится. Она сумеет сама проложить себе дорогу.

Здесь все будет в порядке. Ты взрослый мужчина. Ты имеешь право принимать решения, даже если я с этим не согласна. Даже если последствия будут для меня неприемлемы. Но ей всего двенадцать лет, Рэйф. Она оспаривает существование Бога, сомневается в правоте Библии, не желает ходить в церковь и воскресную школу. Она критикует своего наставника воскресной школы, опускает голову, складывает руки и закрывает глаза во время проповеди.

— Но слушает же.

— О, я знаю, что она слушает, потому, что критикует их.

— Но ведь ты тоже так делаешь, Ирэн.

— Хорошо, я заткнулась, — ответила она и отвернулась от него.

— Не надо так. Мы хотя бы разговариваем. Ты действительно хочешь, чтобы я почувствовал, что ты разочаровалась во мне?

Она снова повернулась к нему.

— Нет. Но я хочу, чтобы ты уговорил Хлою дать мне шанс. Все же оставить Библии шанс оправдаться. Как-то скорректировать свое поведение по воскресеньям.

Рэйфорд сел, спустил ноги с кровати.

— Я не могу этого сделать, — сказал он.

— О, Рэйф!

— Я не могу, Ирэн. Я должен быть честен с собой и делать то, что считаю правильным. Ты не станешь запугивать своего ребенка и заставлять принимать решение такой жизненной важности. Ты не сможешь ее заставить разделять свою веру. Она должна сама

прийти к этому. Я хочу, чтобы ее вера была основана на ее собственном изучении и выводах.

— Как и твоя.

— Да, как моя! Что не так с моей верой?

— Да ее просто у тебя нет, Рэйфорд. Ты ходишь в церковь как в клуб. Если бы ты серьезно хотел выполнить свои обещания Богу, ты бы изучал Библию, ходил в церковь, где ее действительно бы изучали и растолковывали. И взрастил бы своих детей в такой же вере. Нет, я не хочу, чтобы Хлоя унаследовала веру. Я просто хочу, чтобы она была более открытой, более способной воспринимать учение, более уступчивой. Она слишком маленькая, чтобы так упираться и воспринимать все в штыки.

— Она не уперта, Ирэн. Она хорошая девочка, она отлично учится, она никогда не доставляла нам проблем. Я просил тебя представить, какой тебе мог достаться муж. Теперь представь, какая у тебя могла быть дочь.

— Значит, я должна обожать своего мужа и дочь — несмотря на их несуществующую связь с Богом — просто за то, что они не такие, какими могли бы быть? Ладно, Рэйфорд, позволь сказать тебе, что я так вами восхищаюсь, что каждый день благодарю Бога за то, что ты не такой, как Гитлер. И разве не чудесно, что ты не серийный убийца? Это действительно могло бы подорвать наш брак.

— Теперь мой черед поднять руки, — сказал он.

Ирэн встала и набросила халат. Включила свет и села перед телевизором.

— Понимаешь, — сказал он, — когда ты сказала, что я хожу в церковь как в клуб...

— М-м-м, — ответила она, не глядя на него.

— Именно потому я и не хочу менять церковь.

Она обернулась к нему с растерянным лицом.

— Ты понимаешь, что в нашей церкви мы познакомились с нашим доктором, нашим дантистом, нашим страховым агентом и даже с тем парнем, который вписал мое имя в члены клуба?

Ирэн снова повернулась к экрану.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Николае Карпати и Леон Фортунато гуляли и разговаривали до самого утра, остановившись, чтобы полюбоваться красотой восходящего над Карпатами солнца. Петер и охранники незаметно держались где-то в ста футах позади них.

Мужчины рассказывали друг другу истории из своей жизни, делились надеждами, мечтами, планами. Хотя Николае еще не слишком распространялся об этом, Фортунато наверняка понял, что его оценивают на предмет роли в будущем Николае Карпати.

Чем больше они разговаривали, тем более конкретные вопросы задавал Николае и тем больше спрашивал. Вскоре Фортунато уже говорил как человек, который продает себя, но он вел дело тонко. Николае подумал, что каждый из них уже понял, чего хочет

другой, но пока никто не решался выкладывать карты на стол.

Наконец, они вернулись в приемную, где Леон надел домашнюю куртку, а Петер поставил перед ними блюда с фруктами и тостами.

— Не хочу играть в кошки-мышки, — сказал, наконец, Николае.

— Я это понял.

— Ты — совершенный делатель королей, Леон. А я хочу быть королем.

— Я знаю.

— Знаешь?

— Тебя ведь не удивит, что прежде, чем принять твое приглашение, я немного подготовился. Ты вознесся на небеса бизнеса, как метеор. Еще задолго до этого все восхищались твоим интеллектом. Твои физические способности вошли в легенду. Хотя ты открыто об этом не заявлял, повсюду ходят слухи, что ты неутомим, что ты жаждешь расширить свои горизонты, свой бизнес, расширить свое влияние. Это недалеко от политики.

— Позволь мне кое о чем тебя спросить, Леон. Насколько ты стал бы помогать человеку в достижении его целей?

Леон на несколько дюймов отодвинул свое блюдо и откинулся на спинку кресла. Скрестив руки на груди.

— Ах, — сказал он. — Вот он — настоящий вопрос.

— Я просто любопытствую.

— Нет, тут гораздо большее, и ты сам это знаешь. Это суть дела. Я же сказал тебе, что подготовился.

— То есть?

— То есть у меня есть идея по поводу того, насколько далеко ты готов зайти, чтобы достичь своей цели.

— Правда? И насколько?

— Позволь мне отвлечься от темы и рассказать, за что меня выпихнули из Католического университета.

Карпати любил такие истории.

— Я уже рассказывал тебе, что люблю пышность. Никогда не забуду похорон папы и выборов очередного и все, что было с этим связано. Что может быть прекраснее красного, красного, красного цвета кардинальских облачений? Даже еще будучи студентом, я всегда имел подработку на стороне, и, таким образом, денег у меня было больше, чем у однокашников. Если мне пришло в голову, что я хочу кардинальское облачение, то ничто меня удержать не могло. Я ринулся в магазин в Ватикане, где мне пришлось соврать, чтобы купить желаемое. Мне сказали, что для покупки такого облачения мне нужно специальное разрешение, так что я немедленно сочинил историю, что это подарок моему епископу. Я сказал, что мы примерно одного роста и сложения, и был готов просто взорваться от радости, когда расспросы закончились и началась примерка.

Когда облачение было готово и я примерил его перед трельяжем, я мог бы умереть в тот же момент. Мне пришлось сдерживать эмоции, чтобы обман не раскрылся. Я убеж-

дал их, что мой епископ будет рад не меньше меня. Я хотел, чтобы мне доставили облачение прямо в общежитие, но это выдало бы меня с головой. Я не мог дожидаться момента, когда смогу вернуться домой и снова примерить одеяние.

Я носил его повсюду, как костюм. Однокашники охали и ахали. Старшеклассники зло смотрели на меня и издевались надо мной. Мне удалось перехитрить профессора, сказав ему, что я взял костюм напрокат для маскарадной вечеринки. Ему это не показалось забавным, но он не мог себе представить, чтобы это нарушало какие-то правила. Что, конечно, было неверным, когда я появился в этом виде на занятиях на следующий день. Точнее, занятие в это день у меня было одно и последнее. Когда я вошел во вторую аудиторию, меня уже поджидало начальство. Меня доставили пред ясные очи административного совета, где отругали, укорили и заставили вернуть «костюм» как можно быстрее.

Я пытался объяснить им, что истинной моей мотивацией носить это изысканное одеяние были искреннее восхищение и уважение. Мне не поверили. Они сказали, что мое религиозное рвение должно принадлежать Христу. И понимаете, Николае, в тот момент это меня поразило. Хотя все это было на самом деле шуткой — это желание носить красивое облачение, — настоящей преданности Христу у меня не было. Я знал, что Он — предмет поклонения церкви, счи-

тается Спасителем мира, Сыном Бога. Но я просто не верил в это.

— И?..

— Когда несколько часов спустя меня снова застукали бродящим по кампусу в облачении, меня исключили.

— И отлучили?

— Нет. Мне этим угрожали. Но я сделал это сам.

— Сам?

— Я перестал быть католиком. Никаких месс. Никаких молитв. Никаких четок. Ничего. Я читал много теософских трудов, и хотя решил до конца жизни оставаться нерелигиозным человеком, их принципы меня глубоко затронули.

— И каковы они в двух словах?

Фортунато обернулся, вытянул ноги, скрестив их в щиколотках.

— Красота теософии, которой нет еще двух сотен лет, в том, что с ней согласуется практически все. Вы можете привнести туда собственную религию, пока вы соглашаетесь с тем, что все, во что вы верите, начиная с этого момента, является плодом ваших собственных интеллектуальных изысканий, а не задается догмами, традициями или авторитетами. Мы верим, что все религии являются частью деятельности человека в попытке понять друг друга. Все могут этому способствовать.

— Но ведь должны быть какие-то простые принципы веры. Иначе теософия становится всем — и ничем.

Фортунаато улыбнулся одними губами.

— Я что-то упустил? Это смешно?

— Смешно! И эта мешанина благоглупостей смогла хоть как-то повлиять на мир?

— Она влияет на своих приверженцев.

— Надо же. А как это повлияло на тебя, Леон?

Наконец, он улыбнулся по-настоящему.

— Это дает мне материал, чтобы учить. Разговаривать. Это же безопасно.

— И беззубо.

— За исключением того — и в этом вся красота, — что вы вносите в эту систему свои собственные убеждения и веру. Например, среди основателей и ранних лидеров были женщины, которые были религиозны, затем стали атеистками, а затем увлеклись теософией.

— А ты внес туда немного католицизма?

— Нет. Я уже сказал тебе, что основная суть католицизма никогда меня не затрагивала. Я верю в мир духов.

Николае подобрался. Ему хотелось вернуться к предмету разговора — к пределу, до которого Фортунаато готов помогать клиенту достичь его целей, — но теперь они пришли к чему-то общему.

* * *

Наконец, Ирэн дошла до того самого момента, которого больше всего опасался Рэй-

форд. Она отключила телевизор и встала, повернувшись к нему.

— Дело в том, дорогой, — сказала она, — что это все бесполезно. У нас нет единения в самых важных областях жизни, надо что-то менять.

Приехали. Она действительно готова выдвинуть ультиматум, бросить перчатку?

— Что ты хочешь изменить, Ирэн? Дай догадаться. Я полностью предаюсь Иисусу, начинаю ходить в фундаменталистскую церковь, никогда не позволяю гольфу перебегать дорогу церкви, и использую свое влияние на Хлою, чтобы загнать ее в эти же рамки.

— Это было бы началом. Нет, это ж просто рай какой-то.

— Шутишь.

— Нет, — ответила она. — Ты где витаешь? Я думала, что ты верно оценил ситуацию.

— Я думаю, что у тебя слепое пятно величиной с Техас. Этого никогда не будет, Ирэн, и я скажу тебе почему. Хлоя сама составит свое мнение при влиянии каждого из нас. Я не буду менять церковь. И я не оставляю гольф и не позволю тебе указывать мне, что мне делать и чего не делать. Если я не буду ходить в церковь полгода, это не значит, что я в Бога не верю или не такой высокодуховный человек, как ты. И если ты считаешь, что это дает тебе право ходить за моей спиной в другую церковь, то я тебе это запрещаю.

— Значит, так ведет себя настоящий мужчина двадцать первого века? Ты запрещаешь?

ТИМ ЛАХЭЙ, ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

— Ты меня слышала. Мне и так хватает, что ты постоянно талдычишь о Боге, даже когда к нам гости приходят. Хватит. Я не могу указывать тебе, во что верить и насколько серьезно это воспринимать. Но ты знаешь мое мнение, и в дальнейшем будет так, как я сказал.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Николае подумал, что наконец заметил усталость в глазах Леона Фортунато, пока они не дошли до разговора о мире духов. Он не был готов излагать всю свою историю на итальянском, но рассказал достаточно, чтобы Леон понял, что они на одной стороне.

И все же ему хотелось вернуться к другой теме разговора. Возможно, это как раз и способ.

— У тебя есть дух-проводник? — сказал Николае. — Твой контакт?

— Я уверен, что да, — сказал Леон. — Он никогда еще не приводил меня к плохому. Любое впечатление, которое я получаю, кажется верным. Даже то, как он привел меня к тебе.

— Ты обсуждал нашу встречу с существом из иного мира?

— Я советуюсь с духами по всем вопросам.

— И?..

— Скажем так, я пришел с сюда с большими ожиданиями.

— Позволь спросить тебя, друг мой, — сказал Николае. — Если есть какой-то предел, до которого тебе позволяет дойти твой дух-покровитель, но тебе становится некомфортно, это заставляет тебя сомневаться, сопротивляться?

— Нет!

Ответ был таким незамедлительным и подчеркнутым, что Николае поморщился.

— Правда?

Фортунато сжал свой мясистый кулак.

— Некоторые вещи основательны, и ты это просто знаешь. Например, как ты знаешь, что делать со своими конкурентами.

Это было уже выше обычного понимания.

— Мои конкуренты?

— Ты думаешь, что не привлек внимания господина Тишманяну?

— То есть?

— Я думал, что мы оставили игру в кошки-мышки, — сказал Фортунато. — Ты пытаешься меня уверить в том, что твой бывший служащий погиб случайно?

У Карпати мысли кружились в голове. Ему пришлось удержаться от предположения, что информация утекает от Планшетта. Сначала следует исключить все стандартные объяснения прежде, чем уверовать в человеческую интуицию. Ему не терпелось из-

виниться и выйти в туалет, чтобы позвонить Планшетту.

— Никто мне об этом не рассказывал, — сказал Фортунато, — если тебя так мучит этот вопрос.

— Рассказывал о чем?

— Ладно-ладно. Отрицай сколько хочешь. Если у нас совместное будущее, Николае, — а мне бы хотелось думать, что это так, — то не сиди, глядя мне в глаза и с невинным видом пытаясь меня убедить, что твой финансист переметнулся к врагу и через пару дней случайно погиб. Вы думаете, что Эмиль Тишманяну в это поверил?

Николае не смог скрыть улыбку.

— Надеюсь, нет.

Это заставило Фортунато рассмеяться.

— Я тоже на это надеюсь. Это должно его терзать всю предвыборную кампанию, не так ли?

— Ты и об этом знаешь.

— Ты этого не скрывал. И я могу помочь тебе победить. Мой первый совет, как говорится, за счет заведения. Сообщи всем о своей военной подготовке, которая скоро начнется. А затем води себя как мирный голубок.

Это было просто невероятно. Неужели они так сходно мыслят? А вдруг у них один и тот же дух-проводник?

Николае встал, ощутив, наконец, что ему надо поспать.

— Обычно я осторожен с новыми знакомствами, — сказал он. — Но должен спро-

силь тебя напрямик: насколько далеко ты готов зайти в обеспечении моей победы над Эмилом Тишманяну?

— А насколько ты хочешь?

Карпати уставился на него:

— Но ведь это я спросил.

Фортуно встал и потянулся.

— Прошу прощения, мне пора откланяться, — сказал он. — Но позволь мне сказать вот что: мой ответ на твою просьбу — на любую просьбу — будет определяться тем, насколько глубоко я верю в моего клиента и его дело.

* * *

Рэйфорд крепко спал, но притворяться, что он крепко спит, он не умел никогда.

Ирэн тихонько встала с постели в гостиничном номере и села у окна, глядя на уличные огни. Значит, вот как все теперь будет. Что ж, по крайней мере, какой-то итог, какое-то чувство удовлетворения от того, что она хотя бы знает это. Можно не биться головой о стену и надеяться на лучшее. С другой стороны, она ненавидела себя за то, что снова проиграла.

Ирэн не терпелось поскорее поговорить с Джеки. Что она посоветует делать в такой ситуации? Та часть в Библии, где говорилось о том, что муж всегда глава дома и духовный предводитель, понимается неверно даже в том

случае, когда оба супруга — верующие, она это знала. Но что делать, когда муж даже не является по-настоящему верующим? Неужели она все равно должна повиноваться ему?

Ирэн знала, что никогда не сделает ничего против Бога, даже если Рэйфорд это прикажет. Но он был не из таких людей. Он никогда не запугивал ее, не бил. Он просто сказал, как все будет и что в свете этого она вольна делать что хочет, за исключением того, что он действительно не желал, чтобы она переходила в церковь Новой Надежды.

Что ж, если он собирается делать по воскресеньям то, что он хочет, то Ирэн собиралась настоять на том, чтобы Хлоя ходила с ней в воскресную школу еженедельно, пока не поступит в колледж. И если за колледж будут платить они, то они вправе ожидать, что она тоже будет жить по их правилам. Вряд ли это сработает, Ирэн это понимала. Но она подумает об этом позже.

Значит, Ирэн теперь предстоит стать «вдовой гольфиста» и проводить выходные в одиночестве, пока муж будет играть. И каков же начиная с этого момента будет их брак? Ее муж навесил на нее ярлык религиозной дурочки. Очень приятно. Он в каждом полете тусуется с хорошенькими молоденькими стюардессами. Вот им его она отдавать не собиралась ни за какие коврижки.

Возможно, пора разобраться в себе. Есть ли способ остаться верной Христу и не отдаляться так от своего мужа? Что будет, если она примет его решение и посвятит себя

ему? Будет помогать ему готовить снаряжение, собирать одежду, говорить о прогнозе погоды и о грядущих турнирах? А что, если она разок пропустит воскресные занятия, чтобы посмотреть, как он играет какую-то особую игру? Это выбьет его из колеи.

Она слышала, как он завозился, а потом повернулся. Он потянулся к ней и увидел, что она ушла.

— Ирэн? — позвал он.

— Я здесь, — ответила она. — Я люблю тебя, Рэйфорд.

— Правда?

— Ты упертый старый хрен, но я тебя люблю.

— Ну спасибо. Ты занудная уличная проповедница, но я тоже тебя люблю.

— Правда, Рэйф?

— Правда. Мне нравится быть твоим мужем, и я хочу, чтобы все так и оставалось. Я никогда тебе не изменял и намерен быть верным тебе и впредь.

— Это для меня много значит.

— Это правда, Ирэн. А теперь возвращайся в постель.

Она легла рядом с ним, и они лежали вместе в темноте. Ирэн смотрела в потолок.

— А что, если я научусь играть в гольф? — сказала она.

— Что?

— Сколько времени у меня уйдет, чтобы научиться играть хорошо?

— Я всю жизнь играю, но так и не стал хорошим игроком.

— Ты понимаешь, о чем я. Если я буду брать уроки, то сколько у меня уйдет времени на то, чтобы перестать путаться и чтобы ты пустил меня играть в смешанных матчах?

— Смешанных матчах? Я даже не знаю, понимаешь ли ты, что это такое. Знаешь, на это может уйти вся жизнь, и мне кажется, что у тебя к этому душа не лежит. Я ценю твою попытку, но ты ведь будешь это делать не для себя. Ты сделаешь это для меня, а потому ничего не получится.

Ирэн вздохнула.

«Авантюра не удалась, но за попытку спасибо».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Николае Карпати стал звездой морской академии — и как учащийся, и как внештатный инструктор. Поначалу руководство было в смятении, но вскоре он стал их любимцем.

Однажды его вызвал на ковер адмирал, который предупредил, чтобы тот не слишком панибратствовал с кадетами.

— Вы ведь тоже кадет, но вы намного старше, чем эти юноши и девушки, так что они начнут делать из вас кумира. Так что держитесь как зрелый человек и блюдите дистанцию.

— Я понял вас, адмирал, — сказал Николае. — Я хочу быть примером для этих людей. Я хочу, чтобы они увидели открывающиеся перед ними в жизни возможности как на военной службе своей стране, так и на гражданском поприще.

— Вы, конечно, понимаете, господин Карпати, что мы хотим, чтобы наши выпускники всю свою жизнь посвятили военному флоту Румынии.

Николае улыбнулся.

— Сделаю что смогу, — сказал он. — Но, похоже, они знают, кто я. Они же читают новости.

— И они видят, как вы каждый день приезжаете на одном из ваших «бентли». И скольких они у вас цветов?

— О, не так много.

— Я видел как минимум три машины. Сколько?

Николае пожал плечами.

— Я рассматриваю их исключительно как средство передвижения. Оборудование. Жизненные удобства.

— Чтоб я так жил.

— Вероятно, мне следовало бы вам прочесть курс по частному предпринимательству.

— Не пытайтесь меня искушать.

Николае установил Леону Фортунато огромный ежемесячный гонорар и выделил ему кабинет. Вскоре стало понятно, что и Райш Планшетт, и Вив Айвинз относятся к Фортунато скептически и подозрительно, но Николае списал все это на зависть. Он постарался, чтобы у Леона не было в подчинении ни единого человека. Леон был исключительно теневым советником, но трудно было скрывать, что Николае ничего не делает без его совета.

* * *

Ирэн Стил пришлось признать проблему. Ее боль и обида на решение Рэйфорда поступать так, как ему хочется, повлияли на ее отношение к его родителям. Это было мелко, трусливо и отвратительно. Она понимала это и чувствовала себя дрянью. Она доверилась Джеки.

К чести подружки Ирэн, она не отреагировала сразу, хотя Ирэн легко все прочла по ее лицу.

— Я ведь разочаровала тебя, верно? — сказала Ирэн.

Джеки улыбнулась, но отвела взгляд.

— Ты только человек, Ириска, — сказала она. — Ты напоминаешь мне меня саму. Должна признаться, что долгое время я думала, что ты слишком хороша, чтобы быть настоящей. Ты так старалась. Ты так ревностна. Ты росла духовно и развивалась в сложной ситуации, с трудным мужем. Да, верное решение в этой ситуации — по-прежнему любить этих людей Христовой любовью, несмотря на то, кто они такие и что они для тебя.

— Я омерзительна, да?

— Ты просто должна поступать правильно, вот и все.

— Но ведь я должна еще и чувствовать это.

— Господь это чувствует. Он любит Стилов.

— И я тоже должна их любить.

— Ты и любишь. Я знаю, что любишь. Ты постоянно это доказываешь.

— Но, может, я все это делала, чтобы оказать впечатление на Рэйфорда. И это сработало. Иногда он действительно бывает тронут тем, что я трачу время и силы на то, чтобы посетить его родителей.

— Это так, но ты ведь сама хорошо понимаешь, что это не может быть твоим мотивом. Это либо бескорыстная любовь и сочувствие, либо что-то еще.

— Ну как я могу чувствовать себя нормально, если я не понимаю, верно ли я поступаю? — сказала Ирэн.

— Но ведь ты не думаешь теперь их бросить? Просто чтобы отомстить Рэйфорду, чтобы что-то доказать ему?

Ирэн как раз об этом и думала.

— Мне надо об этом помолиться, — сказала она.

— Нет.

— То есть?

— Это не то, о чем надо молиться. Ты уже знаешь ответ. Господь хочет, чтобы ты поступала правильно, невзирая на свои личные чувства и обиды, и ты сама это понимаешь. Если ты хочешь о чем-то помолиться, то проси прощения за то, что на время забыла о Стилах и стала думать только о себе.

— Умеешь ты смотреть прямо в корень.

Джеки улыбнулась.

— Всегда готова помочь.

— Хочешь последить за Рэйми до конца дня или насчет помощи было так, к слову?

— С удовольствием посижу с ним.

* * *

Николае должен был бы догадаться, что разговор будет нелегким, когда о звонке из Луизианы от Джеймса Корона с ним договорились заранее, чтобы он точно был на связи. Карпати отмечал не только свое назначение на точно такие же посты в армейской и воздушной академиях, но также и шумиху вокруг этого события в местных газетах и журналах. Хотя понятно было, что после того, как он вложил в это дело столько денег, иного результата и быть не могло.

Он высоко вознеся, учась у Леона, подготавливая объявление о том, что он выдвигается кандидатом в нижнюю палату парламента, таким образом становясь соперником не кого бы то ни было, а своего главного конкурента по бизнесу, Эмила Тишманяну. Он ответил на звонок, будучи в собственном кабинете.

— Пожалуй, это самый трудный разговор в моей жизни, Николае, — начал Корона.

— Говорите, Джимми.

— Мы решили вложиться в дело в точно-сти как вы — до доллара.

— Я знаю.

— Сколько получаем мы, получаете вы, сколько мы теряем, теряете и вы.

— Я прекрасно это знаю.

— Сегодня мы оба потеряли по половине инвестиций.

— Вы же не хотите сказать?..

— По пятьдесят миллионов каждый, Николае. Мне очень жаль.

— Жаль? Что случилось?

— Мы работали с частной фирмой, производящей двигатели, и запустили одновременно два спутника. Они не уверены, что именно пошло не так, но что-то не сработало, и оба сошли с курса, не вышли на орбиту и упали в море...

— Но страховка...

— Страховка покрывает только часть потерь. На самом деле-то мы потеряли больше чем по пятьдесят процентов.

— Джимми, надеюсь, у вас нет иллюзий по поводу того, что это мои личные деньги и что я вроде как легко их получил и легко потерял.

— Я понимаю. Мне жаль.

— Я взял эти деньги взаймы. Теперь я хочу, чтобы вы вернули оставшиеся пятьдесят процентов прямо сейчас, и...

— Николае! Вы должны понимать, что я не могу этого сделать. В документах все прописано четко, и мы связаны обязательствами. Единственная наша надежда возместить потерю — заставить проект работать. Начнем с того, что осталось, и для того, чтобы реализовать этот шанс, нам потребуют-

ся ваши и наши оставшиеся пятьдесят процентов.

— Я не могу и не буду увиливать от выполнения обязательств по стомиллионному займу, Джимми. Будьте серьезным.

— Я надеюсь, что вам не придется предъявлять нам иск, Николае. Я пытался предупредить вас о рисках. Я даже пытался вас отговорить. Но мы заразились вашим энтузиазмом, и я по-прежнему верен...

— Предъявлять вам иск, Джимми? Да я уничтожу вас! С кем вы разговариваете?

— Надеялся, что с другом.

— Дружба остается за дверью, когда на кону сто миллионов долларов! Вы думали, что я все так и оставляю? И не думайте трогать вторую половину моих инвестиций! Иначе в тот же день получите судебный запрет! В любом случае мои юристы свяжутся с вами, но предупреждаю — не трогайте вторую половину моих вложений!

— Николае, будьте рассудительны. Мои советники сообщили мне, что ваши инвестиции застрахованы и мы можем продолжать, что мы и намерены сделать.

Николае бросил трубку и вызвал Леона.

Тот пришел и спокойно сидел, делая заметки, пока Николае бушевал.

Николае ходил по кабинету взад-вперед, глядя на горы.

Наконец, Фортунато поднял руку, прося его внимания.

— Сядь, сядь, — сказал он. — У тебя есть выбор. Законных способов у тебя нет. Ми-

стер Корона прав. Ты можешь связать им руки, но они подадут встречный иск и вытрясут с тебя компенсацию, если ты безосновательно помешаешь им попытаться спасти то, что осталось.

— Тогда какие варианты?

— Один, но большой.

— Говори, Леон.

— Стонагал.

— О нет. Никогда. Сначала мне придется объяснять, почему я обратился не к нему за первоначальным займом.

— А почему не обратился? Чтобы немного поиграть в независимость?

— Конечно.

— Благородно, но глупо. Не смотри на меня так, Николае. Я не хочу тебя обидеть. Человек крепок задним умом и все такое. Согласись, что куда проще было бы сделать заем у Стонагала, чем у «Интерконтинентал». У него хватит рычагов, чтобы вернуть свое. А у банка единственное оружие — закон. А закон на стороне Короны.

Карпати упал в кресло.

— Я не могу допустить Стонагала до этого дела. Я хочу, чтобы банк применил свои рычаги. И я хочу уничтожить Корону и Тишманяну.

— Нет.

Карпати поднял на него взгляд:

— То есть?

— Тишманяну — да. Он использовал вашего собственного человека, чтобы нанести вам удар. А Корона, сдается, действовал из

добрых побуждений. Конечно, потерять пятьдесят процентов инвестиций — это просто вопиющий факт, но если ты его уничтожишь, то сам пострадаешь еще сильнее. Помоги им. Добудь то, что им нужно. Еще денег, если возможно, может, у Стонагала. И если ты уверен в их технологиях, то они могут тебя невероятно обогатить.

— Но я не хочу быть обязанным Стонагалу! Никому не хочу!

— Ты и не будешь ему обязан. Это он может так считать. Он любит держать людей в кулаке. Тебе это не нравится, да и не должно нравиться. Играй в его игру, чтобы получить то, что тебе нужно, а когда придет время, расплатись с ним и повернись к нему спиной.

— Вот как раз сейчас мне это не кажется возможным. Залезть в долговую яму глубиной в сто миллионов долларов?

— Пятьдесят.

— А, ну это уже приемлемее!

Фортуно улыбнулся.

— И это мой будущий царь. Скажи, Николас, ты действительно не в курсе, что Стонагал владеет львиной долей акций банка «Интерконтинентал»?

— Нет! Он действует публично.

— Похоже, что не всегда, если этого не знает один из ведущих бизнесменов Европы.

— «Интерконтинентал»? Значит, я все время использовал его деньги? Ты серьезно?

Леон кивнул.

— Думаешь, он знает о моем займе?

Фортунато внимательно посмотрел на него.

— Думаю ли я, что Джон Стонагал в курсе, кто сделал заем на сто миллионов долларов в одном из его банков? Да.

— Ты считаешь, что он подозревает, будто я не знаю о том, что он в курсе?

— А вот это большой вопрос. Это ты должен убедить его в том, что знал все с самого начала.

* * *

С момента своего спасения Ирэн, как она была вынуждена признать, ни разу не получала прямого, иным образом не объясняемого ответа на молитву. До тех пор пока не вошла в учреждение, где содержались родители ее мужа. Как только она шагнула за порог, ее просто затопила безграничная любовь и сочувствие к мистеру и миссис Стил, от чего она на время забыла, как обошелся с ней их сын.

Из-за того, что она думала о том, чтобы отыгаться на них и так отплатить Рэйфорду, ей стало еще хуже. Куда делся весь ее альтруизм, тот, что заставил ее удивить Рэйфорда поддержкой его гольфовых подвигов?

Ирэн застала миссис Стил дремлющей, потому пошла к своему свекру. С удивлением увидела, что он спокоен. Обычно он был пристегнут к постели, или заперт в комнате,

или бродил в сопровождении санитаря. На сей раз он лежал в постели, глядя в окно.

— Здравствуйте, папа, — тихо сказала Ирэн, чтобы не напугать его. Но сейчас напугал ее он.

— Ирэн. Как хорошо, что ты пришла.

— Вы меня помните?

— Конечно. Как Рэй и малыши?

— Все в порядке. Но они уже не малыши.

— Я знаю. Хлое, наверное, уже лет двенадцать.

— Очень хорошо.

— Насколько я развалина бываю, когда ничего вспомнить не могу?

Это был вопрос, на который веками не было ответа. И насколько же она должна быть честна с ним? Он заслуживал правды.

— В такие моменты все очень плохо, папа. Мне не хватает вас, когда вы не с нами.

— И такое бывает часто?

Она кивнула.

— И вы часто бываете возбуждены.

— Это я как раз знаю, — сказал он. — Беда. Так печально. Ирэн, это же ужасно. Я в какой-то мере понимаю, что происходит, но не могу собрать мысли воедино.

— И как часто у вас бывают моменты просветления, папа?

Он склонил голову набок.

— Боюсь, нечасто и ненадолго. И каждый раз я боюсь, что это в последний раз. Иногда я просыпаюсь среди ночи и чувствую себя совершенно здоровым. Я заставляю себя

вспоминать имена всех, кого знаю, подсчитывать, сколько кому лет, пытаюсь держать все в голове. Затем я засыпаю и просыпаюсь снова в тумане.

— Понятно, почему вы так возбуждены.

— Не только поэтому.

— То есть?

Он покачал головой.

— Иногда я думаю, что моя жизнь прошла впустую.

— Впустую? Вы были хорошим отцом и мужем. Хорошим бизнесменом. Вы выполняли работу, делали вещи, предоставляли услуги. Вы вырастили хорошего сына.

Он отвел взгляд.

— Да. Но... есть кое-что. Не знаю. Чего-то недостает.

— Мне знакомо это чувство, — сказала Ирэн. — Я долго ощущала, что мне в моей жизни чего-то не хватает. Все думала — неужели это все?

Он повернулся к ней и кивнул:

— Иногда такое бывает.

Ирэн почувствовала, что надо торопиться, понимая, что это лишь краткий момент, мимолетная возможность. Она не хотела давить на него, но когда ей подвернется другой такой шанс?

— Папа, я вернулась к Богу. Отсюда мой мир в душе, удовлетворенность и спокойствие. Как вы думаете, все ли в порядке в ваших отношениях с Богом?

— Не знаю, — сказал он, потупив взгляд. — И ты, видишь ли, смутила меня.

— Нет! Я не хотела этого. Мы просто разговариваем. Вы сказали, что вам кажется, будто в вашей жизни чего-то не хватает. Я говорю вам, что я ощущала то же самое и что мою жизнь изменило. Это все. Можем поговорить об этом в другой раз.

— Я хочу сейчас, но...

— Но?

Он покачал головой и задышал чаще.

— Я... я... я не могу...

— Все в порядке, папа. Можем сделать перерыв.

Он сжал губы и виновато посмотрел на нее.

— Видишь? — сказал он. — Видишь, что происходит? Трудно говорить. Я... у меня есть сын. Верно? И... и жена. С моей женой все в порядке? Видишь? Я даже имени ее вспомнить не могу. Она здесь?

— Она спит, папа. Она придет к вам попозже.

— А ты?

Ирэн пала духом, и, похоже, ей не удалось этого скрыть.

— Я ваша невестка, Ирэн. Я замужем за вашим сыном, Рэйфордом. У нас двое детишек. Хлое двенадцать лет. Рэйми четыре года. Хотите посмотреть их фотографии?

Лицо старика передернулось, и губы задрожали.

— Нет, — прохрипел он. — Нет, спасибо. — Он выругался. — Вот так все и происходит.

Ирэн встала и тронула его за руку, но мистер Стил отдернул ее и повернулся на бок, спиной к ней, дергая головой.

— Простите меня, папа, — сказала она. — Я не хотела волновать вас. Я просто хотела, чтобы вы знали, что Бог вас любит и хочет быть всем, что вам нужно. Он заботится о вас и не хочет, чтобы вы чувствовали пустоту в душе.

Мистер Стил лежал неподвижно, рука его сползла с бока и упала на постель перед ним. Ирэн обошла на цыпочках постель, чтобы посмотреть, осталась ли хоть искра сознания в его глазах, какая-то жизнь, какой-то ответ.

Но он спал.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Кэмерон Уильямс был в каком-то отношении одиночкой. У него были друзья в принстонском кампусе, в первую очередь Дирк Бертон из Уэльса, специализировавшийся по международным финансам, у которого он брал интервью для студенческой газеты. Но Кэмерон всеми правдами и неправдами выбил себе отдельную комнату, как только сумел, и когда он учился на последнем курсе колледжа с прицелом на практику — и будущую работу — в «Глобал уикли», он остался единственным неокольцованным молодым человеком. В буквальном смысле слова.

Он по-прежнему любил ходить на свидания, но сбегал ото всех своих подружек или даже знакомых, если какая-то из них хоть намеком показывала, что целится на серьезные отношения. Подружки обвиняли его, что он не хочет связывать себя никакими обяза-

тельствами. Может, они были правы, но сам он так не думал. Просто у него было четко нацеленное мышление, вот и все. В Принстоне было мало студентов такого скромного происхождения, как он, и если бы он с блеском не прошел тестирование, если бы у него не было журналистских наград в институте, если бы он широко не занимался общественной деятельностью, он вряд ли получил бы пропуск в Лигу Плюща. Он был членом каждого клуба и включался в любую деятельность, какую только мог найти — кроме хора, и лишь потому, что медведь по ушам протоптался.

Попав в Принстон, Кэмерон решил не просто зацепиться здесь, но попасть в историю и сделать карьеру. Конечно, придется вкалывать, но чтобы убить двух зайцев одним выстрелом, он пошел во внештатные корреспонденты в местную газету. Он настолько быстро стал там звездой, что его стали уговаривать поступить к ним на полную ставку. Кэмерон не хотел обидеть своего шефа, поэтому отказался, отговорившись тем, что сначала ему надо окончить колледж.

На самом деле цель у него была куда выше, чем местная газетка. Он рассказал об этом Дирку Бертону.

— Если я окончу Принстон и у меня не будет других предложений, то это будет самый большой в моей жизни провал.

— Не беспокойся, — ответил Дирк. — Почему-то мне кажется, что у тебя все получится.

При этом Кэмерон Уильямс хватался за любую работу в уличных газетенках. Он начал с репортажей о студенческом спорте и собраниях попечительского совета, всем таким. Штатные журналисты негодовали, когда редактора уделяли слишком много внимания его блестящим, полным смысла маленьким заметкам. Он избегал стандартной формулы перевернутой пирамиды «кто, что, где, когда, почему и как» и переходил к сути дела в первом же параграфе.

Ветераны редакций начинали бы репортаж о баскетбольных университетских матчах следующим образом: «“Арлингтонские Кутуары” продолжили серию победных матчей победой над гостями, «Уилингскими Соколами», со счетом 64—60, отставая всего на 20 очков от высшего эшелона...»

Боссы Кэмерона показывали его репортаж об этой же самой игре всем, особенно первое предложение: «Четырехочковая подача Джима Спенсера менее чем за минуту до третьей четверти матча послужила поворотным пунктом в игре, состоявшейся прошлой ночью между...»

— Видите? — говорил ветеран-редактор отдела спортивных новостей своим подчиненным. — Сразу переходит к сути дела. Эти репортажи просто идут для наполнения газеты, я тысячи таких видел.

Кэмерон приправлял свои статьи высказываниями не только тренеров, но также фанатов и даже судей. И его освещение того, что в другом случае могло бы стать смертель-

но скучным репортажем о заседании попечительского совета, наполнялось драматизмом, даже если ему приходилось приукрашивать.

«Главной звездой вчерашнего вечернего заседания попечительского совета школы 211 округа была муха, оживленно потиравшая лапки, до тех пор, пока член совета Фред Кинселла не обратился к председательнице с эпитетом гендерного характера. Это разбудило всех остальных членов совета, муху и меня. Разбудивший всех вопрос касался...»

Но история, с которой началась карьера Кэмерона Уильямса, была той самой счастливой случайностью, которая падает в руки человека, оказавшегося в нужном месте в нужное время. Его самого это событие не радовало, поскольку случай был почти невыразимо трагическим.

Он отдыхал в редакторском отделе, болтая с парой фотографов, когда одного вдруг вызвали на место жуткой аварии.

— Хочешь, поехали, Кэм, — сказал фотокор, навьючивая на себя камеры и хватая куртку.

Кэмерон глянул на часы. Бейсбол должен был начаться не раньше чем через час, а авария уже произошла. Он отправился следом за фотографом в маленький пригородный населенный пункт, выдавший лучшие дни. Они пролезли между спасательными машинами к «скорой помощи», которая стояла с потушенными мигалками. Мужчина, который выезжал на работу в вечернюю смену

на местную фабрику, перевернулся и сбил собственного маленького сына на дороге.

Кэмерон немедленно начал опрашивать полицейских, первыми прибывших на место. Ему сказали, что жертва и его отец на кухне, что отцу дали время попрощаться с малышом прежде, чем тело увезут в морг.

Он дал знак фотографу, и они проскользнули в дверь кухни. Занавески были опущены, комната была темной, если не считать светильника прямо над кухонным столом, на котором лежало маленькое тельце, завернутое в белую простыню. Отец сидел перед трупом ребенка спиной к Кэмерону и фотографу, упав головой на стол. Плечи его вздрагивали. Он явно не слышал, как они вошли.

Кэмерон глянул на фотографа, который поднял камеру и нацелился на душераздирающую сцену. Именно в этот момент отец медленно поднял руки и положил одну на закрытую простыней головку сына, а вторую — на его щиколотки.

Кэмерон мог только представлять, как такая совершенная композиция видится сквозь объектив камеры.

Картинка сама рассказывала обо всем. Комната была грязной, верхний свет выхватывал мертвого малыша и его отца, раздавленного ощущением вины, который нежно прикоснулся — благословляющим жестом — к убитому им ребенку. Кэмерон ждал и ждал щелчка затвора и надеялся, что он не нарушит забытья мужчины.

Фотограф медлил целую вечность, пока Кэмерон стоял неподвижно, думая только о том, как бы не ранить этого человека, задав ему один-два вопроса, когда мальчика унесут. Это была ужасная, страшная обязанность, и все же это была его работа.

Наконец, Кэмерон обернулся и увидел, как застыл фотограф. Он опустил камеру, крепко сжал губы и проскользнул за спиной Кэмерона в дверь. Он так и не нажал на кнопку.

Кэмерон вышел следом за ним. Пусть его увольняют, но отца не о чем было спрашивать. Вместо этого Кэмерон поехал следом за фотографом назад в редакцию и взял интервью у него. Его краткая заметка была озаглавлена: «Самый лучший кадр, который я не снял». Все телеграфные агентства и газеты распространили ее по всей стране, она получила девять журналистских наград и была представлена на премию Пулитцера.

Через месяц Кэмерон стоял у окна своей комнаты в общежитии, глядя на грозу с громом и молнией, угрожавшую затопить двор. Мало что было ему настолько по душе, как такие проявления могущества стихий. Скоро ему надо будет пройти через кампус к редакции студенческой газеты, и если дождь не утихнет, то и хорошо. Что может быть лучше, как выйти на улицу с одним зонтиком и в куртке.

Когда он уже собирался выйти, ему позвонил его брат Джефф из Тусона. Джефф был домоседом, простым парнем, душевным,

предел его мечтаний не простирался дальше его лиги Восточного побережья. Он уже был женат и имел двух маленьких детей.

— Привет, Джефф, — сказал Кэмерон, всегда пытавшимся избегать напряженности в разговоре и поддерживать семейные узы. — Как поживают Шэрон и мои племянник?

— Все в порядке. Только вот Шэрон все пытается меня спасти.

Кэмерон рассмеялся. Его, как и многих, удивило, что Джефф женился на радикальной религиозной женщине. Джефф и Кэмерон ходили в церковь и воскресную школу в детстве и юности, но, как только получили право выбора, бросили это дело. В этом они были согласны. Вся эта церковная лабуда не имела смысла. Они не видели связи между тем, чему их учили, и тем, как семья вела себя дома. Их родители были честными и достаточно приятными людьми, но, казалось, церковь занимала их только по воскресеньям. О том, что там обсуждалось, они не говорили в течение недели.

Родители Кэмерона до сих пор туда ходили, но обижались, что их церковь недостаточно хороша для их невестки. Шэрон продолжала ходить в церковь своей юности и брала с собой детей. Джефф ходил туда по особым случаям, и всем было понятно, что Шэрон, какой бы чудесной женщиной она ни была, считала его пропащим.

— Мне пора идти, Джефф. В чем дело?

— В маме.

— Что с ней?

— Похоже, рак, Кэм.

— Рак? Я даже не знал, что она больна.

— Она и не была больна. Это случилось как-то внезапно, но все равно дело плохо. Теперь бизнес по большей части веду я, чтобы папа все время мог быть с ней, но врачи дают ей всего несколько месяцев.

— Несколько месяцев?

— Ты бы приезжал к ней по выходным, Кэм. Вероятно, это последняя возможность увидеть ее.

— Ох ты...

— Что?

— Я без денег, Джефф. Может, вы с папой могли бы ссудить...

— Тут не лучше, Кэмерон. Я сам гоняю один из грузовиков в Оклахому каждую неделю. Цены на газ по иронии судьбы просто жрут нас заживо.

Ирония была в том, что они занимались перевозкой нефти и газа, доставляя сырую нефть из Техаса и Оклахомы в Аризону на переработку. Многие аризонцы жаловались на то, что им приходится импортировать сырую нефть из других штатов.

— Сделаю что смогу, Джефф, но я не знаю, как со всем этим разгребусь.

— Это твоя мать, Кэм.

— Я сказал — сделаю что смогу.

— Ты бы ей позвонил.

— Джефф, я не полный идиот.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Прошел еще месяц и еще четыре визита к Стилам, прежде чем Ирэн удалось поймать еще один момент просветления в сознании ее свекра. Она уже отчаялась, что он когда-нибудь снова ее узнает. У него был провал в памяти или возбужденное состояние каждый раз, как она посещала его, включая один воскресный вечер, когда она, наконец, пристыдила Рэйфорда, что он не посещает родителей.

К удивлению Ирэн, Рэйфорд сразу согласился поехать с ней. Было понятно, что он до сих пор находится под впечатлением от того, что она уделяет им время, причем делает это давно, с тех самых пор, как он последний раз у них был.

— Папа все равно не понимает, есть я там или нет, — говорил он. — А мама только и говорит, что его надо спасти.

— Ну ты же знаешь, что этого и я хочу, — ответила Ирэн.

— Я знаю, что *ты* этого хочешь, — сказал Рэйфорд, подражая ее голосу.

Ирэн еле удержалась, чтобы не наброситься на него.

Мать Рэйфорда начала с упреков.

— Я очень рада, — сказала она, — что ты выкроил время в своем чрезвычайно плотном графике, чтобы навестить женщину, вырастившую тебя.

— Похоже, сегодня у тебя с памятью все в порядке, мама, — сказал он.

— Трудно забыть сына, забывшего свою мать.

— Я не забыл тебя, мама. Я никогда не мог бы тебя позабыть. Давай не будем ссориться. Я ведь приехал. Разве не так?

— Да, но надолго ли? И насколько хватит этого для спокойствия твоей совести? Наверное, я еще пару месяцев тебя не увижу.

— Я много летаю, причем далеко, в эти дни. Я думал, ты будешь мной гордиться.

— Гордиться сыном, который слишком много летает, чтобы навестить мать? А твоя семья? Их ты часто видишь?

— Конечно.

— Готова поспорить, что нет. Ты наверняка уходишь по своим делам, когда бываешь дома.

Рэйфорд искоса глянул на Ирэн, и она поняла, что он обвиняет ее в ябедничестве. Она покачала головой.

— Почему бы тебе не пойти к папе? — сказал Рэйфорд. — А мне бы лучше немного побыть здесь.

— Да, тебе лучше побыть здесь, — сказала его мать. — Ты мне должен.

— Я знаю. Я в огромном долгу перед тобой, мама.

— Теперь ты пытаешься говорить со мной снисходительно.

— Сдаюсь.

В коридоре к Ирэн подошла санитарка.

— Вы идете к мистеру Стиллу?

— Да. С ним все в порядке?

— Он звал вас.

— Меня? Именно меня?

— Он называл имя, мэм.

Ирэн поспешила к нему. Она увидела, что мистер Стилл ждет ее, и в глазах его была какая-то цель.

— Привет, папа, — сказала она, пододвигая стул к его постели. Но он потянулся к ней, взял ее руку в обе ладони и привлек ее поближе.

Она встала и неловко склонилась над ним, а он заговорил прямо ей в лицо — тихо, горячо. Ирэн старалась не замечать дурного запаха из его рта. Он вернулся к разговору, словно они и не прерывали его.

— Ирэн, — сказал он, — я думаю, я понимаю, почему чувствую себя таким опустошенным.

— Понимаете?

— Я долго считал, что это из-за того, что мой сын не хочет продолжать мое дело.

— Он хотел сделать собственную карьеру, папа.

— Я знаю. Теперь он пилот. И это хорошо. Немногие способны такого достичь. Но как же он отверг меня! Так подло. Я не знаю, что я такого сделал, чтобы он так меня возненавидел.

— Папа, у него не было к вам ненависти! Правда! Он любит вас.

— Ну, может быть. Но все в порядке. Я много об этом думал. Я горжусь им, так что дело не в этом, разве не так?

— Ну, вроде бы.

— Потому мне пришлось решить для себя, от чего же мне так пусто на душе, и мне кажется, что ты права. Вряд ли я вообще понимал Бога.

— В смысле?

— Он никогда не казался мне личностью. Это было что-то, что я делал. Что-то, с чем я вырос, с чем мне было удобно. Но это никогда ничего для меня не значило. Должно быть что-то еще. То есть если Бог действительно есть, то должно быть что-то еще.

— Он любит вас.

— Я знаю. Ты мне об этом сказала. И этот разговор постоянно возвращался ко мне. Каждый раз, как я мог сосредоточиться, это отдавалось эхом в моем сознании, и я не знал, что с этим делать. Иисус умер за грехи мира, но делает ли это меня грешником? Я никогда не был совершенен, Господь это знает. Но я никогда прежде не ощущал себя грешником. Теперь, наверное, ощущаю.

— Правда?

— Ну да. Как иначе? Все грешники. Иначе ради чего умер Иисус? Вот потому меня так и корежило. У меня это никак не уместилось в голове. Я всегда рассматривал Бога как концепцию, систему верований, что-то такое, что ты делаешь по воскресеньям, и так далее. Но если Он меня любит, то я обязан в ответ любить Его. Я не люблю Бога, Ирэн.

— Но почему, папа?

— Не знаю. Я понимаю, что должен. Если Его Сын умер за мои грехи. Это доказывает, что Он любит меня.

— Я не могла бы лучше сказать. Вам надо помолиться, папа.

— Я молился.

— И что вы Ему сказали?

— Только то, что мне жаль, что я не понимаю этого, и не мог бы Он мне что-нибудь объяснить.

— Что объяснить?

— Что все это значит. Чего Он хочет. Если Он любит меня, то что еще за этим стоит.

— И что Он ответил?

— Он послал мне тебя.

— Тогда выслушайте меня. Вы слушаете, папа?

— Слушаю.

— Скажите Господу, что понимаете, что вы грешник и что вам нужно Его прощение, и что вам необходимо, чтобы Иисус умер за ваши грехи. Впустите Его в вашу жизнь, и вы точно попадете на небеса.

— Я хочу на небо.

— Конечно.

Вошел Рэйфорд.

— Сынок, — сказал мистер Стил.

— Привет, папа, — сказал Рэйфорд, и они с Ирэн поменялись местами.

— Ирэн рассказывала мне о Боге и Иисусе.

— Да я уж догадался. Ты лучше отдохни. Не напрягайся так.

— Я не напрягаюсь.

— Но я же вижу. Отдохни. Поспать не хочешь?

— В могиле отосплюсь. Я усну на небесах. Сон будет небесами для меня.

— Я уверен, что так и будет. Послушай, папа, у меня на работе все хорошо. Я летаю в дальние полеты, вижу разные места. Хотелось бы, чтобы ты мог полететь со мной.

— Не смей меня. Ты не приглашал меня, даже когда я здоров был. Теперь ты знаешь, что я никуда не смогу полететь, так что можешь спокойно меня приглашать.

— Ты ведь насквозь меня видишь, а, старый ты хитрец?

— Я всегда тебя видел насквозь и всегда буду. Итак, ты пилот. Мой сын пилот.

— Я твой сын, папа, — ответил Рэйфорд, глянув на Ирэн.

— Я знаю. Конечно, я знаю. А кто не знает?

Не прошло и минуты, как мистер Стил снова отключился.

По дороге домой Рэйфорд был холоден.

— Ты используешь их, чтобы добраться до меня, — сказал он, наконец.

— Я не стала бы этого делать, Рэйф.

— Думаешь, я такой дурак, чтобы поверить, будто бы моя мать попыталась вызвать у меня чувство вины без твоего влияния?

— Я ни слова ей не говорила, Рэйфорд. Клянусь тебе.

— И тебе обязательно было приставать к моему отцу с религиозными вопросами, когда он так быстро угасает? Он всего несколько минут был с нами. Мы могли бы по-настоящему с ним поговорить, вложить какие-то воспоминания в его мозг, показать ему фотографии детей, рассказать, как у нас идут дела сейчас. Но нет, ты забивала ему мозги цитатами из Писания!

— Ничего я ему из Писания не читала. Кроме того, он сам поднял этот разговор.

— Ну да, конечно.

Ирэн могла только молиться, чтобы ей удалось достучаться до старика прежде, чем он снова утратит связь с реальностью.

* * *

— Мам, я всеми способами постараюсь выцарапатьсЯ отсюда и приехать к Рождеству, — говорил Кэмерон Уильямс.

— Ладно, Кэм, не хлопочи. Я знаю, что у тебя много дел и туго с деньгами. Может, заедешь на весенние каникулы.

Он помолчал. Знает ли она, что столько не протянет?

Похоже, она поняла его тревогу по его молчанию.

— Я намерена побороться, Кэм. Все в порядке. Я пока даже еще никакой боли не ощущаю. Говорят, что болеть начнет, если я примусь за лечение, а оно похуже всякой болезни.

— Я хочу быть с тобой, мам, ради тебя. Я делаю все для этого.

— Послушай, малыш, ты лучше сосредоточься на своей работе. Мы можем и по телефону общаться. Папа хорошо обо мне заботится, а Джефф ведет бизнес. Шэрон ты знаешь — она молится за меня.

— Я знаю, что она это делает искренне.

— Сейчас я воспользуюсь всем, чем смогу. Внуки хотят знать, облысею ли я. Они от этого просто в восторге.

— Это уж да.

— И я тоже. Уже выбираю парики.

— Бери белокурый, мам.

— Я тоже так думала.

Тем вечером Кэмерон был в офисе студенческой газеты, когда ему позвонили из «Бостон глоб». После обычных расшаркиваний и поздравлений по поводу награды, женщина на том конце провода сказала:

— Вы будете здесь в каникулы?

Он рассказал ей, что надеется съездить к матери.

— Мне очень прискорбно это слышать по двум причинам, — сказала она. — Во-первых, из-за вашей матушки. Мы желаем ей всего наилучшего.

— Спасибо.

— И во-вторых, «Глоб» поощряет перспективных молодых журналистов, и мы хотели бы, чтобы вы были гостем на нашем банкете. Вы встретитесь с нашими ведущими журналистами, получите почетный значок и все такое. Мы обеспечим вам перелет сюда и устроим на ночь, чтобы вы чувствовали себя комфортно. Приглашенных несколько десятков, так что событие особое.

— Мне очень хотелось бы, — ответил Кэмерон. — Конечно, хотелось бы. Я могу вам перезвонить?

— Конечно. Но не тяните. Если вы не сможете, нам надо будет кого-то пригласить вместо вас.

— Позвольте спросить, — сказал он, — простите за наглость. Если я решу ехать машиной, вы возместите мне стоимость билета на самолет?

— Вы находитесь в Нью-Джерси. Значит, меньше двухсот пятидесяти миль. Конечно. Мы можем это сделать.

— Может быть, это прибавится к моим небольшим накоплениям, чтобы я смог после этого поехать в Тусон к матери. Что же, записывайте меня.

— Вы уверены? Перезванивать потом не будете?

— Нет, я очень польщен. Я не упущу этого события ни за что на свете.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Николае Карпати, что никого не удивило, быстро учился премудростям политики. Никогда не стремясь ни к какой должности, он вскоре стал фаворитом выборной гонки и выбил из седла Эмила Тишманияну, заняв его место в нижней палате парламента. Карпати, конечно же с помощью Фортунато и Планшетта, нанял лучшую пиар-компанию в Бухаресте и собрал первоклассную команду молодых идеалистов, которые вскоре обрели глубокую уверенность в том, что Николае — панацея от всех недугов Румынии.

Карпати в пух и прах разгромил Тишманияну во время дебатов в университете Румынии, после чего Леон Фортунато настоял на том, что пришло время «завинчивать гайки».

Однажды вечером Николае допоздна засиделся вместе с ним, Планшеттом и Вив Айвинз у себя в особняке.

— Ну? Что скажете? — спросил Николае.

— Теперь он будет бегать от дебатов с тобой, поскольку ты получил столько «за», а он — «против». Так что теперь ты должен публично выступить с требованием очередных дебатов. Он не сможет согласиться на это — для него это станет политическим самоубийством. Ты загонишь его в угол. Ему придется отказаться, но он будет отчаянно пытаться сохранить лицо. Это приведет к какому-нибудь глупому выпадку с его стороны, и ты воспользуешься моментом.

Все трое мужчин кивнули, но Вив сидела неподвижно.

— В чем дело? — спросил Карпати. — Тебе не нравится идея?

— Я согласна, что это хорошая стратегия, — сказала она. — Я просто опасаюсь, что в отчаянии Тишманяну сделает какую-нибудь пакость. Он может распустить ложные слухи или еще хуже — выпустить наружу опасную правду.

— У меня нет скелетов в шкафу, Вив, — ответил Николае. — Чем он может ошарашить меня?

— Мне в голову приходит сразу три момента.

— Не томи.

— Женщины, Ион и Корона.

Мужчины переглянулись.

Фортунато кивнул.

— Я бы не стал этого допускать.

— Да ладно! — сказал Николае. — По первому вопросу я не светился. По второму,

затронув ситуацию с Ионом, он сам будет выглядеть не лучшим образом. Свидетелей у Тишманяну нет, и я немедленно подам на него в суд за клевету. А когда станет известно о трастовом фонде для образования сына Иона, у него вообще будет бледный вид.

— Значит, все в порядке и готово? — сказал Леон.

Николае посмотрел на Планшетта, который вдруг побледнел.

— Будет готово, — сказал он.

— И в чем проблема? — спросил Николае. Райш пожал плечами.

— Похоже, на жену Иона ваш жест не слишком-то произвел впечатление, а больше никому вы об этом не говорили.

Николае встал.

— Райш! А если она пойдет к журналистам, скажет, что я ей обещал, но так ничего и не сделал?

— Она не пойдет. Она всего лишь вдова...

— Это скорбящая озлобленная мать! И я уверен, что она меня подозревает. Первым делом займись утром этим вопросом и организуешь утечку в СМИ. Очень тонко организуешь. Если мы сумеем сделать что-то по этому вопросу так, чтобы это казалось исходящим не от нас, то это не даст Эмилу использовать против меня смерть Иона. Теперь, Вив, что он может выдвинуть против меня по поводу Короны? Отказ спутников на их совести. Я тут ни при чем.

— Ты сделал вклад в провальное дело. И ты сам сказал, что у тебя пятидесятипро-

центный шанс нарушить обязательство по огромному займу.

— И конечно, Тишманяну все это известно? — Николае сел.

— Конечно.

— Нам надо помешать ему использовать и этот факт против нас. Но как это сделать?

— Воспользоваться преимуществом наших связей с мистером Стонагалом, — сказал Райш. — Пусть он покроет заем, спишет долг путем какого-нибудь личного соглашения между вами. Тогда если Тишманяну заявит, что вы увязли в долгах, находитесь на грани банкротства, несмотря на ваш роскошный образ жизни — извините, но и на этом можно сыграть, — вы сумеете доказать, что вы полностью платежеспособны, и Стонагал может за это поручиться.

Николае запрокинул голову и закрыл глаза, словно заснул.

— Скажи мне вот что, Райш, — произнес он сдавленным голосом из-за того, что голова была запрокинула. — Ты разве не знал, что Стонагал владеет большей частью банка «Интерконтинентал»?

— Конечно, знал. Мы с мистером Стонагалом давно...

— Давно знакомы, да. И он тот самый ангел, что стоит за вашей организацией. Так?

— Один из многих, да.

— И самый главный, так?

— Так.

— По существу дела, кроме него вам вообще-то никто и не нужен? Я прав?

— Правы.

Николае опустил голову и посмотрел на Планшетта.

— Стонагал также владеет лабораторией, откуда была взята сперма моих папаш, подсажена моей матери, в результате чего появился я.

— Кто вам это сказал?

— Ты хочешь сказать, что я ошибаюсь?

— Нет, но вам лучше не говорить мистру Стонагалу, что вам об этом известно. Если он хотя бы заподозрит, что вы получили эту информацию от меня...

— Не бойся мистера Стонагала, Райш. Ты меня бойся.

— Это несправедливо, Николае. Кто более верен вам, чем я?

— Скрывая правду о моем происхождении? Ты так понимаешь верность? Ты не сказал мне, что документ о моем стомиллионном займе подписал Стонагал. Почему ты скрыл это от меня, Райш?

— Я думал, вы знаете!

— Нет, ты так не думал. И ты также в курсе, что именно Стонагал стоит у истоков движения за сведение мировых валют к трем?

— Ну, нет... да... я...

— Ты, вероятно, знаешь все.

— Ну, это же было в новостях, Николае. Никто не верит, что на самом деле...

— Это будет. Мы идем к единой мировой валюте. Это может занять время, но Стонагал имеет свои способы. Вся Европа последует примеру России и перейдет с евро на

марку. Азия, Африка и Ближний Восток будет вести расчеты исключительно в йенах. Северная и Южная Америки и Австралия перейдут на доллары.

У Райша был изумленный вид.

— Таков план. Да, я думаю, да. Но ведь еще ничего не решено...

— Это только вопрос времени, Райш. Вопрос в другом. Почему бы, имея доступ к Стонагалу, тебе не стать моим источником информации? Почему я должен узнавать все это из других источников?

— Прошу прощения. Я не знал, что вы хотите или нуждаетесь...

— Быть в курсе ситуации с международными финансами? Ты с ума сошел? Ты не понимаешь, чего я пытаюсь тут достичь?

— Ну, я извиняюсь, и в будущем я...

— Ты серьезно полагаешь, что у тебя есть будущее рядом со мной, Райш?

— Я очень на это надеюсь. Я...

— Я похож на сумасшедшего?

— Теперь вы уже знаете, Николае, что мы с мистером Стонагалом близки, и...

— И ты считаешь, что раз я ему должен сто миллионов и ты знал его еще до моего рождения, то это дает тебе какую-то защиту...

— Да не говорю я этого! Я хочу подчеркнуть, что я в вас верю. Я верен вам. Я мог переумудрить пару раз, но не со зла. Мне просто надо знать, что вам нужно от меня, и я сделаю все, что смогу...

— Ты хотел бы доказать свою преданность мне?

- Конечно. Я сделаю все...
- Что ж, посмотрим.
- Испытайте меня, Николае. Увидите сами.
- Ты не против приватно встретиться с Эмилом Тишманяну?
- Буду польщен.
- И ты будешь говорить от моего имени?
- Еще более буду польщен.
- Побереги свою оценку, пока я не скажу тебе, что именно я велю тебе ему передать.
- И все же я озадачен. Откуда вы узнали все это, раз я вам не рассказывал? Неужели мистер Стонагал?..
- Доверился мне? Да ну. Но может прийти день, когда он пожалеет, что этого не сделал.

* * *

Рэйфорд не знал, что и подумать, когда Ирэн впервые одобрила его воскресную игру в гольф. Он знал, что она вставала ночью и тихонько возилась в шкафу и наверху на лестнице, но это не было чем-то необычным. Она часто плохо спала. Но утром он удивился, увидев, что она собрала его форму для игры, поставила его сумку рядом с машиной и даже упаковала ему в маленькую сумку бутылку ледяной воды, пару батончиков и любовную записку.

В записке она желала ему удачи в игре и говорила, что она с детишками с удовольствием присоединятся к нему за ланчем в клубе после посещения церкви. Рэйфорд чувствовал себя виноватым за то, что эта идея не показалась ему привлекательной. Одно дело — посидеть с пивом и сэндвичами с приятелями по гольфу — это входило в часть ритуала, но после всего этого он не мог ей отказать.

Может, ему под каким-то предлогом отговориться, сказать друзьям, что планировал ланч в каком-то другом месте? Ему не хотелось, чтобы дети приходили в клуб, особенно во время ланча. Рэйфорд подумал оставить Ирэн записку о том, что он встретится с ней и детьми в каком-нибудь фастфуде, где они и поедят.

Да ладно, зачем ее расстраивать? Ну перетерпит он один раз. Может, даже остальные из его четверки присоединятся к ним. Ирэн наверняка поймет, что это неудобно, и больше предлагать такого не будет.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Ирэн сидела в церкви, когда почувствовала виброзвонок своего телефона. Она достала его и по определителю поняла, что это больница в Бельведере. Она выскользнула в прихожую и перезвонила. Ей сказали, что мистер Стил в критическом положении.

— Что случилось? — спросила она. — Мы же совсем недавно виделись с ним!

— Обычное дело, мэм. Болезнь Альцгеймера часто создает пациенту внутренние проблемы, которые невозможно обнаружить, кроме как при выборочном тестировании. Они не понимают боли, не распознают ее и часто жалуются на несуществующие недуги, не осознавая серьезных реальных проблем. У мистера Стила отказали почки. Его уже перевезли в госпитальное крыло. Возможно, вскоре его признают тяжело-

больным. До вашего мужа нам дозвониться не удалось.

— Я сообщу ему, и мы приедем как можно скорее.

Ирэн позвонила Джеки, которая сказала, что приедет прямо из Новой Надежды и заберет после церкви Хлою и Рэйми к себе домой. Ирэн сообщила учителям детей и бросилась к машине, по дороге набирая номер Рэйфорда. Она наткнулась на автоответчик, что напомнило ей о том, что в его клубе запрещены сотовые. Она оставила сообщение, затем позвонила в клуб. Ей ответили, что постараются его найти.

Когда Ирэн ставила машину на стоянку возле больницы, рядом у обочины припарковался катафалк. Она взмолилась, чтобы он был не для ее свекра, и напомнила себе, что здесь много пожилых и потенциально безнадежных пациентов. С другой стороны, она прежде никогда не видела здесь катафалка.

Вбежав в больничное крыло, она наткнулась на социальную служащую, опекавшую ее свекра.

— Мне очень жаль, Ирэн, — сказала она. — Он умер.

Умер?

— Этого не может быть, — ответила она, опираясь на стену, чтобы не упасть. — Так внезапно!

— Я договорилась о встрече с врачом, а еще с вами хочет поговорить медбрат.

— Где моя свекровь?

— У себя в комнате. Ей дали успокоительное. Вы сами понимаете, в каком она состоянии.

— Мне надо увидеть ее.

— Она спит, насколько я знаю.

Доктор в общих чертах рассказала Ирэн то же самое, что и во время первого звонка.

— Мистер Стил не был прикован к постели, потому мы не видели причин отслеживать его мочевыделительную систему. До нынешнего утра он не жаловался, но, похоже, уже некоторое время он не мог помочиться. У него был плохой цвет лица, и он страдал. Когда мы поставили диагноз, то сразу перевели его сюда, но у него уже отказали почки. Началась гонка со временем, которую мы проиграли.

Ирэн хотела подождать на входе приезда Рэйфорда, потому ей напомнили, что ее ждет медбрат, который тоже хочет о чем-то с ней поговорить. Это был молодой человек, полный, азиатской внешности, одетый в голубую пижаму медбрата. Она попросила его присесть вместе с ней на кресла у стены.

Он назвал себя Эрапом с Филиппин, и Ирэн заметила бледно-синию татуировку на коже между костяшками его указательного и среднего пальцев.

— Я христианин, — сказал он.

— Я тоже, — ответила Ирэн.

— Я знаю.

— Откуда? — спросила она. — Мы знакомы? Я не помню, чтобы мы встречались.

— Моя двоюродная сестра руководит блоком интенсивной терапии, — сообщил он. —

Она сказала, что думает, что вы здесь. Но мне о вас рассказывал мистер Стил.

— Что мистер Стил вам рассказывал?

— Немного.

— Я слушаю вас, мистер Эрап.

— Я увидел, что ваш свекор умирает. Вообще-то это я нажал кнопку срочного вызова. За несколько секунд до того, как они прикатали каталку, я спросил мистера Стила, в сознании ли он, понимает ли он меня. Он едва мог говорить, но кивнул в ответ. Я сказал ему, что ему надо примириться с Богом и принять Христа.

Я спросил, сознает ли он, что грешен и разлучен с Богом. Он кивнул. Я спросил — верит ли он в то, что Иисус умер на кресте за его грехи? Он кивнул. Я спросил, не хочет ли он помолиться и принять Иисуса в сердце. Он сказал — я уже. Да? — спросил я. Он ответил — да, когда моя невестка научила меня, как это сделать. Миссис Стил, я был с ним до тех пор, пока они не прекратили попыток вернуть его к жизни. Это были его последние слова. Мне показалось, что вам надо это знать.

* * *

Кэмерон Уильямс сказал матери, что постарается вырваться домой на каникулах.

— У меня будут деньги на билет на самолет от «Глоб», да еще немного займу у моего

валлийского приятеля Дирка, так что смогу приехать!

— Не беспокойся, Кэм. Торопиться не к чему.

Как бы ему хотелось в это верить. Конечно, его брат Джефф идеи не одобрил.

— Она не будет тебе рассказывать, насколько ей плохо, Кэмерон. И отец не может с ней разговаривать — она ужасно выглядит, почти не ест, еле ходит. Она не хочет ложиться в больницу, но ей надо туда!

— Это ее право, не так ли, Джефф?

— Конечно, но я вижу, что она быстро угасает.

— Она довольно бодро говорила по телефону.

— Ты намекаешь, что я лгу?

— Да перестань, Джефф. Мы уже не в школе. Я просто хотел сказать, что говорила она довольно весело. И она так гордилась честью, что мне выпала. Она хочет, чтобы я привез ей снимки и газетные вырезки.

— Итак, когда тебя ждать?

— Если найду еще немного денег, то закажу билет на тот же день, когда вернусь в Принстон из Бостона.

— Сколько тебе еще надо?

— Пару сотен. Я могу забронировать самый дешевый из не подлежащих возврату, если сделаю это на этой неделе.

— Я вышлю чек сегодня же.

— Джефф, я не могу тебя об этом просить...

— Ты и не просишь. Хватит, Кэм. Это я не ради тебя делаю. Ради мамы. Тебе вообще лучше бы здесь быть уже завтра. Ладно, сколько ждать, десять дней?

— Двенадцать.

— Не гони.

— Встретимся, Джефф. И спасибо тебе.

— Не бери в голову.

* * *

Ирэн не была уверена, повлияла ли по-настоящему на Рэйфорда смерть отца. Конечно, он был потрясен внезапностью, но довольно быстро снова вошел в рабочий режим, позаботившись, чтобы за матерью хорошо ухаживали и чтобы похороны отца были достойными.

К несчастью, похороны состоялись в церкви, куда семья долгое время ходила, в Центральной.

— Клянусь, — сказала Ирэн Рэйфорду, когда они готовились отправиться в церковь, — если во время надгробных речей никто не скажет о вере твоего отца, то я скажу об этом.

— Нет.

— Нет? Что ты говоришь!

— Вот только не надо ставить в неловкое положение меня или пастора.

— Тебя раздражает, что люди узнают о том, что твой отец был истинно верующим?

— Он просто обратился на смертном одре, Ирэн. После того как ты ему всю плешь проела вместе с этим филиппинцем. Какой еще был выбор у растерянного умирающего человека? В любом случае его в этой церкви всю жизнь считали истинно верующим.

— Это несправедливо по отношению к твоему отцу.

Меньше всего ей хотелось бы ссориться по такому поводу, но она не могла с собой справиться.

— Просто пообещай, что не будешь делать глупостей, Ирэн.

— Ты считаешь глупостью простую правду?

— Я буду унижен.

Она поджала губы и покачала головой. Она презирала себя за слабость.

— Я не унижу тебя, Рэйфорд.

— Спасибо.

— Мне хотелось бы, чтобы твоя мать была там. Ей бы ты не стал мешать говорить правду.

— Зависит от правды, — сказал он. — И люди сочли бы это бредом пациента с болезнью Альцгеймера.

— Но я-то знаю. И ты тоже.

— Ты знаешь, что я думаю на этот счет, Ирэн. Правда в том, что мой отец всегда был христианином. И он уверовал не перед смертью.

По дороге на отпевание с Рэйфордом заговорила его учительница из воскресной школы, в которую он ходил в детстве. Она крепко обняла его.

— Мне так жаль, милый. Твой отец был замечательным человеком.

— Да, миссис Кнут. Спасибо.

Ирэн не могла удержаться от слез во время отпевания. Все оказалось тяжелее, чем она ожидала. Хотя и были зачитаны все знакомые стихи из Писания о смерти и возрождении, не было сказано ничего для их объяснения или понимания. О мистере Стиле говорили с глубоким уважением, но ни разу не упомянули о том, что он пришел к спасительной вере в Христа, что он отрекся от греха и уверовал в Господа.

Ирэн плакала всю дорогу домой, благодаря Бога в душе за то, что погода испортилась и что до весны ей не придется быть одной, пока супруг играет в гольф. Рэйфорд изумил ее. Он положил ей руку на колено.

— Я очень благодарен тебе за то, что ты столько времени посвящала моим родителям, — сказал он. — Правда.

Голос его подрагивал, и он был почти готов расплакаться, чего она многие годы от него не видела.

— Еще ничего не кончено, — сказала она. — Я, конечно же, буду продолжать посещать твою мать.

— Но мне сказали, что с головой у ней уже почти так же плохо, как и у папы. Она рассеянна, и сегодня отказалась идти, если папа с ней не пойдет.

— Тем более.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Он ваш партнер?

— Простите? — не понял Кэмерон.

— В каком качестве вы бы хотели вписать мистера Бартона?

— Он мой однокашник.

— Так вы не любовники?

— Нет. А мы должны привозить с собой только близких людей?

— Нет, я просто поинтересовалась. Мы запишем его как друга, хорошо?

— Отлично.

Кэмерон был в восторге от возможности пригласить гостя на событие в «Глоб». Предполагалось, что остальные возьмут с собой членов семьи или любовников.

— Есть еще одна причина, почему я спрашиваю, — сказала женщина. — Ведущий редактор «Глоб» и несколько его сотрудников хотели бы поговорить с вами несколько ми-

нут в его кабинете после банкета. Вы можете выполнить их просьбу?

— Да, конечно. Это было бы здорово.

— Ваш друг не будет приглашен на эту беседу, если только он не является вашим близким приглашенным.

— Да? А почему?

— Не могу вам сказать.

— То есть вы не считаете, что они будут говорить со мной о чем-то таком, о чем я потом захочу сказать своему любовнику?

— Я понятия не имею.

— Ну ладно.

— Итак, он будет вместе с вами?

— Нет. Нет. Он подождет. Без проблем.

— Редакция «Глоб» на той же улице, что и банкетный зал, и я не думаю, чтобы ваша встреча была долгой.

* * *

Ирэн видела, что Рэйфорд чувствует себя запертым в клетке. Поскольку погода теперь не позволяла играть в гольф, у него больше в воскресенье утром не было альтернативы походу в церковь. Он по-прежнему летал по воскресеньям, но таких рейсов было немного. И когда он бывал в городе, деваться ему было некуда.

— Знаешь, Рэйф? — сказала Ирэн. — Готова поспорить, что тебе понравится в Новой Надежде и ты без особых проблем сам захочешь туда ходить.

— Можешь не спорить. Ты ведь сама там ни разу не была. Откуда тебе знать?

— Я знаю со слов Джеки. Я словно бы уже знакома с пастором, достопочтенным Биллингзом, хотя ни разу не видела его. А еще у него есть помощник, пастор Брюс Барнс, которого все любят. Там хорошо.

— Не начинай, Ирэн.

Она не хотела давить, правда, не хотела. Ирэн знала, что ее побуждения чисты. Только бы ей найти верный подход к человеку, которого она любила и о котором тревожилась.

— Я просто хотела сказать, — продолжила она, — что стоит попытаться. Я уж точно хотела бы туда ходить и брать с собой детей, особенно когда тебя нет в городе.

Он покачал головой:

— Я потеряю тебя.

— То есть?

— Эта церковь кажется мне сектой. Ты знаешь имена глав прихода, даже не побывав там ни разу? Давай останемся там, где мы есть, и я буду ходить, когда смогу.

* * *

— Да пусть его, Николае, — сказал Леон Фортунато, сидя напротив Карпати в его домашнем кабинете. — Я за этот вариант.

— За?

— Да. Тебе нечего опасаться со стороны Джонатана Стонагала. Конечно, он сейчас

может наехать на тебя, потому что ты за-
должал ему много денег. Но это изменится.
У тебя в одном мизинце потенциала больше,
чем во всем Стонагале, и, кроме того, он не-
молод.

— Моя стратегия — не воевать с ним,
Леон. Я хочу стать его любимчиком.

— Тогда прими предложение Райша
представлять при Стонагале твои интере-
сы. О чем ты беспокоишься? Боишься, что
Планшетт работает на Стонагала?

— Конечно. Ты видел развороты в жур-
нале со снимками кабинета Стонагала?

— Я бывал в таких. Челюсть можно уро-
нить. Планшетт будет действовать через
твою голову. Но я не думаю, чтобы они стали
сообща работать против тебя. Стонагал ве-
рит, что он, по сути дела, создал тебя по веле-
нию мира духов.

— Может, и так.

— Может быть. Он однажды будет тебе
служить, как и все мы.

— Мне это нравится.

Леон встал и подошел к окну.

— Я рад, потому что настало время под-
править твой имидж.

— Что с ним не так?

— Во многих аспектах все в порядке.
Ты сейчас в лидерах гонки и считаешься
фаворитом. Но я видел, как кандидаты про-
игрывали в последний момент из-за какой-
то не так сказанной фразы, даже слова. А у
тебя проблема с тоном.

— Я слушаю, Леон.

Фортунато вернулся в кресло.

— Подумай вот о чем: кто был самым влиятельным человеком, когда-либо жившим на Земле?

— Иисус.

— Отлично. Как ты сам знаешь, Он и Его учение повлияли на мир, как ничто другое. Даже наш календарь основан на дате его рождения. И что являлось доминирующей чертой Его характера?

Николае понравился вопрос.

— Он творил чудеса. По крайней мере, утверждал. Я в это не верю.

Фортунато склонил голову набок.

— Да, Он этим известен. Но я говорил о качестве, которым Он точно обладал.

— Божественность.

Фортунато выдохнул долгое «хмммм...».

— Нет?

— Другие тоже такое утверждали.

— Естественно, я сомневаюсь и в них, Леон.

— Конечно, и даже то, что приверженцы Иисуса считали Его единственным богочеловеком, не является только его характеристикой.

— Ладно, о мудрейший, я готов склониться перед твоим всезнанием. Что же такое за уникальное качество было у Иисуса, которое я должен превзойти?

— Несмотря на все, что Он говорил и делал и чем известен через две тысячи лет после своей смерти, определяющим качеством Иисуса является... самоуничтожение.

Карпати не мог сдержать улыбки.

— Скажу тебе правду, Леон. Я уверен, что я более чем хорошо знаю свои слабые стороны. Я знаю, каким кажусь людям, я знаю себя. Откровенно говоря, мне незачем скромничать, и я не вижу ни намека на самоуничижение в моей личности.

Фортунаато изучающее смотрел на него.

— Ты умеешь проводить самоанализ.

— Скромность — для слабаков. Я знаю, кто я таков и на что способен, и намерен этого добиться.

— Все это хорошо, но сможете ли вы назвать Иисуса слабаком? Я заявляю, что все эти эфирные описания Его как существа женоподобного и ангелического неверны. Это был человек земной, человек, живший суровой жизнью Ближнего Востока первого века нашей эры. Он был плотником, настоящим мужчиной. Революционером. Проповедником парадоксов. Врагом властей.

Ты не веришь в полное Его жизнеописание, отлично. Я тоже. Но Его история захватывает. Если Он действительно сошел с престола небесного, чтобы стать простым смертным, то это самый великий акт самоуничижения в мировой истории. У него не было причин унижаться. Его последователи считали Его богом, совершенным, жертвующим собой вплоть до смерти. Это и делает его самоуничижение таким привлекательным, таким притягательным. Вам будет не плохо изобразить немного самоуничижения для смягчения вашего имиджа.

Карпати рассмеялся, и чем больше он смеялся, тем забавнее ему казалась вся эта идея, так что хохотал он все громче и громче.

— Да сам подумай, Леон! Что может быть более вопиющим, чем фальшивая скромность? Я стану уникальным примером среди человечества. Я обладаю сочетанием способностей, талантов и уверенности, что ставит меня, возможно, выше всех, кто когда-либо жил на Земле — включая Иисуса. И я должен изображать скромность? Да чего ради мне унижаться?

* * *

Кэмерон Уильямс бережно вел свой древний «вольво» на север вдоль Восточного побережья к Бостону. Сначала шел редкий дождик, который потом превратился в дождь со снегом, а потом в красивый снегопад.

— Не хочешь сесть за руль, Дирк? — спросил он валлийца.

— Да ни за какие коврижки. Меня в следующую же минуту вынесет на встречу. Просто крути баранку, а я буду жать на педали. Слушай, а у тебя шины не слишком «лысые»?

— Я не о шинах забочусь, Дирк. Меня беспокоит пирометр и масломер. Один зашкаливает, другой почти на нуле.

— Так это просто решается, Кэмерон.

Они остановились, чтобы заменить масло. И залить антифриз. И купить щетку и

скребок. Через сто миль они остановились, чтобы еще раз заправиться и купить очередной скребок, который сломался на втором разе. Кэмерон был в напряжении, поскольку приходилось всматриваться сквозь усиливающийся снегопад в дорогу и пытаться не упустить момента, когда скорость станет слишком высокой для скользкой дороги.

Он снова попытался уговорить Дирка посидеть за рулем, хотя бы недолго. Но Дирк слепил снежок и по-крикетному запустил его левой рукой с широкого замаха. Кэмерон едва успел увернуться, затем со смехом нырнул в машину.

Снегопады он тоже любил. И хотя ему вовсе не хотелось заболеть или опоздать, это было приключение, которое он долго не забудет.

Кэмерон облегченно вздохнул, когда, наконец, въехал на крытую стоянку отеля и банкетного зала. Как только они устроились в своей комнате — за пару часов до того, как пора было переодеваться к вечеринке, Кэмерон позвонил матери.

Она требовала у него мельчайших подробностей, но голос у нее был ужасный.

— Мам, с тобой все хорошо?

— Сегодня я немного устала. Все будет нормально. Очень жду твоего приезда в ближайшие дни.

— Через два дня. Я тоже очень жду. Дирк только что украдкой заглянул в банкетный зал, и похоже, что они развернулись на полную катушку. Много разных цветов, света

и музыки. Я не могу позволить себе взять напрокат смокинг, так что позаимствовал у Дирка. Он немного узковат и длинноват, но вряд ли кто заметит.

— А он? — спросила миссис Уильямс. — Ему этот смокинг разве не нужен?

— Не-а. Он в твиде будет, как истинный валлиец, к тому же, он только мой любовник.

— О, Кэмерон!

— Так все считают.

— Кто «все»?

— Да эти, из «Глоб». Они правда спрашивали меня, не любовники ли мы.

— Да как они могли! Не пытайся пудрить мозги своей наивной мамочке только потому, что ты теперь в Лиге Плюща. Я хорошо тебя знаю.

— Ты права, мам. Я просто дразнился.

Банкетный зал превзошел все ожидания Кэмерона. Копии статей награжденных были перепечатаны в цветной брошюре, профессиональные актеры зачитывали некоторые из них вслух. Может, это просто была игра воображения, или он принял желаемое за действительное, но Кэмерону показалось, что именно его статья вызвала самые громкие аплодисменты. Дирк согласился с ним. Награжденных поздравляли каждого по отдельности и дарили им сувенирные значки в честь события.

Приглашенным оратором был автор романов ужасов, который начинал журнали-

стом и до сих пор не утратил своей приязни к этой профессии. Он щедро потчевал толпу историями, которые каждый мог примерить на себя, и к концу вечера Кэмерон уже засомневался: а действительно ли ему надо стремиться к карьере в общественно-политическом еженедельнике? Газетная журналистика по-прежнему оставалась падчерицей издательского дела, но если удастся попасть в штат большой ежедневной газеты, то это тоже замечательно.

Помощница главного редактора «Глоб» напрямую связалась в Кэмероном в конце вечера.

— Я знаю, что уже поздно и что вы хотите уехать, — сказала она, — но мистер Роулэнд хотел бы поговорить с вами. И возможно, вам захочется остаться на ночь и переждать снегопад.

Прогулка по улице подтвердила ее предположение. Всюду лежал снег в несколько дюймов толщиной. Но Кэмерон не мог позволить себе роскоши остаться, если он хотел вернуться в Нью-Джерси и успеть на утренний самолет.

Он отдал ключи Дирку и спросил, не может ли он попросить подогнать машину на улицу и припарковать перед зданием «Глоб».

— Прогрей ее, чтобы разморозилась и была готова к дороге, и я тебе отплачу добром.

— Отплатишь? — сказал Дирк, беря у Кэмерона доллар. — Никогда не получал таких чаевых на Лондонской бирже.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Рэйфорд не считал себя бабником. Кроме неосторожного поведения на той рождественской вечеринке несколько лет назад, он никогда не изменял Ирэн, хотя должен был признать, что если бы она вот так с кем-нибудь флиртowała, как он тогда, только формальность не позволила бы ему назвать такое поведение изменой.

Его совесть с тех пор так терзала его, что он искренне пришел к соглашению с самим собой в отношении этого события.

Рэйфорд не был слеп. Он мог сказать, когда женщина считает его привлекательным. Но после той вечеринки мерзкое послевкусие держалось так долго, что он научился изображать тупицу и ставил стенку перед всеми попытками заигрывать с ним.

Теперь он не был так уверен в себе. Хэтти Дюрхем была совсем юной, когда

стала бортпроводницей компании «Пан-Континентал», и любой нормальный мужчина, если только он не слепой, мог сказать, что все при ней. С головы до пят, со всех сторон, лицо, волосы, да и личность. Она быстро стала любимицей пассажиров и мечтой всех членов команды.

Она бывала легкомысленной, но Рэйфорд был уверен, что это своеобразный метод манипуляции. Интересно, что если только она не получала выговор — что бывало редко, потому что она, похоже, любила свою работу достаточно сильно, чтобы выполнять ее добросовестно, — она никогда не пыталась играть в такие игры с ним. Она откровенно смотрела на Рэйфорда снизу вверх. Возможно, он был наивен, но ему казалось, что ее поведение вполне искренне, а не попытка подольститься капитану.

Рэйфорд отговаривал себя от любых не слишком честных поползновений, напоминая себе, насколько она юна. Она явно шла на старшую бортпроводницу, хотя еще не один год пройдет прежде, чем она достигнет этого положения. Остальные бортпроводники, особенно женщины, поначалу явно не были ей рады — из-за ревности, решил Рэйфорд, — но вскоре она покорила даже их. Начальство выискивало малейшие нарушения с ее стороны, но она работала настолько хорошо, что найти хоть какой-то просчет было трудновато.

А Рэйфорду просто нравилось думать о ней, и он всегда радовался, видя ее имя в списке экипажа.

Однажды вечером, когда он выезжал из крытого гаража в аэропорту О'Хара, он услышал за спиной быстрый стук каблуков.

— Вы ведь живете на Маунт-Проспект, капитан?

Он обернулся на ходу.

— Да, Хэтти. А что?

— Понимаете, я живу неподалеку. В Дес-Плейнс. Только что позвонила моя соседка по квартире, сказала, что не сможет забрать меня, а я терпеть не могу ездить вечером общественным транспортом. Вы не могли бы?..

— Конечно.

Хэтти возбужденно болтала всю дорогу до Дес-Плейнс. Рэйфорду пришлось заставлять себя не отрывать глаз от дороги. Он был уверен, что никогда такая красивая женщина не сидела так близко к нему.

Он позвонил Ирэн.

— Я буду через несколько минут, милая. Подвожу застрявшую коллегу по экипажу до ее дома в Дес-Плейнс.

Остановившись перед кооперативным домом Хэтти, Рэйфорд хотел было выйти.

— Не надо, — ответила Хэтти. — Если вы просто подождете, чтобы увериться, что я зашла в дом прежде, чем бабай меня схватит, этого будет достаточно. — Она взяла его руку в ладони. — Большое вас спасибо, капитан. Вы просто лапочка.

Через несколько минут он был дома. Ирэн спросила:

— Ну и кто эта застрявшая стюардесса?

— Да та девчонка с забавным именем. Ну, я рассказывал тебе.

— Хэтти, та раздолбайка? — сказала Ирэн.

— Она самая.

— Захлопнула ключи в машине?

— Очень в ее духе.

Рэйфорд не предполагал, чтобы между ним и Хэтти Дюрхем случилось бы что-то неподобающее. Но ему было приятно вспоминать о том, как она сидела на пассажирском кресле рядом с ним.

* * *

Диззи Роуленд, выпускающий редактор «Бостон Глоб», пригласил Кэмерона в свой просторный кабинет и представил его трем своим ведущим сотрудникам, двум мужчинам и женщине. Кэмерон пропустил их имена мимо ушей, и он провалил бы экзамен, если бы его спросили, как их зовут, но все они выглядели соответственно. Они были в банкетных костюмах, держались свободно при боссе, излучали уверенность и дружелюбие. Всем было что хорошего сказать о работе Кэмерона.

Роуленд указал на кресло за круглым столом в стороне от его рабочего, и все пятеро уселись. Четыре пары глаз смотрели на Кэмерона. Наконец, он ощутил себя неуютно в своем дурно сидящем смокинге, и ему не терпелось это объяснить.

— Я хотел бы всего пару минут поговорить с вами, — сказал мистер Роулэнд. — Во-первых, примите поздравления за номинацию на Пулитцера и награду, не говоря уж о вашей студенческой работе. Мои шпионы в Принстоне доложили мне, что вы на примете у декана.

— Ну, не везде у меня высшая оценка, — сказал Кэмерон. — Но я чувствую себя обязанным выдавать по полной.

— Замечательно. Похвально. Могу спросить о вашей карьерной цели?

— «Глобал уикли», — ответил Кэмерон.

— Оу! — сказал Роулэнд. — И не мечтайте.

Кэмерон склонил голову.

— Я годами об этом мечтал.

Роулэнд выпрямился и стал с улыбкой рассматривать его.

Кэмерон украдкой глянул на остальных. Вид у них был ошеломленный. Неужели его признание в том, что он так высоко метит, выставляет его деревенщиной и мечтателем? Что ж, его спросили — он ответил.

— Вы сидите в компании четырех успешных газетчиков, — сказал Роулэнд. — Журналисты — народ любопытный. Так что меня не удивит, если кто-то из них задаст вам вопрос-другой.

Они заговорили все сразу, но женщина всех опередила.

— Чисто из интереса, — сказала она. — А вы хорошо подумали, вот так выложив ваши мечты о том журнале издателю газеты?

Кэмерон выпятил нижнюю губу.

— Думаю, нет. А надо было? Это политически неверно? Нагло? Грубо?

Остальные рассмеялись.

— Это похвально, — заявил Роулэнд. — Большинство скорее подумало бы о дипломатии.

— Извините, — сказал Кэмерон. — Я не подумал. Я действительно не хотел никого обидеть.

— Обидеть? — переспросила женщина. — Лично для меня это что-то новенькое. Немного наивно, возможно, но освежает.

— Наивно?

— Позвольте мне вот что вам сказать, — начала она. — Многие из наших коллег, даже нашего уровня, как минимум раз в год подаются заявления в новостные журналы, пытаюсь выбраться из однообразного ежедневного труда...

— ...и впрячься в еженедельное ярмо, — сказал один из мужчин, и все снова рассмеялись.

— Конкуренция за место в ГУ, «Тайм», «Ньюсуик» и «ЮЭс ньюз» жестокая. Ваша карьерная цель — не сюрприз и не нечто уникальное. Просто слишком высоко метите.

Кэмерон не знал, что и сказать. Когда он искал колледж для поступления, Лига Плюща — особенно Принстон — казались недостижимыми. Он не собирался отказываться от мечты, если она кажется недостижимой. Он хотел жить невероятной жизнью.

— Вам интересно, зачем я хотел вас видеть, мистер Уильямс? — спросил Роулэнд.

— Да, конечно.

— Или вы считаете, что я хотел только поздравить вас?

— Понятия не имею.

— И это тоже свежий взгляд, — ответил Роулэнд. — Признаюсь, у меня есть скрытые мотивы. Мы хотим взять вас на работу.

Кэмерон изумился самому себе — о чем он думал-то? Почему это оказалось для него таким сюрпризом? Он просто не рассматривал такой возможности.

— Чтобы вы не подумали, что мы такое предлагали всем победителям, — сказала женщина, — поясняю — нет. Из награжденных нынешнего года вы единственный.

— Ну, — ответил Кэмерон, внезапно ощутив, что теряет способность связно выражаться. — Ой. Спасибо. Я надеялся на хорошую практику.

— Мы не о практике говорим, мистер Уильямс, — сказал Роулэнд. — Остаток вашего последнего учебного года вы проработаете в штате вашей студенческой газеты и будете продолжать трудиться для местной газеты, но будете время от времени получать задания от нас, если в ваших краях случится событие регионального масштаба.

— Конечно, я могу это сделать.

— Но после выпуска, через неделю или две, чтобы вы успели привести в порядок свои дела, мы будем ждать вашего переезда сюда. Будете работать в штате.

— В штате?

— Вы одаренный молодой человек, мистер Уильямс. Мы уверены, что из вас получится хороший журналист. Здесь вы получите шанс проверить себя. Работа будет тяжелая, дедлайн каждый день. Именно такая работа отличает настоящих профессионалов от дилетантов.

— И, — добавила женщина, — непризнанных «Глобал уикли» талантов от настоящих людей.

* * *

Совершая свою утреннюю прогулку в сопровождении державшихся на благоразумного расстоянии охранников, Николае все повторял в голове странный совет Леона Фортунато. Будучи давним поклонником спорта, Николае всегда уважал хвастунов, особенно тех, кто хвастался не на пустом месте. Он был согласен с поговоркой — если вправду что-то можешь, то это не похвальба.

Напыщенная самоуверенность молодых гениев физического совершенства вдохновляла Николае, и он хотел такого же имиджа для себя как для политического лидера. Но если Леон прав, то населению скоро надоеет самовыдвиженец и наглый позер. Где искать примера самоуничижения, чтобы поупраж-

няться в этом искусстве? Но одно Николае знал точно: если он намерен вести себя скромно, это должна быть более чем игра. Это должно быть по-настоящему.

* * *

Кэмерон вышел из здания «Глоб» на заснеженную улицу, не понимая, что с ним творится. Он был расстроен несбыточностью своей заветной мечты о практике в «Глобал уикли», но воодушевлен предложением «Глоб». Ему не терпелось рассказать все Дирку, не говоря уже о собственной семье, особенно матери.

«Вольво» стоял на холостом ходу, и огромные мягкие снежинки быстро таяли, опускаясь на машину. Он открыл дверцу, чтобы поздороваться с Дирком, но его там не оказалось. Он не мог далеко уйти. Он не оставил бы незапертую машину на людной улице.

Кэмерон встал и повернулся, чтобы осмотреться, — как раз вовремя, чтобы получить увесистый снежок в грудь. Снегом засыпало все его лицо и волосы. Через улицу, спотыкаясь, шел Дирк и гоготал так громко, что Кэмерон подумал, что он сейчас шлепнется.

Кэмерон встал на колени, взял снегу и быстро слепил из него снежок. Прежде чем Дирк успел увернуться, он ответил на первый бросок.

Дирк присел и получил снежком по темечку.

— Перемирие! — крикнул Кэмерон. — Нам надо ехать, и у меня новости!

Они стряхнули снег и залезли в машину. Вот чего Кэмерон в себе не понимал — так это своей любви к непогоде и к желанию вести машину сквозь бурю. Буря могла пугать, но он понимал, что может вести машину, пока сил хватит, и продержится он дольше, чем пурга.

Сидеть в теплой машине с полным баком вместе с хорошим другом — что может быть лучше? За какие-то минуты он проехал через город и вырулил на I-90, и хотя движение было медленным, трактора успевали расчищать дорогу.

На первом пункте платежей за проезд по трассе его спросили:

— Куда едете?

— В Джерси.

— Удачи. У вас гусеницы есть?

— А понадобятся?

— Дальше к югу могут понадобиться. Не геройствуйте.

Через пару часов, хорошо за полночь, Кэмерон выезжал на I-84. Поначалу шоссе показалось более свободным, движение было не таким плотным, так что он надеялся успеть вовремя. Дирк все время нес что-то о теориях заговоров, и когда Кэмерону удавалось прислушиваться к его речам, он находил слова Дирка забавными.

— Не знал, что Британские острова производят еще и конспирологов, — сказал он. —

Я думал, что все эти иллюминаты¹, Бильдербергский клуб², Трехсторонняя комиссия³ — американские мифы.

— Ты что, ни в один из них не веришь? — сказал Дирк. — Работал бы ты у Джошуа Тодд-Котрана на бирже, сразу бы переменил мнение.

— Или выставил бы на торги.

— Смешно.

— Нет, серьезно, Дирк, ты во все это веришь?

¹ И л л ю м и н а т о р ы — название, под которым в разное время были известны различные объединения оккультно-философского толка[1]. Чаще всего термин употребляется по отношению к немецкому тайному обществу, основанному в 1776 году профессором Адамом Вейсгауптом. В настоящее время под иллюминатами могут подразумеваться многие современные и исторические группы, как реально существовавшие, так и вымышленные; термин часто используется в теориях заговоров, предполагающих существование некоей тайной организации, негласно управляющей мировыми процессами.

² Б и л ь д е р б е р г с к и й к л у б (Бильдербергская группа, Бильдербергская конференция) — неофициальная ежегодная конференция, состоящая примерно из 130 участников, большая часть которых являются влиятельными людьми в области политики, бизнеса и банковского дела, а также главами ведущих западных СМИ. Вход на конференцию только по личным приглашениям.

³ Т р ё х с т о р о н н я я к о м и с с и я (англ. Trilateral Commission) — международная организация, состоящая из представителей Северной Америки, Западной Европы и Азии (в лице Японии и Южной Кореи), официальная цель которой — обсуждение и поиск решений мировых проблем.

— Я не знаю, что думать, но для меня это имеет довольно весомый смысл. Джонатан Стонагал — тайный участник многих организаций, и когда они с Тодд-Котраном и шайкой больших начальников, по слухам, встречаются, то после этого появляются финансовые решения, которые влияют на весь мир.

— Рад, что я не экономист.

— Ты себя не обманывай, Кэм. Все мы экономисты. Журналист должен это знать. Хочешь найти источник перемен, проблем, всего — следи за деньгами.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Николае оглянулся через плечо. Его телохранители болтали друг с другом. Ну и ладно. Он чувствовал себя в безопасности в своем имении. И ни к чему им отслеживать каждое его движение и замечать все, что он делает.

Он хотел помолиться, но это было его личным делом. Ему не нужно было становиться на колени или кланяться, хотя он чувствовал кое-какие обязанности перед своим духовным наставником, кем бы тот ни был. Некогда он соизволил признать свою зависимость от мудрости наставника и имел смелость спросить, с кем он общается. Ответом ему было оскорбительное молчание, и он решил, что либо не ему было спрашивать, либо время не то.

В настоящий момент ему было все равно, с кем из иного мира он общается. Николае

хотел только подтверждения, что совет Лео-на Фортунато стоит рассмотрения.

Он еще раз оглянулся и убедился, что находится достаточно далеко, чтобы охранники ничего не заметили. Он медленно шел на встречу восходящему солнцу, шепча:

— Господин и повелитель мой, скажи мне, как мне вести себя, чтобы привлечь к себе массы и чтобы они дали мне то, чего я хочу.

Он остановился и прислушался, понимая, что никаких звуков не услышит. Он открыл свой дух для впечатлений, образов, идущих из-за пределов смертной суеты. Лицо Николае вспыхнуло, когда он решил, что получил ответ.

«Пусть другие превозносят тебя, — гла-сил ответ. — Не скрывай своих даров, но не показывай, что ты пытаешься чего-то до-стичь».

* * *

Незадолго до рассвета Кэмерон, на-ко-нец, выехал на I-91 Юг. Обычно до I-95 Юг он доезжал меньше чем за полтора часа, и на скорости сто десять или около того миль он доехал бы до Нью-Джерси в нужное время. Но ехать быстро не получалось, и езда была опасной. Машины скользили, слетали с доро-ги, несколько автомобилей перевернулось. За случайными бульдозерами приходилось

ехать медленно и держа дистанцию. Кэмерон не понимал, как Дирк может в такое время спать. Ему приходилось напоминать себе, чтобы не вцепляться в руль, расслаблять плечи, моргать, глубоко дышать.

Каждый раз, как Кэмерон чувствовал скольжение или хотя бы намек на занос, он сбрасывал газ. Он еще два часа тащился по I-91, и когда, наконец, впереди показалась I-95, он поверил, что проехал половину пути до дома. Трудно было представить, что ему придется провести в машине еще много часов.

* * *

Джонатан Стонагал резко сел в постели, внезапно проснувшись за несколько часов до рассвета в своем манхэттенском пентхаусе. Что-то зудело в мозгу. Карпати, его надежда на будущее. Согласно донесениям Райша Планшетта, этот молодой человек даже превосходил их надежды, только вот начал откровенно ощущать свою силу.

Стонагал нажал кнопку на прикроватной тумбочке, и через несколько секунд его ночной слуга тихо постучал в дверь и приоткрыл ее на пару дюймов.

— Вам что-то нужно, сэр?

— Который сейчас час в Бухаресте?

Слуга вошел и при свете из коридора посмотрел на часы.

— Позднее утро, сэр.

— Позвоните Фредерике.

— Здесь сейчас только четыре часа утра.

— Я в курсе, который здесь час, Бенни.

Через пару минут Бенни сообщил миллиардеру, что секретарша на проводе.

— Вы проснулись, Фредерика? — сказал Стонагал.

— Теперь да, — ответила она. — Срочное дело?

— Я хочу знать, когда прибудет Планшетт.

— И хотите узнать именно сейчас.

— Чем быстрее, тем лучше.

— Я перезвоню вам.

Стонагал бросил трубку, не попрощавшись и не извинившись за то, что разбудил ее. Он никогда не извинялся перед подчиненными и не будет делать это сейчас. Он платил Фредерике более чем щедро, чтобы она была на связи двадцать четыре часа в сутки и не позволяла себе такого тона. Он не так часто звонил ей в неурочный час. Так что пусть привыкает.

Когда через несколько минут Фредерика перезвонила, она доложила:

— Мистер Планшетт может быть здесь к полудню. Он договорился на этот счет с мистером Карпати, но он хотел бы поговорить с вами прямо сейчас, если можно.

— Он договорился с Карпати? Какого черта?

— Я не спросила, сэр. Он может вам сейчас перезвонить?

— Черт побери, нет! Спросите его — он знает, который здесь час? Скажите, что я по-

говорю с ним, когда он прилетит, и держите меня в курсе.

* * *

Кэмерон начал осознавать, что моргает все чаще, и глаза его оставались закрытыми дольше, чем надо бы. Он приоткрыл окно и похлопал себя по лицу. В такую погоду можно вести машину только будучи абсолютно бодрым.

— Какого?.. — начал Дирк. — Холодно же!

— Я закрою его и подогрею тебя, если ты сядешь за руль, — сказал Кэмерон.

— Не надо было мне вкаты. Продолжай. Что говорят приборы?

Кэмерон даже не подумал проверить. У него хватало топлива до Принстона, но он с тревогой обнаружил что термометр идет вверх, а вот показатель уровня топлива — наоборот.

— Ооох, — вздохнул он.

— И сколько до следующего оазиса? — поинтересовался Дирк.

— Часа полтора.

— Хреновато. — Дирк повернулся на сиденье и выглянул в заднее окно. — У тебя уже и так масло выгорает, — сказал он. — Тебе надо заглушить мотор.

— Припарковаться?

Дирк покачал головой.

— Не знаю. Мы непонятно где, и вытаскивать нас будут в последнюю очередь. Лучше бы нам дотянуть до следующего безопасного пятачка.

* * *

Ежедневные газеты пестрели сообщениями о щедрости Николае Карпати, который создал трастовый фонд на образование сына-подростка его недавно погибшего помощника. В сообщениях указывался факт, что погибший недавно ушел от Карпати и поступил в фирму его самого большого конкурента и политического соперника Эмила Тишманяну.

Когда эта новость добралась до телевидения, Тишманяну допекали вопросами, почему это должен был делать Карпати.

— Честно говоря, — отвечал Тишманяну, — этот человек едва ли успел поработать на меня. Я уверен, что господин Карпати куда больше ему обязан, чем я.

Николае так и тянуло наброситься на оппонента и вынудить его вложить столько же в образовательный фонд, но когда он пропустил свой ответ через сито советов Фортунато и того, что ему сказал его наставник из мира духов, он изменил мнение.

— У господина Тишманяну сейчас и так проблем хватает, — говорил Николае. — Он отстаёт в предвыборной гонке, и по мно-

гим вопросам мы отчаянно расходимся. Не хочу еще и этим подливать масла в огонь. Я рад сам полностью вложиться в образовательный фонд и не хочу еще и этот груз взгромождать на плечи моего оппонента.

Позвонил Фортунато.

— Блестяще, Николае! — похвалил он. — Подожди завтрашней баллотировки. Из-за этого ты взлетишь еще выше, вот увидишь. И с твоего позволения, я везде размещу требования очередных дебатов с Тишманяну. Если он согласится, то это будет его политическая смерть. Откажется — исход будет точно таким же.

* * *

Вся электроника «вольво» внезапно вышла из строя. Только Кэмерон похвалил себя, что сумел удержать машину на ходу, как вдруг все приборы мигнули и погасли, фары потускнели, и машина заглохла. Поскольку рулевое управление тоже вышло из строя, он сумел только загнать машину в сугроб.

— Греться нечем, — сказал Дирк, — а сидеть в обнимку я не хочу.

Кэмерон откопал в своих пожитках грязную футболку и привязал ее к крыше машины. Они с Дирком сидели внутри, пока не увидели свет фар. Первые несколько машин либо не заметили их, либо не захотели останавливаться.

Через сорок минут, когда холод начал пробираться Кэмерона, к ним опасно близко подошел снегоборщик, завалив машину, его и Дирка грязным снегом. Наверное, водитель в последний момент все же увидел их, поскольку быстро притормозил и остановился, осторожно двинувшись к ним задним ходом.

— Извините! — крикнул он. — Проблема?

— Топливо кончилось и мотор перегрелся! — ответил Кэмерон.

— Садитесь!

Кэмерон и Дирк сгребли свои вещи, гадая, чем им может помочь снегоборщик.

— У вас есть телефон эвакуатора или чей-то еще?

— Есть, но они все заняты. Я могу подбросить вас до ближайшего жилья. Это где-то час в южном направлении, можете попытаться удачи в одной из гостиниц. Но вашу машину откопают в лучшем случае через пару дней.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Джонатан Стонагал был из тех людей, которые не давали отсрочки никому — ни старым знакомым, ни партнерам, ни друзьям. Когда Райша Планшетта проводили в его кабинет поздним утром, потного, помятого после долгого полета и поездки на такси через заснеженный Нью-Йорк, Стонагал даже не встал.

Планшетт бросился к столу, перегнувшись через него, протянув руку. Стонагал легонько пожал ее, другой рукой поправив то, что сдвинул с места Планшетт.

— Спасибо, что пригласили. Долгий полет. Плотное движение.

Стонагал указал на кресло, и Планшетт упал в него, держа на коленях пальто и кейс.

— Можно куда-нибудь положить? — извиняющимся тоном сказал он, поднимая пальто.

Стонагал нахмурился и нажал кнопку громкой связи.

— Фредерика, зайдите и заберите пальто мистера Планшетта, будьте добры.

— Простите, мистер Планшетт, — сказала она, вбежав в кабинет.

Как только она ушла, Стонагал сразу перешел к делу.

— Расскажите, как идут дела в Каса-Карпати. Как поживает мисс Авинцева?

— Ну, сейчас она называет себя исключительно Вив Айвинз и...

— Зачем?

— Как понимаю, скрывает свое русское происхождение.

— И опять — зачем?

— Понятия не имею. Николае приблизил к себе Леонардо Фортунато в качестве советника. Выделил ему кабинет у себя в доме.

— Хорошо, хорошо. Я знаю Леона. Он лизоблюд, но будет полезен.

— Бизнес шел прекрасно до этого скандала с «Интерконтинентал-банк».

— Я бы сказал, больше чем скандала, — поправил его Стонагал. — Интересно, вернули ли я когда-нибудь эти сто миллионов?

— Это не моя епархия, — ответил Планшетт. — Корона в этом уверен, но неудача и его больно задела. Если Карпати откажется от выполнения обязательств, то худшего момента для этого нарочно не найти. Его политический соперник может этим воспользоваться, чтобы раздавить его. Если нет, то Николае стопроцентно победит.

— Ему нужно оставаться фаворитом. Заверьте его, что я покрою заем. Я хочу вернуть эти деньги, не обольщайтесь, но пока я лично гарантирую заем. Так он сможет категорически отвергнуть любое обвинение со стороны Тишманяну. Жду не дождусь его выборов. Когда это будет?

— В первую неделю марта.

— Буду рад, если этого старого дурака оттуда вытряхнут.

— А наш человек войдет в правительство.

Стонагал улыбнулся при этих словах.

— Наш человек в правительстве. Это просто первый шаг младенца по дороге великих свершений, Райш. Даже трудно поверить, что всего четверть века прошло с того момента, как мы запустили этот проект?

— Время течет, мистер Стонагал. Это высокая честь.

— Расскажите мне о нашем мальчике. Каким человеком он стал? Сможем ли мы им однажды гордиться?

* * *

Дирку-то терять было нечего и ни к чему было возвращаться в Принстон, так что Кэмерон не мог корить его за то, что он все это время крепко подрых в машине.

В маленькой семейной гостинице студентам позволили поспать на кушетках в

прихожей, пока заведение не открылось на рассвете и к ним не приехала команда спасателей. Кэмерон все это время мерил комнату шагами и звонил куда мог, пытаясь выяснить, есть ли у него шанс добраться до Тусона вовремя. Ничего не получалось.

Когда часовая стрелка, наконец, миновала тот час, когда чудо еще могло сработать, Кэмерон попытался уснуть, оттягивая звонок домой. В конце концов, он несколько часов продремал, пока его не разбудило яркое солнце. К сожалению, хотя снегопад и прекратился, солнце растопило снег и лед на дороге ровно настолько, чтобы дороги перекрыли, температура снова стремительно упала. Даже снегоуборщикам было трудно держаться на дороге.

Кэмерон и Дирк застряли надолго.

— Твоя мать будет очень расстроена, Кэмерон, — сказал по телефону отец.

— Я тоже, пап. Не знаю, что еще я мог сделать.

— Наверное, тебе надо было сразу ехать сюда, а не в Бостон.

— Верно, все мы крепки задним умом. Но мама хотела, чтобы я сюда поехал, и я упустил бы возможность получить работу, которая только раз в жизни выпадает.

Он рассказал отцу обо всем. Его ошеломила совершенно невосторженная реакция отца, и он попросил дать трубку матери.

— Сейчас не получится, Кэмерон. У нее тяжелый день.

— То есть?

— Она все время спит. Не может есть. Не соображает. Доктор считает, что нам надо отвезти ее в больницу, но когда мы пытаемся ее уговорить, она такое устраивает...

— Ей хуже?

— Что? Парень, ты с Луны свалился? Конечно, ей все хуже и хуже. Это же рак. В конце концов, он тебя убивает.

— Я знаю, папа. Я просто хочу понять — это неизбежно или?..

— Я не знаю, что такое неизбежно, но лучше бы тебе попасть сюда как можно скорее.

— Папа, у меня нет денег. Стоимость билета мне не вернут. Моя машина, скорее всего, сдохла. Я даже не знаю, как доберусь до института.

— Тогда придумай что-нибудь, Кэмерон. Мать хочет видеть тебя.

* * *

Николае пришлось передать все Фортунато, правота которого насчет дебатов с Тишманяну подтвердилась. Отговорки нынешнего депутата от очередных дебатов выглядели признанием поражения.

— Это пустая трата времени, — заявлял Тишманяну. — Мне кажется, что у господина Карпати есть дела поважнее, чем тратить силы на критику всего, что я пытался

сделать для народа Румынии. Например, он мог бы направить свою энергию на то, чтобы вытащить свою обширную империю из глубокой долговой ямы. Если он обанкротится из-за неосмотрительного инвестирования в американскую технологическую схему, расплачиваться придется налогоплательщикам. Мне кажется, ему полезнее будет потратить время на то, чтобы этого избежать.

Лагерь Николае немедленно ответил огнем из всех орудий, потребовав доказать, что «Карпатиан трейдинг» задолжал хоть цент.

Тишманяну огрызался, и огрызался сильно, заявив, что исследование открытых записей банка «Интерконтинентал» подтвердит его обвинения.

Не прошло и часа, как Бухарест накрыли пресс-релизы, в которых утверждалось, что банк «Интерконтинентал» подтвердил, что Николае Карпати и «Карпатиан интернейшнл трейдинг» на хорошем счету у этого финансового учреждения и ни сам Карпати, ни его компания ничего банку не должны. Более того, большая часть вкладов господина Карпати находится как раз здесь.

Это фактически стало концом Тишманяну и его выборной гонки. С чисто практической точки зрения он был разбит. Ему никогда не оправиться. Было понятно, что Николае Карпати сменит его на этом посту.

* * *

Кэмерон удрученно сидел в комнате Дирка Бартона в общежитии, а его друг подсчитывал счета за эвакуацию и ремонт машины.

— Вот и общий итог, — сказал Дирк, отрывая бумагу и суя ее под нос Кэмерону.

— Черт. Я даже не знаю, доберусь ли я до Тусона к началу весны.

— А попросить аванс в «Глоб»?

Это была идея. Кэмерон никогда и ничего ни у кого не просил. Звонок будет тяжелый. Но после разговора с братом он был готов попытаться воспользоваться идеей Дирка.

Он был один у себя в комнате поздним вечером, когда позвонил Джефф.

— Ты что, не понял ничего? — сказал Джефф.

— Да конечно понял. Что ты от меня хочешь?

— Чтобы ты выехал отсюда! Трудно понять, что ли? Ты не понимаешь, что важнее всего?

— А у тебя есть волшебная палочка, Джефф? Я по уши в долгах.

— Проси, займи, укради, сделай что-нибудь. Мама умирает! Она в реанимации, она зовет тебя!

— Спасибо, мне еще угрызений совести не хватало.

— Мне кажется, ты обязан это знать. Это нечестно, Кэм. Ты ее любимец, ты сам знаешь, и...

— Не надо снова начинать, Джефф. Хватит.

— Хорошо. Я просто хочу, чтобы ты был этого достоин. Заслужил бы. Все, что я сделал, сделано здесь, и сделано это для семьи, для бизнеса. И что я получил? Все это воспринималось как данность. Ты ведешь свою собственную жизнь, ищешь себя, гоняешься за мечтами и профукиваешь все деньги, забирая какую-то там награду. И кого она хочет видеть?

— Мне очень жаль, Джефф. Я уверен, что она ценит все, что ты для нее делаешь. Она просто...

— Ты не понял, Кэмерон. Так и не понял. Мне все равно. Я делаю то, что считаю правильным. Дело в том, что если она хочет увидеть тебя перед смертью, то я хочу, чтобы она увидела тебя перед смертью. Ну доберись сюда хоть как-нибудь!

— Сделаю что смогу.

На следующее утро Кэмерон дрожащими пальцами набрал номер Диззи Роулэнд.

— Очень рад слышать тебя, сынок. У тебя есть для нас какая-нибудь история?

— Нет. Я хотел бы.

— Тогда чем могу помочь?

— Ну, я надеялся, что у вас есть что-то для меня.

— Вы тот человек, к которому мы обратимся, если у вас произойдет что-то такое,

что должно быть в «Глоб». Вы лучше разберетесь с этим, чем мы.

— А как насчет газетного очерка для широкой публики?

— Конечно. Вы в этом сильны, и мы считываем, что вы что-нибудь для нас найдете. В Принстоне не так много любопытных для бостонского читателя сюжетов. Так что давайте драму, общественный интерес, страсти. Что-нибудь есть на уме?

— Как вам история студента, который не может добраться до дома к умирающей матери, потому что у него нет денег, а машина сдохла?

Роулэнд немного помолчала.

— Может пойти. Только если, конечно, подать деликатно. Без особых сантиментов. Все прямо и четко. Может, в конце добавить, как парню удалось добраться до дома. Друзья там помогли. Или что еще.

— Я мог бы подсунуть ее вам на одобрение?

— Конечно. Посмотрим.

— Хм... тут трудный вопрос.

— Валяйте.

— Я могу получить аванс?

— За статью, которую мы можем и не взять?

— Тогда буду вам должен.

— У вас с деньгами проблема, Кэмерон?

— Да.

— Обычно мы такого не делаем, но если это на стоящее дело, то я смогу что-нибудь устроить. Но только один раз, сами понимаете. Мы не банк.

— Я понимаю. Но видите ли, я герой той самой истории.

Роуленд испустил громкий и долгий вздох.

— Ну почему ты так сразу и не сказал? Говори, сколько надо. И не пиши, пока действительно чего-то стоящего не подвернется. Куда денег перевести?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

— Я изголодалась духовно, — сказала Ирэн.

Они сидели в парке вместе с Джеки, глядя, как Рэйми и Брианна лазают по шведской стенке.

— Ты знаешь, каково мне от этого, Ирэн. Мне очень жаль.

— Да нет, Джеки! Я от тебя каждую неделю столько получаю, это же просто сказка! Я много учусь и, надеюсь, расту. Но этого недостаточно. Я пытаюсь выполнять ежедневную работу — читаю, изучаю, молюсь, но как бы мне хотелось быть в церкви, где я была бы нужна! И где я каждое воскресенье получала бы настоящую лекцию по Библии.

— Тебя всегда ждут в Новой Надежде, Ирэн.

— Я знаю. И однажды может настать день, когда я буду готова поставить перед

Рэйфордом вопрос ребром. Сейчас в нашей совместной жизни все идет так, как он хочет. У нас нет настоящего компромисса. Он прекрасно обеспечивает семью, и он отличный отец. Дети его просто обожают. И если бы он хоть немного подумал обо мне, я была бы счастлива всю жизнь ему посвятить. Но что-то говорит мне, что он неверно понимает, что такое быть главой семьи.

— Ну, — сказала Джеки, — даже христиане часто это понимают неправильно. Нам с Дули пришлось в этом разобраться еще в первые годы нашего брака. Он вырос в обстановке, где в церкви учили, что если мужчина глава семьи, то это означает, что все решения принимает он, и только он. Мы ходили туда, куда ему хотелось, ели то, что он хотел — и даже *когда* он хотел. Каждый раз, как у нас возникало несогласие, он побеждал. Я чувствовала себя неудачницей. Я обижалась, верила, что он меня разлюбил.

— Вы так здорово смотрите вместе — разве только это не напояк.

— Нет, теперь все в порядке. Он действительно изменился.

— Почему? Как это случилось?

— Ему попался по-настоящему хороший наставник. Пастор Биллингз — очень умный человек. И он давно женат на женщине, которая до сих пор по уши влюблена в него и все такое.

— И как он добился?

— Он ведь обязан выполнять то, чему он учит?

— А что он говорит о долге главы семьи?

Джеки подозвала Брианну и вытерла ей нос, а потом снова отпустила играть.

— Он говорит мужьям, что их духовная ответственность — тяжелый груз и за это с них спросится по полной. Он говорит, что им однажды придется отвечать за душевное здоровье их жен. А мальчикам он показывает, что нести духовную ответственность не означает идти всегда своим путем. Он говорит, что эта роль может осуществляться, только когда муж и жена сталкиваются в споре по какому-то важному вопросу. В остальных случаях, говорит он, вы должны уступать друг другу и ставить интересы другого прежде своих. Лучше всего, когда он говорит, что обращение мужа с женой — это как инвестиция. Чем больше вкладываешь, тем больше получаешь. Обращайся с женой хорошо, люби ее, почитай ее — и ты получишь в ответ такое же отношение. Советуйся с ней, слушай ее, люби ее, как Христос любит церковь. Считать, что духовное лидерство — это делать все так, как ты считаешь нужным, это очень далеко от желания умереть за свою невесту. Честное слово, Ирэн, Дули после того, как все это усвоил, очень изменился. Как и наш брак.

Ирэн пришлось отвести взгляд, чтобы скрыть слезы. Как давно Рэйфорд не бывал с ней ласков... И еще это — жена как инвестиция для мужа... а что, если она инвестировала в Рэйфорда, надеясь на дивиденды? Как же ему любить ее, если она не показывает своей любви к нему?

* * *

— Хорошие новости, Джефф, — сказал Кэмерон. Он сказал брату об авансе, полученном от «Глоб», и что это позволит ему попасть домой, как только будут весенние каникулы. — Ты скажи маме, ладно? И если она захочет поговорить со мной, ты мне дай знать, и я ей позвоню. Ладно?.. Джефф? Ты здесь? Алло!

— Я слушаю.

— Ты меня слышал?

— Слышал.

— И?..

— Понимаешь, Кэмерон, в такие моменты я ни разу тебе не завидую. Все жалеют меня, потому что я старший брат, а ты звезда.

— Джефф!

— Ты знаменит. Ты из Лиги Плюща, ты отправился искать славы и денег, а я просто работяга, лох, который гоняет грузовики.

— Перестань, Джефф. Что сейчас-то тебя так достало?

— Да то, что до тебя так ничего и не дошло! Я не знаю, как еще тебе сказать, Кэм. Для сообразительного парня ты что-то медленно втыкаешь. Если ты добыл средства, почему ты еще не на борту самолета? Я бы подобрал тебя в аэропорту.

— Джефф, я никак не могу улететь прямо сейчас. Я упустил каникулярное окошко из-за поломки машины, заносов и прочего.

Я утонул в учебе, проектах, документах, работе, во всем...

— Ты хочешь увидеть мать до того, как она умрет?

— Да, конечно. Я...

— Поверь мне. Она уже два месяца как будет лежать в земле, когда наступят твои весенние каникулы.

— Ты серьезно?

— Алло!

— Значит, это неизбежно...

— Это будет со дня на день, Кэм. Все, больше я об этом говорить не хочу. Единственное, что еще держит мать на этом свете, — это надежда, что ты когда-нибудь к ней приедешь.

— Ладно. Слушай, у меня завтра в полдень экзамен и большой дедлайн послезавтра утром. Я вылечу тем же вечером. Надолго остаться не смогу, но...

— Ты еще не здесь, а уже торопишься назад.

Кэмерон мельком увидел собственное отражение в зеркале с пятерней, засунутой в волосы. И увидел себя глазами Джеффа. Ему не понравилось ни то ни другое отражение.

— Да, — сказал он. — Извини. Скоро увидимся.

* * *

Семейство Стил в полном составе сидело за обеденным столом в один из тех не-

частых вечеров, которые выпадали каждый месяц.

Зеленые глаза Хлои блестели, она обеими руками заложила за уши свои светлые пряди.

— Ну, вы готовы к моему сюрпризу? — сказала она.

Ирэн подняла взгляд.

— У тебя есть сюрприз?

— Нет, я просто ради удовольствия так сказала.

Хлоя улыбалась, но Ирэн опять поразило, насколько скоро на остроумный и резкий ответ эта двенадцатилетняя девочка. Часто, когда она вот так саркастически высказывалась, она не шутила.

— Так в чем дело, Хло? — спросил Рэйфорд.

Хлоя подняла тарелку, и под ней оказался ее табель. Сначала она отдала его отцу — что уязвило Ирэн.

— Надо же, — негромко сказал он, — это здорово, но вряд ли это можно считать сюрпризом.

— Для мамы это сюрприз. Она думает, что я пропащая.

— Что? Я никогда этого не говорила.

— Но ты так считаешь. Я знаю. — Хлоя совершенно не к месту продолжала улыбаться.

Рэйфорд передал табель Ирэн.

— Одни отличные оценки! — воскликнула она. — И учителя пишут: «Отличное поведение», «Прирожденный лидер», «Рада, что она в моем классе». Это же замечатель-

но, радость моя! Поздравляю! Ты отлично потрудились!

— Спасибо. И как отмечать будем?

— Не знаю, — сказала Ирэн. — Может, приготовить завтра вечером твой любимый десерт?

— Десерт! — завопил Рэйми с набитым ртом.

— Да ладно, мам! — сказала Хлоя. — Мне же не пять лет. Целая четверть усердной работы и отличные оценки стоят подороже твоих шоколадных печенек.

— Печеньки! — верещал Рэйми. — Вкусняшки!

— А ты что предложишь? — сказал Рэйфорд.

Хлоя хихикнула.

— Ты же знаешь, что мама говорит каждый год, когда мы спрашиваем, чего ей хочется на день рождения. «Ничего — только послушания и немножко уважения».

Даже Ирэн рассмеялась.

— Я что, правда так говорю?

Хлоя кивнула.

— Ну и я чего-то вроде этого хочу.

— Послушания?

— Не-а! Нет, о таком я и не мечтаю. Но немножко уважения не помешало бы.

— Но я уважаю тебя, Хлоя, — сказала Ирэн. — Я люблю тебя. И ты это знаешь.

— Я знаю, что ты любишь меня, мама. Но вот уважение — это совсем другое.

Когда эта девочка успела так повзрослеть? Так научиться выражать свои мысли?

Стать такой холодной? Ирэн забеспокоилась — она не знала, к чему ведет этот разговор и как он скажется на Рэйми. Пока он вроде не слушал и реагировал, только когда заговаривали о печенье.

— Ты только не забывай, что у этого маленького зайчика большие уши, — сказала Ирэн. — И что я должна сделать, чтобы доказать тебе, что я тебя уважаю?

— Ты все время говоришь про зайчиков с большими ушами, мама. Что это значит?

— Это просто выражение такое, Хлоя. Чтобы ты была осторожнее в присутствии малышей, которые все слышат.

— Да пожалуйста.

— Итак, — сказала Ирэн, — к чему ты ведешь?

— Мне просто кажется, что я достаточно взрослая, чтобы принимать собственные решения. Вот и все.

— Ну, твои оценки показывают, что ты можешь быть взрослой и ответственной, хотя я не согласна с тем, что ты уже достаточно взрослая, чтобы принимать решения. Я все еще твоя мать, а ты мой ребенок.

— Я это прекрасно знаю.

— Ладно, Ирэн, — сказал Рэйфорд. — Ты даже еще не знаешь, чего она хочет.

— Нет. Но готова поспорить, что ты знаешь.

Ирэн надеялась, что она ошибается, но по взгляду Рэйфорда — не говоря уж о Хлое — она поняла, что попала в точку. Эти двое сговорились у нее за спиной. Вероятно, Рэйфорд

научил Хлою, как можно манипулировать матерью при помощи хорошего табеля.

— Ладно, — сказала она. — Выкладывай. Чего мне будет стоить этот табель?

— Уважения, — ответила Хлоя. — Я уже тебе говорила.

— Ты не увиливай. Что ты имеешь в виду конкретно? Какие решения ты желаешь принимать сама?

— Я хочу решать сама, что мне делать по воскресеньям.

Ирэн попыталась прикусить язык. Ей хотелось вскочить, закричать, обвинить Рэйфорда в сговоре, заявить, что церковь и воскресная школа не обсуждаются. Но помолвившись в душе о мудрости и сдержанности, она заставила себя проглотить это. Почему же старание уподобиться Иисусу так тяжело дается? Пока это даже невозможно, решила она.

— Вот и все уважение, значит? — сказала Хлоя.

— Попридержи язык, девочка, — ответила Ирэн.

— Хотя бы от воскресной школы меня избавь! Я буду сидеть с тобой в церкви, только не надо всех этих тупых побасенок! И все эти дети такие дураки!

Правда была в том, что Ирэн сама считала проповеди доктора Борера никуда не годными. Это была не учеба и не сфера услуг — это церковь. Что же, раз Рэйфорд с Хлоей сговорились перехитрить ее, Ирэн решила, что у нее руки развязаны и применила тяжелую артиллерию.

— Ладно, — сказала она. — Я заключу с тобой сделку. Ты будешь ходить со мной в церковь, в ту, которая, как мне кажется, нам обоим понравится. В течение месяца ты будешь ходить в церковь и воскресную школу и не будешь жаловаться. А тогда сама решишь, захочешь ли ты продолжать.

— Нет-нет, — сказал Рэйфорд — Ты не будешь таскать мою дочь в эту секту!

— Рэйф! Она еще и моя дочь. И это не...

— Папа! Это честный договор. Не думаю, чтобы там была большая разница, но я как-нибудь потерплю несколько недель, если мне потом позволят решать самой.

— Мне это не нравится, — ответил Рэйфорд. — Это значит, что и мне придется туда ходить.

«А ты чего хотел!» — сказала про себя Ирэн.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Для Николае настала та часть избирательной кампании, когда ему пришлось тесно общаться с людьми, и он был приятно удивлен тем, насколько это ему нравится. Он всегда был «вещью в себе», и мысль о том, что придется останавливаться на автовокзале, железнодорожной станции или рядом с каким-нибудь заводом в конце рабочего дня, чтобы выйти в народ, поначалу казалась ему отвратительной.

Ему понравилось, когда к нему стали приходить люди и он смог давать — или не давать, как ему захочется, — аудиенцию. Но Леон утверждал, что никто не может надеяться привлечь к себе массы, если не покажет, что он один из них.

— Но я и не один из них, — отвечал Николае.

— Конечно. И люди это инстинктивно понимают. Вот почему для нас так важно —

жизненно важно — показать, что ты не против снизойти до них. Но все это нужно хорошо подать, Николае. Не следует бежать к лимузину сразу после встречи. А после того как закусишь с ними в забегаловке, не надо, чтобы через полчаса тебя видели в дорогом ресторане. Смотри им в глаза, слушай, обменивайся рукопожатиями. И делай это искренне.

— Или надо убедительно играть.

— Конечно.

— Ты хочешь сказать, что нам не стоит ездить в такие места на моих машинах?

— Нам лучше воспользоваться моей, — сказал Леон. — Она большая, просторная и более подходящая.

У Фортунато оказался черный внедорожник, который не слишком привлекал внимание. Николае начал с митинга у ворот металлургического завода. Когда оттуда начали выходить мужчины и женщины, закопченные, грязные и усталые, Николае пожимал руки каждому проходящему.

— Привет, я Николае Карпати, и я баллотируюсь в парламент.

Многие не обращали на него внимания. Для него это было новое ощущение, вгоняющее его в ярость. Но он продолжал улыбаться и пожимать руки. Многие, особенно женщины, говорили: «Я вас знаю. Я видела вас по телевизору». Больше половины желали ему удачи и говорили, что голосовали за него. Остальные отвечали, что они за Тишманяну,

но, как ни странно, они всегда с готовностью пожимали ему руку.

— А вы хоть один день в жизни работали? — спросил какой-то мужчина, глядя Николае в глаза. Несколько человек услышали вопрос и сгрудились вокруг них. Это привлекло еще больше народу. Когда вопрос разошелся по толпе, люди стали подзывать других.

Это было совсем другое дело. Николае оскорбил вопрос, но он любил, когда его слушали, и пора было пустить в ход недавно освоенное искусство самоуничтожения.

— Спасибо за вопрос, — сказал он. — Это честный вопрос, и я рад на него ответить. Возможно, вы удивитесь, но меня вырастила мать-одиночка, так что я должен был волею-неволей выполнять часть работ по дому и по хозяйству. Да, я вырос в деревне, так что хлев чистить умею. Но я всегда хорошо учился, и у меня была склонность к бизнесу, потому я рискнул, вложил в дело свои деньги и сам создал свою компанию. Да, тяжелым физическим трудом, как вы, я не занимался, и поэтому я восхищаюсь вами. Но мой рабочий день не ограничен, я создаю рабочие места и плачу зарплату множеству людей. Я хочу увидеть перемены и реформы у себя на родине, как и вы. Я в этом уверен. Я надеюсь, что могу рассчитывать на ваши голоса.

Николае ушел под громкие аплодисменты с чувством сильной жажды. Ему понравилось общаться с группой. Он хотел повторить

это. Следующая остановка была на железнодорожной станции, где люди торопились еще больше. Но все оказалось как в первый раз. Он встретился и поприветствовал тех, кто был готов потратить на него время, — некоторые приветствовали его, некоторые нет, многие узнавали его, немногие не узнавали. Затем кто-нибудь задавал неудобный вопрос, вокруг собирались люди, и тут Николае разворачивался по полной.

В машине на обратной дороге он сказал Леону:

— Нам надо сделать эти встречи более эффективными. Эти рукопожатия — дело хорошее и хорошо смотрятся в газетах и теленовостях. Но настоящее дело начинается, когда мне бросают вызов, и я могу защищаться.

— Что вы предлагаете?

— Чтобы мы подготавливали эти вопросы, чтобы их мне задавали сразу по приезде. Так мы не будем впустую тратить время на дурацкую раскачку и сможем сразу переходить к «горячему».

— Отлично, — сказал Леон. — Ты просто рожден для такого.

* * *

Кэмерон Уильямс ждал у ворот вылета на Тусон, когда получил звонок от своего брата Джеффа.

— Когда летишь обратно? — спросил Джефф.

— Послезавтра.

— Сможешь переиграть это с твоим начальством?

— Если надо будет, то смогу. А что?

— Послезавтра похороны. Тебе придется задержаться здесь как минимум на день.

— Джефф! Ты же не хочешь...

— Около часа назад. Я не хочу все это взваливать на тебя, Кэмерон, но она до конца спрашивала, не приехал ли ты.

Кэмерон выругался.

— Я обязательно должен был это знать?

— Да. Ты должен был быть здесь.

— Хорошо, хорошо, я понял! Я уже лечу.

— Всего на день опоздал...

— Джефф, не надо, ладно?

Полет прошел без приключений, но оказался дольше обычного. Кэмерон не мог есть, и хотя он устал, поскольку ему пришлось спешно доделывать все дела перед вылетом, задремать он тоже не смог. И естественно, он все время думал о матери.

У них давно были странные отношения. Еще будучи подростком, он обнаружил, что она верит всему, что он говорил, и начал говорить ей то, что ей нужно было или хотелось услышать. Она верила ему, восхищалась им, верила в него, и он без всякого стыда пользовался этим.

Кэмерон был неплохим парнем. Типичным. Он ходил на вечеринки, попивал, но все же по большей части был сознательным

студентом и ненасытно любопытным молодым журналистом. Он рано решил, кем хочет стать, когда вырастет, и потому выглядел старше своих друзей, особенно в глазах учителей, властей, взрослых всех типов.

Он работал и для отца достаточно, чтобы понять, что не хочет оставаться в газо- и нефтеперевозке всю жизнь. И конечно, это — и многое другое — и привело к тому, что между ним и его братом пролегла пропасть.

Кэмерон не искал этого столкновения. Он был не прав, и более чем. Ему было трудно поверить, что его мать при смерти, особенно поскольку он не видел ее больной. Она давно уже страдала ожирением, и возраст давал о себе знать, но во всем остальном она была крепкой и энергичной, не могла сидеть без дела. Она всегда любила новое. Кэмерон даже не мог представить ее в больнице.

А теперь она ушла. Чувствовал ли он себя виноватым? Конечно, но он был прагматиком. Кэмерон ничем не приблизил ее смерть, и он не собирался брать на себя всю вину. Но вид у него наверняка был подавленный, так что его родственникам не придется корить его, но кроме тяжелого ощущения, что он не дал матери удовольствия побыть с ним в самые тяжелые часы ее жизни, он не знал, что еще мог или должен был сделать.

Джефф даже руку Кэмерону не пожал, не то чтобы обнять брата, когда он забирал его из аэропорта.

— Как папа? — сказал Кэмерон, когда они несли его сумки к машине.

— Он понимал, что смерть неминуема, но все равно воспринял это тяжело. Хорошо, что родственники и друзья съехались.

Кэмерон решил, что это почти «хорошо, что ты здесь». Он с облегчением увидел, что Шэрон и дети ждут в машине. Его невестка тепло с ним поздоровалась и выразила свои соболезнования. Джефф вел машину. Он был молчаливее, чем всегда. Кэмерон пытался заговорить с ним, но тот каждый раз отвечал односложно.

Наконец, Кэмерон повернулся к нему:

— Почему бы тебе просто не сказать, что хотел, и покончить с этим?

Джефф продолжал смотреть на дорогу. Однако он ответил:

— Может, скажу. Я думал, ты так никогда и не спросишь. Я в бешенстве, Кэмерон. Я зол на тебя, как никогда в жизни. Ты всегда был сам по себе, тебе было наплевать на остальных. Но это так, коротко. Мы с папой миллион раз пытались внушить тебе, как важно, чтобы ты поскорее приехал, и что? Ты опоздал.

— Мне очень жаль, Джефф. Я не знаю, что еще сказать.

— Тебе жаль. Сейчас это легко сказать. И мама не может тебя услышать.

— Хорошо. Теперь ты оставишь меня в покое?

Джефф только покачал головой.

— Не молчи, если тебе есть что еще сказать, — сказал Кэмерон. — Не хочу, чтобы ты сверлил меня все время, пока я здесь.

— Да как угодно, Кэм. Просто дай мне знать.

Кэмерону хотелось достать брата, он прекрасно понимал, что Джефф готов дать ему по морде. Возможно, это было бы выходом из положения. Возможно, им стоит подражаться прямо на похоронах, чтобы вся семья полюбовалась.

Шэрон, сидевшая сзади, положила ему руку на плечо. Кэмерон был просто потрясен действием, которое на него оказал этот жест. Она не сказала ни слова, но он ощутил сочувствие, прощение, предостережение держать себя в руках. Он решил выкроить момент в эти дни, чтобы поговорить с ней.

* * *

К крайнему разочарованию Ирэн, Рэйфорд поменялся с одним из своих коллег и был должен лететь в воскресенье. Она была убеждена, что он изрядно ради этого потрудился, но это удержало ее от того, чтобы взять Хлою и Рэйми в Новую Надежду.

Она даже не стала предупреждать Джеки, что приедет, и одно выражение лица ее подруги оправдало всю поездку. Джеки тут же представила ее пастору Вернону Биллингзу, подвижному, добродушному человеку лет пятидесяти с лишком. Ирэн поразило, насколько он был открыт. Конечно, церковь

Новой Надежды была намного меньше ее церкви, но все равно для нее было непривычно, чтобы старший пастор вот так запросто общался с прихожанами.

Ирэн чувствовала себя неудобно, что Рэйми очень зажался от пребывания в новом месте и новом обществе, но он был смелым мальчиком и не плакал. Она убедила его, что он прекрасно проведет время и что если он будет хорошо себя вести, то после службы они с Хлоей пойдут есть курицу-гриль.

Хлоя, как всегда, бычилась, хотя и старалась быть любезной с Джеки. Ирэн спросила, не помочь ли ей найти ее воскресную школу. Хлоя ответила:

— Не знаю, мам. А ты думаешь, я не смогу найти школу в этом огромном комплексе? Хочешь взять меня за ручку и отвести к учителю?

— Ладно, ступай.

— А ты не хочешь пришить к моей рубашке беджик с моим именем?

— Иди!

Ирэн хотела более личного, настоящего опыта общения с Богом, который соответствовал бы ее новому отношению с Ним. Она решила не допускать, чтобы все, что она найдет в Новой Надежде, выставляло в дурном свете ее церковь. Но ничего поделать не могла.

Первое, что она заметила, кроме человеческих качеств пастора, было то, сколько людей здоровались с ней, спрашивали, как ее

зовут, и говорили, что рады ей. Интересно, что никто не спрашивал ее о муже или семье. Может, они понимали, что могут так смутить разведенных или овдовевших людей.

Служба оказалась куда более информативной, чем любая, на какой ей пришлось побывать прежде. В церкви пели те же гимны, к которым привыкла и она, но они казались более понятными и живыми. Она подумала, что Рэйфорду это понравилось бы, но кто знает? Может, ему здешнее общество показалось бы чересчур открытым.

Пасторская молитва тоже была другой. Неформальной. Не прочитанной по бумажке. Но это была проповедь, которая по-настоящему зацепила Ирэн. Никаких нотаций. Никакого пафоса. Никакой показухи. Пастор Биллингз просто указывал людям тот отрывок, о котором он собирался говорить, и все начинали шелестеть страничками папиросной бумаги.

Ирэн быстро нашла Первое послание Иоанна, 2: 12—14:

«Пишу вам, дети, потому что прощены вам грехи ради имени Его.

Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала.

Пишу вам, юноши, потому что вы победили лукавого.

Пишу вам, отроки, потому что вы познали Отца.

Я написал вам, отцы, потому что вы познали Безначального.

Я написал вам, юноши, потому что вы сильны, и слово Божие пребывает в вас, и вы победили лукавого».

Вот это был самый непонятный момент. Ирэн не понимала, почему никогда не слышала его за все эти годы в своей прежней церкви. Вероятно, потому, что он смутный и требует объяснения. Это не был великолепный, красивый отрывок, который с самого начала звучал приятно.

Ей не терпелось узнать, что скажет пастор Биллингз по этому поводу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТья

Поскольку родственники съехались на похороны со всего Юго-Запада, Кэмерону пришлось накануне весь день их принимать. По одному или семьями они съезжались в дом его детства.

Он никогда не ощущал себя таким чужим. Кэмерон не понимал — не то у него воображение разыгралось, не то он и вправду умеет читать мысли по выражению лица, интонации, манерам и языку тела.

Одна из тетушек сочла, что он счастлив вернуться домой со странного и экзотического Восточного побережья и, возможно, даже подумывает о переводе в Аризонский университет.

— У них же есть писательская программа, верно?

— Курс журналистики? Да, я уверен. Но мне до выпуска в Принстоне осталось несколько месяцев, а потом...

— Да, я слышала о должности в большой газете. «Бостон Сан» или что-то вроде.

— «Глоб».

— М-м-м. Интересно, эти бостонские брамины¹ вообще когда-нибудь слышали о Тусоне?

— Не беспокойтесь, слышали. И я постараюсь представлять наш город как можно лучше.

Остальные настолько навязчиво выражали свое сочувствие, что Кэмерон читал в них уверенность в том, что он чувствует себя виноватым за то, что не успел увидеться с матерью до того, как она умерла. Старшая кузина все квохтала, что он должен простить себя.

— Я знаю, что ты приехал бы, если бы смог, — говорила она.

Но все же остальные напрямую высказывали все, что думали о нем. Дядя устроил ему допрос с пристрастием, почему вышло так, что он не сумел приехать вовремя.

— А ты не мог занять денег, оплатить эвакуатор, заставить приятеля как-то вытащить тебя оттуда?

— Я сделал все, что мог, сэр. И все равно не успел повидаться с ней.

— Ты не знал, насколько с ней все плохо?

¹ Специфическая социальная прослойка Бостона, восходящая к первым колонистам Новой Англии, для которой характерен замкнутый, квазиаристократический образ жизни. Внешними атрибутами считаются новоанглийский (бостонский) акцент и диплом об окончании Гарвардского университета.

— Папа и Джефф пытались мне сказать, но, возможно, я просто не хотел с этим мириться.

— Короче, ты должен был быть здесь.

— А вы здесь были? — сказал Кэмерон. — Вы с ней виделись?

— Ну... а-а-а-а.... нет. Но мы знали, что конец близок. В любом случае, Кэмми, это твоя мать.

— Да, я уже понял.

Кэмерона впечатлило то, как держался отец, и в то же время он волновался за него. Брак их родителей не был лучшим на свете, но они неплохо ладили и прожили вместе почти тридцать лет. Он видел их снимки тех лет, когда они только ухаживали друг за другом, когда оба были молодыми и стройными и были настроены серьезно. На некоторых снимках они были мечтательно-влюблены — он никогда такого в них не видел. Они не выставляли свою любовь напоказ и не говорили о ней, но они очень тепло относились друг к другу.

Кэмерон был уверен, что отец некоторое время будет в панике и растерянности без нее. Но он был отличным хозяином. Благодарил каждого прибывшего лично за приезд и говорил правильные вещи. Он говорил, что с ним все в порядке. Это было трудно, хотя он давно знал, что его жена умирает. Он был немного заторможен, отплакав свое наедине с собой, и был уверен, что плакать ему еще придется. Но сейчас он хотел запомнить ее такой, какой она была до того, как рак одолел ее.

Но сильнее всего Кэмерона поразила Шэрон, жена Джеффа. Поскольку Джефф был молчалив и отстранен — и люди расступались перед ним, — Шэрон поручила ему присматривать за сыном и дочерью, наверное, чтобы занять его чем-нибудь. Кэмерон мог только догадываться, но ему казалось, что Шэрон не хотела, чтобы Джефф угрюмо слонялся вокруг, говорил злые слова и поносил младшего брата.

По поведению Джеффа было понятно, что он будет упираться на медлительность Кэмерона, пока не выжмет из этого факта всю выгоду. Всегда в центре внимания был Кэмерон, но сейчас был шанс оказаться главным. Джефф был приятным парнем, упертым, как скала, домоседом.

Поскольку похороны были назначены на утро следующего дня, гости и родственники стали расходиться по своим отелям рано вечером. Джефф забрал детей домой, чтобы уложить их, а Шэрон осталась помогать свекру прибираться. Кэмерон попытался заставить отца просто посидеть, но он хотел чем-нибудь заняться. Втроем они привели в порядок дом куда быстрее, чем Кэмерон предполагал.

Отец позволил уговорить себя лечь пораньше, и Шэрон начала хлопотливо собираться домой. Но хотя она схватила пальто и направилась к дверям, она остановилась и села в гостиную, глядя на Кэмерона.

— Ну, как ты, Кэм, на самом-то деле?

— В порядке. Я должен был быть здесь, но теперь с этим уже ничего не сделать.

— Джефф переживет, — сказала Шэрон. — Мне кажется, что он не на то злится. Тут кое-что другое происходит. А ты просто оказался удобной мишенью.

Кэмерон фыркнул.

— Да я всегда ею был. Почему сейчас это должно измениться?

— Он по-настоящему любит тебя, Кэмерон.

Кэмерон только рукой махнул.

— Я серьезно. Он любит тебя. Он мало об этом говорит. Да, он ревнует и уверен в своей правоте. Но жене-то все видно. Он много говорит о тебе. Восхищается. Волнуется. Заботится.

— Да ладно.

— Ничего не ладно. Знаешь, откуда мне известно, что он на самом деле о тебе думает? По тому, что он говорит другим людям. С ним пяти минут невозможно проговорить, чтобы он не ввернул в разговор тебя и не стал рассказывать о твоих планах.

— Я удивлен.

— А ты не удивляйся. Он тоже всегда хотел уехать из Тусона, понимаешь ли. Просто он чувствовал себя обязанным остаться, особенно когда уехал ты.

— Значит, опять во всем виноват я.

— Я не это хочу сказать. Возможно, когда твой отец умрет, Джефф сумеет продать его бизнес и начать делать то, что он хочет и где хочет.

— А что и где?

— А ты не знаешь?

— Он со мной не разговаривает, Шэрон. Он всегда был не особо со мной откровенен, даже когда мы были детьми.

— Но ты ведь наверняка знаешь, что он любит лошадей и сельское хозяйство.

— Да. Он в детстве больше всего любил торчать на ранчо, пасти скот, заниматься родео. Ты хочешь сказать, что он хочет купить ранчо?

Она кивнула:

— Вероятно, в Техасе.

— Что же, флаг ему в руки и вперед — ко всему, что сделает его счастливым.

— Это и мой девиз, — сказала Шэрон. — Мне кажется, что он счастлив иметь детей. Но я не уверена, что потяну еще одного.

Кэмерону было любопытно, как всегда, но он не был уверен, что ему хочется продолжать разговор. Вообще-то он был почти уверен, что не хочется. Но Шэрон уселась на диванчике, словно эта тема ее воодушевляла и она надеялась, что Кэмерон разговор продолжит.

— Значит, завтра предстоит тяжелый день? — сказал он. — Думаю, тебе тоже много что придется делать на похоронах. Очень здорово, что ты помогла сегодня здесь. Прямо будто родная дочь, а не невестка.

Шэрон улыбнулась, но не смогла скрыть усталости в глазах.

— Послушай, Кэм, когда я вышла замуж, я приняла все, что этот брак принес. Так что хочешь — не хочешь, теперь я твоя семья.

— О, не пойми меня неправильно. Я рад, что ты — наша семья.

— Да?

— Конечно.

— Очень приятно это от тебя услышать. Я не уверена, что это чувство разделяют все.

К чему она клонит? Кэмерона поразил тот факт, что, если бы он говорил с кем-нибудь еще, с чужим человеком, он непременно стал бы расспрашивать о всех мелочах, копаться во всех вопросах, допытывался бы до источника всех странностей. Но это было слишком близко. Он больше не хотел знать, почему Шэрон чувствовала себя неуютно и тем более с чего это она вдруг беспокоится о том, что больше не может сделать Джеффа счастливым.

Как он понял, обе тревоги шли из одного корня.

— Людей разделяет вера, — заявила она.

Кэмерон это знал, но что он должен был отвечать?

— Да? — сказал он.

Она кивнула.

— Я слишком серьезно к этому отношусь, наверное. Или они так думают. Мне кажется, что, если бы мы все верили в Бога и ходили в церковь, это стало бы самым важным делом в нашей жизни. Или я что-то упускаю? Что скажешь, Кэм?

Он пожал плечами:

— Я считаю, что каждому свое. Некоторые люди религиознее других.

— Я не о религии, Кэмерон. Я об Иисусе.

И она еще удивляется, что люди от нее шарахаются? Сколько народу ходит вокруг, разглагольствуя об Иисусе? Бог — это другое дело. Даже Христос немного более умозрительен. Но говорить об Иисусе так, будто ты на короткой ноге с этим парнем — причем реальным — из Библии? Кэмерон не хотел говорить этого, но в этом было что-то бесцеремонное, вызывающее. Он уважал Шэрон за ее отвагу и прямоту, но чего же тогда она удивляется, что людей это приводит в смущение? Таких людей, как он.

— Хммм, — только и сумел протянуть он, улыбнувшись.

— А ты, Кэм? Ты-то как к этому относишься?

Если она решила выложить ему все начистоту, то и он будет честен, это уж точно.

— Должен признать, что я, вероятно, отношусь к этому как Джефф, — сказал он. — Мы с ним сбежали из нашей церкви, как только стали достаточно взрослыми, чтобы уговорить наших родителей. Они были расстроены, но большого значения этому не придавали. И я их за это уважал. Они продолжали ходить в церковь и приглашали нас на особые события. Иногда мы ходили с ними. Но я должен сказать тебе, Шэрон, если церковь, в которой мы выросли, — это и есть Иисус, то это скукотища страшная. Я именно это имею в виду — скукотища.

— Но ваша церковь — не пример, уж поверь мне. Проблема именно в этом. По крайней мере, вы с Джеффом поступили

честно и сделали правильно, что ушли отсюда. Твоя ошибка — уж прости мне за прямоту — в том, что вы считаете все церкви одинаковыми. И раз ушли из этой церкви, так ушли из Церкви вообще. Я права или ты в Нью-Джерси еще какую-нибудь церковь посещал?

Он покачал головой:

— Я был слишком занят. Работа, учеба...

Она посмотрела ему прямо в глаза:

— Дело не в занятости, Кэмерон. Ты сам только что так сказал. Ты либо отворачиваешься от церкви, либо ищешь другую.

— Правда неприятна, — сказал он.

— Да. Но это не так больно, как лгать самому себе.

Очень мило с ее стороны было назвать его грех грехом отрицания, не столь тяжким, как ложь, но он именно солгал ей. Шэрон умела быть неприятной, но правды она не боялась.

Он пожал плечами:

— Виновен.

Она встала:

— Пойду-ка я домой. Но можно я прорекламирую тебе мой товар?

— Товар?

— Ну да, впарю кое-что. Раз все в этом доме считают меня чокнутой фанатичкой, почему бы мне не получить с этого свой процент? Вот что, Кэмерон. Я люблю тебя и забочусь о тебе, как о родном брате. Твоя церковь — паршивое представление о Боге, Иисусе и обо всем, чего Они хотят. Бог лю-

бит тебя. Он послал Иисуса умереть за твои грехи. Он хочет слушать тебя, сделать тебя Своим чадом, говорить с тобой в церкви, которая понимает, что к чему. Ты подумай об этом. Мне можешь не отвечать. Я все прекрасно понимаю. Но, по крайней мере, теперь ты знаешь, почему твоя семья считает меня тем, чем считает. Можешь за моей спиной рассказать им свою версию.

Кэмерон встал и обнял ее.

— Шэрон, — сказал он, — я никогда ничего подобного не сделаю. Я благодарен тебе за то, что ты была со мной настолько прямой и честной. И за то, что я тебе не безразличен.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В пасторе Верноне Биллингзе не было ничего показного или пафосного. Это был простой, непритязательный человек, который умел держать аудиторию и внимание слушателей направлял на смысл своих речей, а не на себя. Он умудрился привлечь и внимание Хлои, а это был немалый подвиг. Ирэн после первого занятия Хлои в воскресной школе не могла дождаться момента, чтобы расспросить ее.

Речь пастора Биллингза была прямой и информативной. Он разъяснял Писание настолько ясно, что Ирэн казалось, будто она выпила родниковой воды. А ведь отрывок, о котором он говорил, был непрост.

Его основной темой было то, что апостол Иоанн писал о двух семьях — семье Бога и семье сатаны. Христиане получали прощение и выходили из семейства сатаны, становясь

частью семьи Бога. Они не должны любить сатану, или его семью, или мир, который ему подвластен.

Но неужели послание Иоанна касалось только детей, отцов и молодых людей? Пастор объяснял, что греческое слово, переведенное как «дети», в стихе 12 на самом деле отличается от слова, которое точно так же переводится в стихе 13¹. Первое слово, говорил он, относится к отпрыскам любого возраста, а вот второе — буквально к малым детям. По словам пастора, Иоанн повторяет свое послание для того, чтобы довести до сознания верующих то, что они принадлежат к семье Бога.

Что касается отцов, юношей и отроков, то пастор Биллингз растолковал, что это относится к различным степеням духовной зрелости. Если бы Ирэн хоть когда-нибудь могла бы попасть в их число! Она так хотела вырасти и стать зрелой в своей вере! Но ей казалось, что она застряла. Как бы ей хотелось, чтобы церковь Новой Надежды стала и ее церковью.

По-настоящему духовные личности — отцы, по словам пастора, — были духовно зрелы потому, что познали Бога во всей Его полноте. Он сослался на 10-й стих 3-й главы Послания к филиппийцам: «Чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его».

Пастор Биллингз далее объяснил, что вторая степень духовной зрелости — юноши — это те, кто может еще не знать Бога в силе

¹ В русском переводе используется слово «отроки».

Его воскресения и не участвует в страданиях Его, но знает теорию. Они читали и были обучены и имеют арсенал, который помогает им противостоять обману дьявола.

Ирэн прежде думала, что она как раз из таких или, по крайней мере, становится такой при помощи Джеки. Но вот теперь она уже не была так уверена.

Под конец пастор сказал, что самая начальная стадия духовной зрелости верующего — отроки — это те, у кого есть только рудиментарные понятия о Боге и кто больше всех нуждается в росте. Ирэн боялась, что остальная ее семья в лучшем случае стоит у дверей и таким образом наиболее уязвима для лжи и обмана Врага, который пытается навязать себя людям.

Разум и сердце Ирэн были настолько полны, когда они с Джеки пошли забирать своих детей, что она даже и не знала, с чего начать.

— Ну что, понравилось? — весело сказала Джеки.

— Понравилось? — ответила Ирэн. — Джеки, мне надо развиваться в смысле веры. Я получаю очень много от тебя, из Библии, из молитв, но на моей жизни это никак не отражается.

— Мне кажется, что отражается.

— Да ладно, Джеки. Я хочу быть с тобой откровенной, но, конечно, я всегда пытаюсь показать себя в лучшем свете. Мне приходится так жить при Рэйфорде. Моя цель — попытаться достучаться до него, но все, что я

говорю и делаю, отвергается. Я не могу его винить. Это я не способна что-то сделать. Я пытаюсь — но все выходит наоборот. Я люблю его. Я забочусь о нем. Я хочу завоевать его, привести его к Христу. Но если я для него пример Иисуса, то я проиграла.

К чести Джеки, та не стала спорить. Один ее сочувственный взгляд был красноречивее любых слов. Ирэн знала, что она права, что она обязана проанализировать себя, полностью изменить свой подход.

* * *

На похоронах матери Кэмерон испытал почти то, что мог описать только как выход из тела. Служба была очень формальной, по книжке, полной стольких банальностей, пустых слов, что все время ему представлялось, как мать умывает руки.

Ей было бы приятнее, если бы люди были честными и говорили о ней правду. Когда начались панегирики, старые друзья и родственники начали один за другим подходить к микрофону, стало чуть поживее. Люди смеялись, плакали и рассказывали истории о настоящей миссис Уильямс.

Кэмерон решил не участвовать в этом деле, но чуть не изменил своего решения, особенно когда заговорил Джефф.

Он говорил очень ясно, сердечно и рассказывал о своих взаимоотношениях с ма-

терью, причем Кэмерон прежде никогда об этих случаях не слышал.

Странно, но Шэрон сидела и плакала на протяжении всей панихиды. Она не могла утешиться, похоже, даже взгляда поднять не могла. Кэмерон представить не мог, почему она так расстроена. Да, она была близка с его матерью. Но всем также известно, что женщины бывают откровенны друг с другом. О своей матери он мог точно сказать — на прямоту она отвечала прямотой.

Как бы его мать ни принимала и ни любила свою невестку, она никогда не скрывала своего отношения к религиозности Шэрон. Шэрон была слишком критична, слишком строго судила, не была способна оставить человека в покое. Мать Кэмерона всегда отстаивала право каждого иметь свою религию, как и политические взгляды, и считала, что невежливо испытывать веру и политические убеждения другого человека.

Но это никогда не останавливало Шэрон. Она приглашала своих новых родственников в ее церковь, и они ходили туда не раз — по большей части на программы для внуков. Но Шэрон не могла оставить дело как есть. Потом она просто допрашивала их — верят ли в их церкви так же, как в ее? Может ли человек заново родиться в церкви? Что они думают о призыве пастора «предать свои жизни Господу»?

Джефф поначалу был ошеломлен и рассказывал Кэмерону, как их отец изо всех сил пытается избежать пустых обещаний или

ссор. На все вопросы он отвечал — да, было мило. Очень впечатляет.

Но мать Кэмерона? Нет. Ее отец всегда говорил, что она честна до неприличия.

— Это мне против шерсти, — говорила она. — Это значит, что я плохой человек или плохая христианка, если не спасаюсь так, как говорит твой проповедник.

— Вы думаете, он к вам обращался, мама? — сказала Шэрон.

— Он обращался ко всем чужакам, и от этого я чувствовала себя еще более чужой. Это грубо. Заманить нас туда, чтобы сделать снимки наших драгоценных внучат. А затем дать нам по башке Библией, заявив, что мы не годимся.

Шэрон не сдавалась. Он поднимала вопрос снова и снова, пока ее свекровь не сказала ей — хватит.

— Я поняла, хорошо? Я поняла. Я не могу принять своего решения?

Джефф сказал, что его жена ответила — да, конечно, можете.

— Ладно. Вот что я скажу тебе, Шэрон, — ответила его мать. — Я считаю, что все это хорошо для тебя, а я воспользуюсь шансом жить так, как мне хорошо. — Когда Шэрон принялась убеждать, что «ваша жизнь вовсе не хороша, а потом вы будете гореть в аду», что чуть не покончило с их отношениями. Они шесть месяцев почти не разговаривали.

И все же когда мать Кэмерона боролась с раком, кого она захотела в первую очередь увидеть? Кто часы проводил у ее постели,

делая все — *все*, как подчеркивал Джефф, — что она просила? Шэрон, конечно. Между женщинами образовалась связь, разорвать которую смогла только смерть, но не было никаких свидетельств тому, что миссис Уильямс приняла Христа.

Возможно, именно потому Шэрон была теперь так расстроена. Она потеряла подругу, и, возможно, она боялась, что та окажется в аду. Страдания Шэрон продолжались и у могилы, и во время еще одного приема у них дома. Она выполняла свой долг, сервировала стол, взяла на себя функции хозяйки дома, но по ее щекам струились слезы, и лицо ее было красным. Чем больше люди пытались ее обнять и утешить, тем сильнее она страдала.

Но вот отец Кэмерона был загадкой. Казалось, он совсем лишился жизненной силы. Позже, дома, он казался таким усталым, что все уговаривали его пойти прилечь. Он отказывался. Не в его правилах было оставлять гостей, какими бы ни были обстоятельства. Но к концу дня он уже сидел, стараясь держать глаза открытыми, пока люди подходили к нему, выражая свои соболезнования на прощание.

Чувства Кэмерона были очень сложными. Его переполняли воспоминания о детских отношениях с матерью, когда он обожал ее, и именно ее он воображал в своих играх понарошку. Сколько раз он спасал ее от врагов, из горящего дома, отгаскивал с рельсов прямо из-под локомотива, идущего полным ходом?

Он понимал, что каким-то образом сумел отделаться от подростковых воспоминаний о том, как обманывал ее. А вдруг она знала, просто не говорила? Вряд ли. Ее любовь и преданность ему никогда не угасали. Кэмерон от этого чувствовал себя подонком, и он сожалел, что не смог рассказать ей обо всем, чтобы они могли вместе посмеяться и он почувствовал себя прощенным.

* * *

Почему подростки бывают так раздражающе непредсказуемы? Ирэн могла поспорить, что у Хлои найдется тысяча причин начать ныть, что она хочет домой, что она честно попыталась, но все вышло не так, как хочет мамочка.

Рэйми сидел тихо и клевал носом, а Хлоя в основном молчала. Если что и есть хуже спора с упертой дочерью, так это клещами вытягивать из нее ответ по одной букве. Ирэн решила, что так делать не будет.

Нельзя сказать, чтобы Хлоя все время сидела молча. Вообще-то она говорила такие вещи, за которые Ирэн хотелось зацепиться. Ирэн прекрасно понимала, что, конечно, не надо уступать, поскольку всегда, когда она решала, что уже завоевала дочь, Хлоя разочаровывала ее односторонним решением.

Хлоя сидела на пассажирском кресле, с довольно веселым лицом, но вряд ли она

была склонна к общению. Ирэн глянула на нее пару раз, борясь с желанием спросить — ну как?

Когда Ирэн подъехала к МакАвто, Хлоя сказала:

— По крайней мере, эти ребята более настоящие, чем в нашей церкви.

— Более настоящие?

— Ну, они тупые и немного того, но они кажутся — ну, не знаю — вроде как искренними. Ты понимаешь, о чем я?

— Не совсем.

— Может, они прикидываются, как мы все в нашей церкви, но...

— Не все прикидываются, Хлоя.

— Я про детей, мам. Кроме одного-двух мы даже и прикидываться перестали. Но тут ребята вроде бы много понимают в том, чему нас учат, и все такое. И знаешь, когда учительница молилась вслух, она просила и детей молиться, если им хочется.

— А ты?

— Шутишь? Я и при знакомых-то не стала бы, не то что при чужаках. Но некоторые ребята молились. И сдается, они вообще много молятся.

— Тебе это понравилось?

— Еще бы. Не уверена, что я хочу в это въезжать, понимаешь ли, но мне кажется, что они не притворялись. Ну, насколько я могу сказать.

— А о чем был урок?

— Да о том же, о чем проповедь читали, интересная идея, кстати. Не знаю, смогу ли

я все это понять, но имеет смысл все это растолковывать таким способом, тебе не кажется? Как будто тут все делается целенаправленно. А в нашей церкви что-нибудь делается целенаправленно?

Ирэн удержалась от уничижительных слов по адресу их старой церкви. Как раз в тот момент, когда ей показалось, что Хлоя готова согласиться, что в новой церкви не так уж и плохо, она попросила мать напомнить, сколько будет продолжаться этот эксперимент и не предполагается ли, что и ее отец должен посещать эту церковь.

— Я же не мать твоему отцу, — сказала Ирэн. — Я просила тебя сделать честную попытку, а затем хочу попросить тебя продолжать сюда ходить, даже если тебе и не хочется.

— Я так и знала! — крикнула Хлоя, разбудив Рэйми как раз в тот момент, когда он учуял запах жареной курицы и захотел есть. — Ты вовсе не собираешься уважать мое решение!

— Дело в том, Хлоя, что я испугана. Я хочу, чтобы ты знала, что я люблю и уважаю тебя, но я хочу для тебя лучшей судьбы. Я никогда себя не прощу, если позволю тебе заставить меня не стараться водить тебя в церковь каждое воскресенье. Что я тогда буду за мать?

— Та, которая обращается с дочерью как с человеком, а не собственностью.

— Это нечестно.

— Не говори мне о честности, мама. Тыто сама ни на грош не честна. Я выполню

свое соглашение, но ты должна выполнить свое обещание. Решение будет за мной.

— Я надеялась, что ты примешь решение, которое я смогу поддержать.

— Значит, я имею право делать выбор, только если выберу так, как ты хочешь?

— Ты рисуешь меня слишком непреклонной, Хлоя.

— А что, не так?

— Пожалуйста, подожди с суждением несколько недель.

— Это будет нелегко, мам.

— Я знаю, но сделай это для меня.

— Я все делаю для тебя. Хотя бы раз сделай что-то для меня.

Когда-нибудь, понимала Ирэн, у Хлои будет свой ребенок и, как она надеялась, она образумится и пожалеет о своих словах. Но пока Ирэн сделает все, что может, для любимой дочери. Она будет молиться за нее всей душой, надеясь, что Бог изменит разум Хлои и — со временем — и сердце.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Меня беспокоят эти женщины, Николае, — сказала Вив Айвинз. — И не только меня.

Карпати сложил руки и откинулся на спинку кресла в своем кабинете.

— Женщины? Я уже говорил тебе — это просто флирт. Ни с одной из них у меня нет ничего серьезного.

— В том-то и дело, милый. Мне нет дела, как ты отдыхаешь, но ты должен вести себя осторожно. Выборы на носу. И другие тревожатся...

— Это другой вопрос! — сказал Николае, позволив креслу выпрямиться снова. — Не говори мне о других или о том, что не ты одна беспокоишься! Если у кого есть ко мне дело, пусть скажет прямо. О ком мы сейчас говорим?

— Не знаю, следует ли мне говорить о...

— Тетя Вив! Это *ты* подняла вопрос. Ты сказала, что не тебя одну это тревожит. Так кто?

— Они искренне блюдут твои интересы, Николае. Они не должны пострадать из-за того, что заботятся о тебе и твоём будущем.

— Я очень это ценю, Вив, но как мне поверить в заботу обо мне и верность, если эти люди за моей спиной общаются с тобой и неведомо с кем еще о моей?..

— Никаких свидетельств этому нет.

— И что? Что они говорят? И кто это, кого мне успокаивать?

Вив рассматривала свои туфли. Николае понимал, что она сдастся, если он просто выдержит паузу.

— Тристан, — тихо сказала она.

— Тристан? Мой ночной водитель? Ты серьезно?

— Он сейчас, конечно, спит, Николае. Я могу попросить его прийти на работу на несколько минут пораньше сегодня вечером. Но, пожалуйста, помни, что он один из самых верных твоих служащих и большой поклонник...

— Он скоро сможет это доказать. И, конечно, объясниться.

* * *

Ирэн вскоре поняла, что Рэйфорд и Хлоя снова вступили в заговор против нее. Они,

конечно, никогда в этом не признаются, и четких доказательств у нее не было. Но внезапно Хлоя решила, что, несмотря на все интересное и необычное, что было в церкви Новой Надежды, она останется в своей старой церкви, пока Ирэн не перестанет настаивать, чтобы она продолжала в церковь ходить.

— Тогда буду ходить и я, — сказал Рэйфорд, и Ирэн поняла, что попалась в ловушку. Что так пугало Рэйфорда в церкви Новой Надежды? Он, по сути дела, говорил, что будет поддерживать ее в требовании, чтобы Хлоя ходила в церковь еще несколько лет — против ее воли, — и что он даже будет ходить туда гораздо чаще, если они останутся в прежней церкви.

— Мы будем рады, если ты будешь ходить с нами, — сказал Рэйфорд.

— Значит, *мы*? — Ирэн не хотела произносить эти слова так зло, и если бы она хоть мгновение могла подумать прежде, чем ответить, может, она была бы более корректна. Но если слова Рэйфорда не были явным свидетельством тайного сговора, то Ирэн просто не могла придумать иной причины. Что ж, она не собиралась разрушать семью из-за того, в какую церковь ходить, как бы ей ни хотелось посещать церковь Новой Надежды. Больнее всего было то, что ведь ей даже удалось достигнуть успеха на какой-то стадии. Рэйфорд согласился ходить в церковь чаще, и Хлоя, пусть против воли, тоже будет туда ходить каждое воскресенье хотя бы не-

которое время, пока церковь будет таким безобидным сельским клубом. Ладно, Ирэн будет продолжать цепляться за Джеки, как за спасательный круг, на пути к настоящему духовному росту. Она вернется к ежедневному чтению Библии и молитвам и будет, как никогда, погружаться в еженедельные беседы с Джеки. Если ей лично не придется слушать пастора Вернона Биллингза, то сойдут и знания из вторых рук.

Но как быть с Рэйми? Скоро он станет достаточно взрослым, чтобы понять, что и ему тоже нужен Иисус. И это она — в любом случае это было бы так — должна привести его к вере. И уж точно он не придет к настоящему общению с Христом в церкви, которая никогда на этом внимание не заостряла.

Одно было точно понятно — хотя Ирэн не знала, как скоро Хлоя отпадет от церкви — а это неизбежно, — и будет ли Ирэн сражаться до конца, это послужит для нее знаком сменить церковь. Она не собиралась засыхать на корню, если знает, что принадлежит чему-то вроде Новой Надежды.

* * *

Кэмерону Уильямсу было трудно сосредоточиться на окончании обучения в Принстоне. Он понимал, что может закончить с высоким средним баллом, оказаться в центре внимания, но его энтузиазм к деятельности в

кампусе, студенческой газете, классной работе, всему прочему угас. Ему светила работа в «Глоб», и он едва мог дожидаться старта.

Известие об этом разошлось в кругах его знакомых, и внезапно он стал тем самым прославленным молодым журналистом кампуса. Даже его очень личная заметка о том, как он выбирался на похороны матери и как тосковал потому, что не смог увидеться с ней перед смертью, стала для «Глоб» визитной карточкой будущего нового репортера.

Кэмерон не сознавал, что он очень эмоционально пишет, и не пытался держать определенный тон чисто для эффекта. Но даже Диззи Роулэнд сказал ему, что его очень впечатлило, как Кэмерон простым, доступным слогом рассказал историю, которая не оставила безучастным буквально никого.

— Ты не изображал эмоции, парень. Ты вызвал их у читателя.

— Понимаете, сэр, — сказал Кэмерон, — я и не думал об этом. В смысле, когда писал.

— Так о чем ты думал?

Кэмерон покачал головой и поморщился, пытаясь вспомнить те чувства, которые излились в его работе. Для человека, который планировал зарабатывать словами, ему было сейчас трудно высказать свои собственные мысли.

— Знаете, я должен сказать, что меня самого распирает любопытство, — ответил он. — У меня столько вопросов, и, полагаю, у читателя их немало тоже. Я его представитель, я спрашиваю о том, о чем спросил бы

он, пытаюсь выяснить все подробности, которые хотелось бы узнать ему, и даже те, о которых он, возможно, не подумал.

— Вы не думаете о том, чтобы избегать штампов или усиливать эмоции?

Кэмерон покачал головой:

— Думаю, что это само собой приходит.

— Интуитивно.

— Надеюсь.

— Это дар, Кэмерон.

«Глоб» поручила Кэмерону взять интервью у уроженца Бостона, который получил должность заведующего кафедрой в Принстоне, и Кэмерону удалось сделать из интервью нечто большее, чем обычную новостную заметку. А еще он осветил историю одной семьи из Массачусетса, которая взяла трех детишек из Азии, а те закончили учебные заведения Лиги Плюща, женились, начали успешный бизнес и переехали в Нью-Джерси.

Кэмерон хотел поскорее закончить обучение и переехать в Бостон, чтобы делать такую работу каждый день.

* * *

Николае нравился Тристан, причем почти с того самого дня, как он взял его на работу два года назад. Молодой человек был спокойным и деятельным, и в те моменты, когда он говорил, он всегда льстил боссу. Карпати

знал, что его лестью не проймешь, но ведь любому приятно, когда тебя уважают.

Он решил принять Тристана в гостиной, не в кабинете — это могло того напугать. Николае хотел лаской вытянуть из молодого шофера как можно больше информации. Но когда Тристан вошел в своей черной водительской форме и с кепи в руке, вид у него был усталый и беспокойный.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Николае, показывая на стул напротив дивана, где он сам сидел. — Госпожа Айвинз говорит, что у вас есть какие-то сомнения, которыми вы хотели бы со мной поделиться.

— О да, сударь. Мне неловко, что я доверился ей, а не пришел напрямую к вам.

— В любом случае будьте уверены, что я предпочитаю последний вариант.

— Хорошо. И я заверяю вас, что больше ни с кем об этом не говорил.

— Тогда вам незачем *speriat*¹. Я буду очень внимателен и не стану думать, что вы нервничаете из-за того, что распускаете обо мне слухи среди служащих и особенно среди посторонних людей.

— Нет, конечно, нет.

— Итак, что вы хотите сказать, Тристан?

— Госпожа Айвинз не говорила вам?

— Вообще-то говорила. И она разделяет ваши тревоги, как вы, наверное, знаете. Но я хочу это услышать от вас. Вашими собственными словами.

¹ Бояться (рум.).

Тристан мял кепи в руках и смотрел мимо Николае.

— Для начала, я понимаю, что это не мое дело.

— Я — не ваше дело, Тристан? Это ridiculous, полная чушь! Я не просто ваше дело, я хочу быть вашим делом. Сколько раз я вдабливал своему штату, что для того, чтобы добиться успеха, все вы должны в какой-то мере смотреть на меня и на мою компанию как на свою собственность?

Тристан кивнул:

— Много раз, я понимаю.

— Так покончим с этим. Итак?

— Я не упрекаю вас, что к вам приходят такие гости.

— Те женщины, что посещают меня почти каждую ночь.

— Да. Мне хотелось бы, чтобы такие выстраивались в очередь ко мне.

— Уверен, что с этим у вас проблем нет, Тристан.

— Ну, скажем так — в моем доме не столько гостей, как у вас.

— Это просто отдых, друг мой. Я никого не заставляю приходить ко мне.

— Я понимаю. И сомневаюсь, что у большинства людей по этому поводу будут какие-то проблемы. Я понимаю, что не просто так вы меня посылаете забирать их в условленном месте и отвозить назад всегда после наступления темноты.

— Конечно. Секретность.

— Это значит, что я должен держать это в тайне. Особенно от ваших врагов.

— Конечно.

— Вот это меня и волнует, господин Карпати. Мне даже страшно представить, как может использовать эту информацию господин Тишманяну.

— Ваши волнения обоснованы, и именно поэтому я использую для этого такого доверенного человека, как вы. У вас есть подозрения, что он или кто-то из его людей в курсе?

— Честно говоря, да.

Этого Николае не ожидал. Он подался вперед, взглядом требуя подробностей.

— Я знаю человека, который работает на Тишманяну, — сказал Тристан. — Ну, возможно, я слишком сильно сказал, что знаю его. Короче, я знаком с ним. Он друг моего друга.

— Да, и что он делает для Эмила?

— Я этого даже не знаю. Я знаю, что он человек необразованный и немного *delincvent*¹, так что...

— Что преступнику делать на службе Тишманяну?

— ...я сомневаюсь, что ему сильно доверяют или он обладает какой-то властью. Возможно, он работает непосредственно по месту. Возможно, его босс выпрашивал всех, не знают ли они кого здесь.

— Возможно. И он вышел на вас?

— Да. Задавал странные вопросы и просил странного. Он спросил, не хочу ли я не-

¹ Правонарушитель (рум.).

много подзаработать — невинный заработок, так он это называл. Я ответил, что мне хорошо платят и я подработки не ищу. Он сказал, что никакой лишней работы не потребуется. Только когда я привожу к вам какую-нибудь гостью поздно вечером, я должен останавливаться под фонарем на крутовой развязке, а не на крытой стоянке у входа. Он сказал, что никто ничего не заметит, а я буду получать несколько сотен наличными каждую неделю. Конечно, тут никакого труда — только я должен буду провожать ваших посетителей до дома футов двадцать пять или около того.

Николае уставился в потолок, затем закрыл глаза.

— Значит, он хочет, чтобы они попадали под свет?

— Похоже на то. И можете считать меня *prost*¹, но я не понимаю зачем.

— Я никогда не назову вас глупцом, Тристан. Но вы определенно можете догадаться, зачем ему это нужно.

— Но я там все осмотрел под всеми углами и не могу понять, где там можно установить камеру.

— При современных технологиях, Тристан, их можно установить очень далеко. Ключ — освещение. Есть, конечно, альтернатива — следовать за вами до того места, где вы забираете пассажирку или высаживаете, возможно, там освещение получше.

¹ Дурак (рум.).

— То ведь Тишманяну нужен снимок, где они входят и выходят из вашей резиденции. Вы полагаете, что он попытается использовать это против вас? Продаст снимки в газеты?

Николае встал и пожал плечами.

— Вряд ли даже старина Эмил до такого опустится, — сказал он. — Но меня не удивит, если придет кто-то от него и покажет мне эти снимки, пытаюсь добиться от меня каких-нибудь уступок.

— Уступок?

— Заставить меня выйти из гонки на этой финальной стадии. Что-то вроде этого.

— Мы не можем такого допустить! Вы победите, если все это не всплывет наружу. Вы нужны нам в парламенте.

— Выбросьте эти мысли из головы, Тристан. Спасибо, что сказали мне, и запомните на будущее, что надо делать.

— Рассказывать только вам напрямую.

— Умница. А теперь я хочу подготовиться к завтрашнему вечеру и хочу попросить вас, чтобы вы согласились на предложение вашего знакомого.

— Но я уже отказал ему.

— А вы разве не можете передумать? Убедите себя, что в этом не будет большой беды. И разве вам помешает лишняя пара сотен долларов?

— Возможно. Если вы так хотите.

— Я дам вам знать. Сначала мне надо кое-что сделать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Звонок от Шэрон, жены Джеффа? Значит, что-то случилось. Кэмерон позвонил ей, как только оказался у себя в комнате.

— Джефф снова говорит, что хочет уехать.

— Уехать? Куда?

— Куда угодно.

— Он нашел покупателя на бизнес? Папа не может...

— Он не бросает Тусон и не бросает бизнес, Кэмерон. Он хочет бросить меня. Нас.

— Он не сможет. Оставить детей? То есть он и тебя не бросит, разве не так? И вообще, почему?

— Он и прежде делал такое, помнишь?

— Да, но это было по-другому. У вас не было детей, и вы оба были молоды. Он тогда просто еще не знал, как быть мужем.

— Ты знаешь, почему он уехал.

— Да. Но теперь-то ты другая. Не так ли, Шэрон?

— Не такая резкая, хочешь ты сказать?

— Думаю, да.

— Надеюсь. Но после того, как умерла твоя мать, Джефф постоянно на грани срыва. Я никогда не заставляла его ходить в церковь со мной и не пыталась пилить его по этому поводу. Но он чувствует напряжение. Я хожу туда и беру с собой детей, конечно же. Наверняка ему не по себе, особенно когда ему больше нечем заняться, нечем отговориться. Он не играет в гольф, боулинг или покер, понимаешь. Я даже не могу тебе сказать, есть ли у него друзья. Когда он не работает, он любит просто посидеть, почитать газету, посмотреть телевизор. И я не браню его за это, нет. И хотя я хочу, чтобы он вернулся к Богу, в церковь, но это будет только его решение. Но я не хочу его терять. Ты не мог бы поговорить с ним, Кэмерон?.

— Я?

— А кто еще?

— Я младший брат, Шэрон. Помнишь? Может, он и гордится мной, но не хочет, чтобы я об этом знал. Сомневаюсь, что он уважает меня. К тому же я никогда на свидания три раза подряд не ходил, не говоря уж о браке. Как я могу ему советовать?

Он слышал ее дыхание и знал, что она понимает его правоту. Но выбора у нее не было. Отец Кэмерона явно не будет выступать против Джеффа.

— А как папа поживает?

— А, он все время подавлен. Он постепенно отходил от бизнеса, понимаешь, особенно последние месяцы жизни твоей матери. Но ему сейчас нужно хоть что-то делать, и мы с Джеффом оба убеждали его вернуться в дело. Не надо было нам этого делать. Мы думали, что он сможет помогать в мастерской, присматривать за механикой, что-то вроде этого.

— Не помогло?

— Нет. Джеффу пришлось временно перестать работать и самому гонять машины, поскольку, пока его не было, папа считал, что он должен подменять его. Все возвращалось к тому распорядку, когда он руководил бизнесом, и все расстроены.

— Извини.

— Но дело не в этом, Кэм. Я не могу потерять Джеффа. Как бы он ни был подавлен, я люблю его и хочу, чтобы он был рядом. Он нужен детям. Он хороший отец.

— Ты еще с кем-нибудь об этом разговаривала?

— Нет.

— Тогда ведь он узнает, откуда мне все это известно.

— Ничего страшного.

— Я поговорю с ним, Шэрон, но оптимизма я не испытываю.

Леон Фортунато был в восторге от поручения.

— Я надену лучший костюм, — сказал он.

— Нет, только по телефону, Леон, — сказал Николае. — Ты не должен рисковать, вас не должны увидеть вместе.

— Конечно.

— И быстро. Это очень важно.

Леон позвонил Лусиане Тишманяну, взрослой дочери Эмила, которая, как недавно заявили в разделе светской хроники, была помолвлена и собиралась выйти замуж вскоре после парламентских выборов.

Леон представился и спросил, известно ли ей о связях ее отца с Николае Карпати.

— Только то, что они борются за одно и то же место. Я знаю, что они говорили друг о друге, но папа уверяет меня, что это только политика и в этом нет ничего личного.

— Это очень приятно слышать, мадемуазель Тишманяну. Заверяю вас, что другая сторона испытывает то же самое. На самом деле господин Карпати очень уважает вашего отца и считает его другом.

— Другом? Я не знала, что они хорошо знакомы.

— С каждым днем они узнают друг друга все лучше, — ответил Леон. — Господин Карпати знаком с вашим отцом достаточно

близко, чтобы знать, что близится его день рождения.

— Да, через неделю, — ответила Лусиана. — Мы хотим собраться всей семьей.

— Замечательно. Я хотел бы спросить, не могу ли я обсудить кое-что с вами в полной конфиденциальности?

— Думаю, да.

— Господин Карпати твердо намерен вести борьбу на самом высоком моральном уровне и объявил мораторий на клевету.

— Отец будет очень рад это услышать, и я уверена, что ответит тем же.

— Господин Карпати хочет, чтобы они с вашим отцом оставались друзьями, каким бы ни был результат выборов.

— Полагаю, что это вас удивит, господин Фортунато, но предварительные результаты показывают, что мой отец вряд ли выиграет. Он все еще надеется, конечно, и намерен выступить с несколькими новыми инициативами. Но он реалист, прагматик. Он разочарован только тем, как мне кажется, что искренне считал, будто еще один срок в парламенте откроет ему путь в верхнюю палату и, в конце концов, к президентскому креслу.

— Это очень интересно, мадемуазель Тишманяну, поскольку единственное сомнение господина Карпати состоит в том, как бы его победа не повредила кампании вашего отца в борьбе за президентский пост.

На мгновение по обе стороны провода воцарилось молчание. Наконец, дочь Тишманяна сказала:

— Вы серьезно? Господин Карпати действительно считает, что мой отец подходит на пост президента?

— Вы удивитесь, насколько высоко господин Карпати ценит вашего отца.

— Я уже удивлена.

— Готовьтесь удивиться еще больше. Мы прекрасно осознаем, что то, что я намерен предложить, может быть воспринято как дешевый политический трюк, но заверяю вас, что это не так. Господин Карпати хотел бы устроить сюрприз — прием в честь дня рождения вашего отца, небольшое собрание у себя в доме только для вашей семьи и ближайших друзей и еще нескольких гостей со стороны. Господин Карпати очень просит держать все это в секрете, чтобы мы не могли из этого извлечь ни политической выгоды, ни популярности в СМИ. Он просто хочет сделать это в знак уважения достойному оппоненту.

— Я просто ошарашена, — сказала она. — Отец тоже будет потрясен.

— Дело в том, — продолжил Леон, — что нам придется очень постараться, чтобы удивить его, не так ли?

— Очень.

— Вот здесь на сцену выходите вы. Господин Карпати будет очень благодарен, если сможет встретиться с вами частным образом, чтобы обдумать планы на вечер и вместе с вами обсудить, как лучше всего заманить вашего отца сюда.

— Николае Карпати хочет встретиться со мной?

— Очень хочет. Все будет тогда, когда вам удобно, естественно, полностью конфиденциально, он готов забрать вас из вашей резиденции и потом привезти назад.

— Я живу в центре, в апартаментах, где будем жить мы с моим женихом после свадьбы.

— Это не проблема. Вы хотите помочь? Можете? Мы намерены устроить все поздним вечером на днях.

* * *

Когда Хэтти Дюрхем второй раз попросила Рэйфорда подбросить ее домой, он предложил ей постоянно подвозить ее.

— Вы уверены, капитан? Это не слишком большая просьба?

— Да ладно. Это недалеко, и я уверен, что ваша соседка по комнате будет рада отдохнуть.

— Да. Она уехала из города на пару дней, а моя машина снова сломалась.

Рэйфорд не мог сказать, говорит ли Хэтти ему все это, чтобы объяснить свое затруднение, или просто хочет дать ему понять, что она дома одна. Он не намеревался ей ничего предлагать, но не мог не признаться, что ему бы очень польстило, если бы она попросила его зайти. Он сказал себе, что откажется от предложения, но был разочарован, когда она ни о чем его не попросила.

Чтобы обезопаситься, он рассказал Ирэн о своем предложении Хэтти.

— Очень мило, — ответила она, — если только она не влюблена в тебя.

Рэйфорд хмыкнул.

— Ну да, ну да! Я ей почти в отцы гожусь. И кстати, если бы она и вправду в меня влюбилась, тебя это обеспокоило бы?

Ирэн рассмеялась.

— Конечно. Но это не удивило бы меня. Не могу же я быть единственной женщиной в Иллинойсе с хорошим вкусом.

Это задело Рэйфорда. Как он мог заставить ее пройти через такое, как он мог таким сделаться, каким же формальным стал их брак... а она по-прежнему говорит ему приятное. Хотелось бы ему быть достойным такого отношения.

* * *

Кэмерон говорил по телефону с Джеффом.

— Значит, она тебе сказала?

— Ага.

— И значит, именно тебя она просила отговаривать меня?

— Это показывает, в каком она отчаянии, Джефф. Помнишь, когда ты последний раз сбежал от нее, ты повел себя некрасиво.

— Я знаю. Я сбежал и дал ей повод не принимать меня обратно.

— Но она приняла. А почему?

— Я все понимаю, Кэм. Она была лучше меня. И наверное, до сих пор лучше.

— Тогда не дури. Что ты делаешь? Почему ты хочешь уехать?

— Да потому, что все сразу навалилось. Я ненавижу свою работу. Я ненавижу то, что делает отец. Тебя я не ненавижу, хотя должен бы.

— Так возненавидь.

— Нет, Кэм, но мне не нравится, когда ты тычешь меня носом в проблемы моего брака.

— Ты думаешь, мне это нравится? Она позвонила мне, Джефф.

— Да я все равно, наверное, не уехал бы. Я не знаю, как мне это объяснить детям.

— Легко. Просто скажи им, что их мать как человек лучше тебя, что ты идиот, который не понимает, насколько он сам хороший человек.

— Да все уже в порядке, Кэм. Я сказал уже, что, возможно, не уеду.

— Ладно, но ты можешь сделать любезность и сказать, если останешься? Я бы тогда вписал себе это в зачет в разговоре с твоей женой.

— А зачем? Она сказала тебе, что и тебя считает пропавшим?

— Ну, не так многословно, — ответил Кэмерон.

— Нет, — сказал Джефф, — но ведь мы все понимаем, да? Ты представляешь, как тяжело жить со святой?

— Не представляю. Особенно когда ты сам ни разу не святой.

* * *

Около тридцати человек собрались на сюрприз-вечеринку в честь Эмила Тишманияну, и Николае понял, что этот человек действительно ошеломлен. Поскольку он понимал, что в этом замешана его семья, ради них он носил на лице улыбку, словно приклеенную. Но в глазах его, когда он смотрел на Николае, читалось нечто совсем другое.

Когда им, наконец, выпала возможность на минуту остаться наедине, Тишманияну сказал:

— Мне нужно переброситься с вами парой слов, если это удобно.

— Даже в такой вечер? — сказал Николае.

— Если возможно.

— Хотите — прямо сейчас. Можем удалиться в мой кабинет.

— Мне надо замести следы, — заявил Эмил. Он вышел, что-то быстро сказал жене, затем своему начальнику штаба, затем человеку, который, похоже, занимался его охраной. Этот человек передал шефу конверт из плотной бумаги, и Эмил вернулся к Карпати.

— Все уладили? Тогда идемте со мной.

В своем кабинете Карпати сел за маленький столик напротив своего соперника.

— Надеюсь, это был приятный сюрприз, Эмил?

— Бросьте, Карпати. Я ни на грош вам не верю.

— Заверяю вас, пресса ничего не знает, и я не намерен их информировать. И для моих политических целей я этого использовать не стану.

— Тогда зачем? Вы явно устроили эту вечеринку с какой-то целью.

— Просто чтобы увидеть вас и выразить свое дружеское отношение.

— Меня от вас тошнит.

— Эмил, прошу вас. Я вам протягиваю оливковую ветвь.

— Ладно. Тогда позвольте мне протянуть вам вот это. — Тишманяну толкнул к нему конверт.

Николае жадно открыл его.

— Надо же, гляньте! — просиял он. — Похоже на мой дом. И мой кот! И мой водитель. Но кто эта девушка? Она кажется такой знакомой. Очаровательная, правда?

Тишманяну с каменным лицом смотрел на Карпати.

— Скажите, Эмил, вам не кажется, что она более чем привлекательна? — Он повернул фотографию так, чтобы Тишманяну мог ее видеть.

Но тот не стал смотреть.

— Меня не удивляет, что вы принимаете привлекательных женщин, Карпати. Однако избирателей это может сильно удивить.

Карпати изобразил непонимание:

— Избиратели? Не понимаю, Эмил. Вы о чем?

— Я хочу сказать, что, если вы не сойдете с дистанции в течение двадцати четырех часов, эти снимки попадут в прессу.

— Но, Эмил, вы же понимаете, что у меня есть такие же снимки. Вход в мой дом хорошо контролируется камерами двадцать четыре часа в сутки.

— И?..

— Возможно, мои снимки более четкие? Возможно, на них лучше видно, кто эта девушка. Она ведь и правда вам знакома, не так ли?

Он постучал по снимку, и Тишманяну, наконец, посмотрел на него. Карпати просто упивался тем, как на его лице постепенно проступало осознание ситуации. Он встал, весь бледный и трясущийся.

— Я убью тебя, Карпати! — воскликнул он.

Николае встал, повернулся и положил руку на две кнопки на стене. Одна из них беззвучно вызывала охрану. Другая включила запись.

— Один из нас действительно внезапно покинет гонку, — сказал Николае. — Интересно, кто это будет.

Эмил бросился на него как раз в тот момент, как охранники Николае ворвались в кабинет и оттащили Тишманяну.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Кэмерон совершенно не был уверен в своих чувствах к Дженет. Он раз пять встречался только с ней и осознал, что часто думает о ней. Влюблен ли он? Откуда ему знать-то? Может, просто увлечен. Она была забавной, веселой и, естественно, симпатичной. И что лучше всего, казалось, она искренне разделяет его планы, мысли и мечты.

Он только раз попал с ней в неловкое положение и списывал этот случай на наивность. Он надеялся, что и она так думает. Они пошли отмечать ее день рождения, и он подарил ей нефритовое ожерелье.

— Очень красивое, — сказала она. — Но, Кэмерон, я не могу его принять.

— Но почему?

— Понимаешь, оно слишком дорогое для наших отношений. Мы ведь только начали

узнавать друг друга. Честное слово, мне будет неловко его принять или носить.

— Ты серьезно?

— Извини, пожалуйста.

Он пожал плечами и взял его назад, но весь вечер чувствовал себя более чем неловко. На следующей неделе Дженет приняла его приглашение на вечер в пятницу, но сказала, что в субботу не получится, потому как у нее другая встреча. Кэмерон не понимал, почему это так его ошарашило. Он-то думал, что раз он встречается только с ней, то и он вправе ожидать от него того же.

Он поговорил с приятелями, и ему сказали, что пора шевелиться, сделать свои намерения яснее.

— Она только этого и ждет, Кэмерон, — сказал один из них. — Какого-нибудь знака, что ты желаешь связать себя обязательствами.

Он напомнил своему другу про ожерелье.

— Но с тех пор вы еще несколько раз встречались. Скажи ей, чего ты хочешь. И выясни, что она-то по этому поводу думает.

Это казалось достаточно честным. Значит, вечером в пятницу он спросит у нее, свободна ли она в воскресенье вечером. То, как она посмотрела на него, улыбнулась и ответила «да», дало ему ту уверенность, в которой он так нуждался. Свою речь он подготовил заранее.

— Я вот подумал — а не устроить ли нам пикник в уютном местечке?

— Звучит заманчиво, — сказала она.

Утром в воскресенье Кэмерон нервничал больше обычного. Хотя Дженет предложила приготовить еду на пикник, он настоял, что сам закупит все в магазине. Они с удовольствием прогулялись по лесу, затем разложили подстилку на поляне, сели и стали есть и разговаривать.

— Мне нравится быть с тобой, — сказала она.

— Мне тоже, — ответил он. — Вообще-то я думал предложить тебе поднять нашу дружбу на другой уровень.

Она улыбнулась.

— То есть?

— Сделать ее исключительной. Попытаться. Попробовать настоящие отношения. И посмотреть, что из этого выйдет.

— Хмм.

— «Хмм» да или «хмм» нет, Дженет?

Она по-прежнему улыбалась.

— Это просто «хмм», Кэмерон.

— И что это значит?

— Это значит, что я думаю, Кэмерон.

Он понял, что надо помолчать. Прошел добрый час до того, как они снова вернулись к этой теме. Они уже убрали подстилку, прибрались на поляне и шли к машине. Она взяла его за руку, но он почему-то понял, что в этом жесте нет никакого скрытого смысла. Скорее, в нем было сочувствие, которое она бросала ему, словно кость.

— Я думаю, что нет, Кэмерон. Извини.

— Правда? Но почему? Я что-то сделал не так? Или у тебя есть кто-то другой, кто нравится тебе больше?

— Вообще-то на оба вопроса ответ — «нет». Я люблю свою свободу. И мне хочется общаться не с одним парнем. Но пока ни один из тех, кого я знаю, с тобой в сравнение не идет.

— Очень приятно. Итак?..

Они сложили все в машину. Дженет прислонилась к ней и потянулась к руке Кэмерона.

— Когда-нибудь мне захочется стать чьей-то на всю жизнь, — сказала она.

— Но не моей?

— Это было бы здорово, Кэмерон, но вряд ли это случится.

— Откуда тебе знать? Потому я и предлагаю попробовать.

Она покачала головой.

— Слушай, я не думаю, что ты влюблен в меня по уши, но...

— И я был честен с тобой, Дженет. Я не могу сказать, что уже влюблен в тебя. Я просто хотел посмотреть, не полюбим ли мы друг друга в конце концов, если будем уделять друг другу больше времени и внимания.

— Я уже сказала — нет, Кэмерон.

— Значит, ты решила, что мы никогда друг друга не полюбим.

— Я могла бы. Но ты — нет.

— Ты решила за меня?

Она засмеялась.

— Я знаю тебя лучше, чем ты. — Он хотел было отойти, но она держала его за руки. — Послушай, Кэмерон. Ты замечательный, талантливый человек, еще не раскрывшийся до конца. И ты уже влюблен.

— То есть?

— Ты влюблен в свою карьеру.

— Да у меня ее еще и нет.

— Есть, есть. Ты близок к своей цели, как никто из тех, кого я знаю в Принстоне. Ты уже работаешь на «Глоб». Через несколько месяцев ты станешь там штатным сотрудником и пойдешь своим путем. Это, вероятно, только первая ступенька к большей и лучшей карьере. Ты, видимо, попадешь на телевидение, станешь международным корреспондентом, который будет вести свои репортажи из Тель-Авива, Бонна, Рима — ну, сам знаешь.

Кэмерон склонил голову.

— Переживу.

— Я не переживу.

— Нет?

— Нет, Кэмерон. Мне хотелось бы поднести к твоему лицу зеркало, когда ты говоришь о журналистике. Буду очень удивлена, если ты полюбишь кого-то сильнее, чем ее. Ты же просто дифирамбы ей поешь. Любой, кто свяжется с тобой, будет всю жизнь соперничать с этой любовницей.

— Все так плохо?

— Так плохо. Даже не буду пытаться тебя отговаривать. Мне очень хотелось бы, чтобы я сама была вот так влюблена во что-то — или в кого-то.

— А ты не думаешь, что я могу измениться, проанализировать себя, поработать над собой...

— В том-то и дело, Кэмерон. Хотелось бы мне этого. Но ты испытываешь чистейшую радость, когда идешь к своей цели, и я подложила бы тебе свинью, если бы просила тебя подстраиваться под меня. Но и ты сослужил бы мне медвежью услугу, если бы попытался сосредоточиться на мне, а не на своей истинной любви.

Кэмерон высвободил руки и сунул их в карманы.

— Эх, — сказал он. — Мне бы очень в жизни пригодился человек вроде тебя.

— Я понимаю. Но это буду не я. Надеюсь, ты меня понял, и я не сделала тебе больно.

— Думаю, я понял. Спасибо... думаю, да.

Она взяла его лицо в ладони и легонько поцеловала в губы.

— Что бы там ни было, спасибо, что спросил.

* * *

Ирэн была потрясена, как быстро растет Хлоя. Белокурая, зеленоглазая, она внезапно стала неуклюжей — сплошные локти и коленки. Она носила брэкеты и очки, которые скоро уступят место линзам, а потом настанет черед лазерной хирургии. Но так же внезапно она стала подолгу ви-

сеть на телефоне, болтая с подружками, и яростно отстаивать свое личное пространство. Она переставала говорить, как только Ирэн появлялась в области досягаемости. Она хмурилась, кривилась, шептала и отворачивалась.

Ирэн это расстраивало, конечно же, и она чувствовала себя выброшенной из жизни Хлои, как никогда. Но это и забавляло ее. Этот неуклюжий жеребеночек, угловатый и неловкий, был весь в нее. К тому же Хлоя внезапно осознала, что на свете существует мода. Но что бы она ни носила, она все равно казалась новорожденным зверенышем, который не знает, куда девать ноги. Впрочем, это не мешало парням засматриваться на нее.

Вот об этом Хлоя и болтала со своими подружками. Ирэн слышала достаточно, чтобы понять это.

Также странным образом изменилось отношение Хлои к церкви. Естественно, Ирэн насторожилась. Рэйфорд практически перестал туда ходить, за исключением редких воскресений, когда сезон гольфа кончался и когда ему не получалось устроить себе какой-нибудь рейс. Но Хлоя по воскресеньям вставала рано, перебирала платья, необычно долго торчала в ванной и выходила, готовая ехать.

Она одевалась по последней моде и надевала модную бижутерию. Ирэн с трудом сохраняло бесстрастное выражение лица, видя, как неуклюжая девочка пытается выглядеть круто.

Когда Хлоя вдруг перестала ныть и жаловаться, что ей приходится ходить в церковь и начала сама проситься в воскресную школу и общаться с молодежью, Ирэн поняла, что что-то творится. Это что-то, естественно, оказалось кем-то. И звали его Бобби.

Каждый раз, когда упоминалось его имя, Хлоя вспыхивала. А когда она стала садиться рядом с ним, Ирэн увидела поволоку в ее глазах. О, первая любовь. Или, по крайней мере, влюбленность. Забавно было за ними наблюдать. И нетрудно было увидеть, что они нашли друг в друге. Он был ниже Хлои и тоже носил брэкеты и очки.

Друг с другом они вели себя невероятно спокойно. Они не могли скрыть, что их пальцы встречаются под псалтырью и что они наступали друг другу на ноги во время молитвы. Ирэн хотела предупредить Хлою насчет мальчиков, но не похоже было, чтобы они назначали друг другу свидания. Они вряд ли разговаривали друг с другом.

Бобби казался достаточно безобидным мальчиком, и когда Ирэн узнала, что он из старой церковной семьи, она облегченно вздохнула. Что бы или кто бы ни привлекал ее дочь в церковь каждое воскресенье, она со всем была согласна.

* * *

Николае никогда не видел Райша Планшетта настолько откровенно потрясенным.

Его губы вытянулись в ниточку и побледнели, глаза бегали. Он настаивал на собрании совета директоров «Карпатиан Трейдинг», в который входили Николае, Леон, Вив и он сам.

— Мне угрожали, — сказал он. — Мы все в опасности.

— Кто угрожал? — ровно сказал Николае.

— Он не назвался, но было понятно, от чьего имени он говорит.

— Начните с самого начала, — сказал Николае.

— Ладно. Вы знаете, что я пью аперитив перед обедом.

— В «Докере». Да, знаю.

— Похоже, меня там засекли.

— Ну да, каждый второй в Бухаресте, — сказал Николае.

— Я был в баре, когда ко мне подошел какой-то человек и спросил, не сяду ли я с ним за столик. Я сказал — мы знакомы? Он ответил — нет, но я вас знаю. Я прошу у вас только минуту вашего времени. Нечего и говорить, что мне стало любопытно. Я взял свой аперитив и подсел к нему — он сидел в отдельном кабинете. Бандитом он не казался. На самом деле выглядел весьма прилично и говорил приятно.

— Ближе к делу, Райш, — сказал Николае.

— Простите. Он подался вперед и прошептал: «Вы с вашим боссом и еще два человека вашего ближнего круга, а также те, кого они любят, в опасности». Я, конечно, только смысл передаю, но...

— Я и не ожидал, что вы все запомните дословно, Райш.

— Спасибо, но смысл того, что он говорил, век не забуду. Я спросил — что за опасность? Он сказал — угроза самой жизни. Он сказал — самой жизни, прямо как у Шекспира. Почему? — спросил я. Он ответил — думаю, вы знаете. Вы должны гордиться мной, Николае. Я сказал — я не знаю, потому если у вас есть для меня что-то серьезное, то говорите яснее.

— Хорошо сказано, — ответил Николае, стараясь не рассмеяться.

— Ну, он заговорил яснее. Он сказал — если я не смогу заверить моего босса, что ему не придется выходить из гонки, один из ваших близких умрет. У вас двадцать четыре часа.

— Скажите мне, — сказал Николае, — что он оказался достаточно глуп, заявив, что встретится с вами на том же самом месте. Я бы пришиб его на месте, если бы он так сказал.

— Нет. У него для вас особые инструкции.

— Для меня?

— Вы должны кое-что сказать в своей речи, которая, если я не ошибаюсь, назначена на завтрашнее утро...

— Верно.

— ...о вашем почтенном оппоненте, и вы должны использовать конкретные слова. Вы признаете, что вы поддерживаете его кандидатуру на пост президента и с нетер-

пением ждете дня, когда сможете за него проголосовать. Затем вы даете понять, что подумываете — просто подумываете — о том, чтобы действительно выйти из гонки и что вы сообщите о вашем решении через день или два.

— Выйти из гонки, когда осталось всего несколько дней, — усмехнулся Николае.

— Просто думаете об этом.

— Да не сходите с ума, Райш. Если я заявлю публике и прессе о том, что я хотя бы задумываюсь об этом, это станет моим концом. Кто будет голосовать за такого слабака?

— Вот именно, — сказал Леон. — В любом случае мы не боимся Эмила Тишманяну и его громил.

— Бояться? — переспросил Николае. — На агрессию я отвечу агрессией.

— А я их боюсь, — сказала Вив. — И как-то не горю желанием оказаться в опасности.

— Тогда на некоторое время заляг на дно, Вив. И, Райш, после завтрашнего выступления я бы не заходил в «Докер».

— Что вы говорите?

— Если бы вы меня спросили, Райш, то я бы посоветовал вам не ходить туда в течение нескольких дней.

— Как я понимаю, вы не намерены удовлетворять их требования?

— В смысле, не позволю оппоненту писать мне речи? Нет, Райш, я не намерен удовлетворять их требования. На самом деле это они обязаны выполнить мои требования,

что я ясно дал понять Эмилу, когда он был здесь.

— Значит, вот до чего дошло? — сказал, внезапно устало обмякнув, Райш.

— Да! — ответил Леон. И вид у него был воодушевленный.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Рэйфорда никогда не вызывали на ковер к начальству для разноса, так что он был вполне уверен, что Эрл Холлидэй хочет видеть его по какому-то другому поводу. И когда он увидел улыбку Эрла, он выдохнул.

— Не знаю, играет ли тут роль твоя успешная посадка в лос-анджелесском аэропорту или твои рекомендации с курсов вневойсковой подготовки офицеров запаса, — сказал Эрл, — но с тобой хочет поговорить начальство ЦРУ и министерства обороны.

— Ты не думаешь, что это как-то связано с тем, что я в списке резерва для бортов номер один и два?

— Понятия не имею, но можешь не беспокоиться — они об этом знают. Вероятно, они знают обо всех билетах на проезд, которые ты покупал, и жевал ли ты резинку в школе.

— Дети до сих пор за это получают по шее, а, Эрл?

— Откуда я знаю? Ты на мой возраст посмотри. Короче, я поставил тебе замену на следующий рейс, так что ты летишь в аэропорт имени Рейгана, и тебе хватит времени, чтобы встретиться с этими ребятами. Они дали понять, что все будет в обстановке повышенной секретности, конфиденциально и все такое, но пообещай мне, Рэй, что запомнишь каждое слово.

— Как я забыл! Ты же любишь все эти игры в героев плаща и кинжала!

— А ты?

— А как же! Но кто знает, о чем там вообще будет речь?

— Уж точно не я, — ответил Эрл.

— Дай мне посмотреть первоначальный список экипажа.

Эрл вывел его на экран, и Рэйфорд просмотрел его. Придется позвонить Хэтти Дюрхем и сказать, что ей придется каким-то другим образом добираться до дому.

* * *

Утреннее выступление Николае было приурочено к митингу «Единый Мир» в Румынском университете в Бухаресте. По каким-то причинам тамошние студенты, особенно те, кто принадлежал к либеральным клубам, отвергли прежнего своего фа-

ворита, Эмила Тишманяну, и решили, что он теперь слишком уж официозен. Они явно понимали, что Николае Карпати точно такой же материалист и капиталист, как Тишманяну, но он был молод — не намного старше их, — а также обладал обаянием и энергией, которых не было ни у одного из политиков, каких они знали.

Кроме того, Карпати редко говорил о бизнесе и торговле. Он говорил о неимущих, угнетенных, лишенных гражданских прав. Он говорил о том, что Румыния должна быть открыта для остального мира, — это выступление очень подходило для митинга в поддержку глобализации.

Николае взошел на помост под бурные аплодисменты, предполагая, что студенты и профессора уже видели последние опросы, по результатам которых он опережал своего оппонента на десять пунктов. Он подозревал, какие у них мотивы. Пошло бы за ним столько народу, пришли бы они сюда, были бы столь воодушевлены, если бы считали, что они поставили на неудачника?

Николае ощутил подъем и поймал момент. Он сказал то, что студенческая аудитория желала услышать, затем развернулся во всю силу своего красноречия по поводу глобализации и необходимости сделать более прозрачными национальные границы. Его то и дело прерывали аплодисментами.

— Здесь мы с моим оппонентом расходимся, — сказал он. — Уважаю ли я моего оппонента? Нет.

Бешенные аплодисменты.

— Но я скажу, что Эмил Тишманяну, так уж случилось, мой близкий друг и, надеюсь, долго им будет, даже после того, как я разгромлю его. А я это сделаю — с вашей помощью! Для вас оказалось сюрпризом, что мы друзья? Поразит ли вас, если вы узнаете, что я недавно устроил в его честь ужин? Интересно, ответит ли он мне тем же в честь моей победы?

Но я поддраживаю моего друга потому, что мы расходимся в фундаментальных вопросах. Он искренний человек? О да. Любит ли он свою страну? Да! Но вот здесь-то собака и зарыта! Он закрыл бы страну, укрепил бы наши границы, не дал нам стать космополитами. Именно поэтому Эмил Тишманяну успешный бизнесмен. Он не любит делиться богатством.

Момент настал. Николае не произнес тех самых кодовых слов, которые от него потребовали, наоборот, он сказал совершенно противоположное. И он нарушил свое обещание не использовать ту вечеринку-сюрприз для достижения политического успеха. Но тут было не только это. Николае всадил в спину оппонента нож. Осталось только повернуть его.

— Я хочу объяснить моему более чем уважаемому оппоненту, почему его кампания идет так вяло и почему меня не удивит, если он решит оставить борьбу на завершающем этапе. Он как раз затронул эту тему недавно в разговоре со мной, и один из его представителей обсуждал эту проблему с одним из

моих служащих не далее как вчера. Не знаю, как вы, но я предпочел бы, чтобы у члена парламента было долгое будущее, чтобы это был человек, который твердо знает, чего хочет, не сомневается в своем будущем. Но такой человек — это я. Я не из тех, кто смотрит на цифры в опросах и видит практически безнадешный вариант.

Николае покинул помост под приветственные крики и овации, запустив камень аккуратно в огород Эмила Тишманяну.

* * *

— Выборы в классе в такое время года? — сказала Ирэн.

Хлоя кивнула, улыбаясь своими брэккетами.

— Это уже на следующий год, но выборы будут сейчас. Я баллотируюсь на президента седьмого класса.

— Правда? И какие, по-твоему, у тебя шансы?

Хлоя внезапно потупилась.

— Ты не думаешь, что я выиграю.

— Разве я это сказала? Конечно, ты можешь выиграть. Мне просто интересно, насколько ты уверена.

— Абсолютно уверена, мам! На самом деле, единственный, кто еще выдвигается, насколько я знаю, это футболист. Это такая мужская версия тупой блондинки.

- Полегче! Ты сама блондинка!
- Ну не буквально же, мам. Он шатен. Но он тупой, пробу ставить негде.
- Он популярен?
- Конечно. Но мы же не в популярности состязаемся.
- Не прикидывайся. Любые выборы — состязание в популярности.
- Мам! Ну почему ты все время всем удовольствие отравляешь?
- Нет-нет! Я просто хочу, чтобы ты смотрела на вещи прагматичнее, практичнее.
- Ты думаешь, что я не популярна.
- Я знаю, что ты просто обязана быть звездой.
- А почему тогда ты так говоришь? Ты же ничего обо мне не знаешь!

* * *

Николае развалился на широком заднем сиденье огромного черного внедорожника Леона. Когда водитель вырулил на шоссе, Леон улыбнулся.

— Тебе понравилась речь, Леон? — сказал Карпати.

— Не то слово. Тишманяну получил по полной за свою привычку действовать силой. Если у него были какие-то вопросы или сомнения, теперь их не осталось.

Николае запрокинул голову на спинку сиденья.

— Надеюсь, я дал ему повод сделать что-нибудь такое, чтобы у меня появилась возможность ответить.

— Почти не сомневаюсь, — ответил Леон.

После дня, полного визитов, пресс-конференций и встреч они, наконец, ехали домой. И тут зазвонил телефон Леона.

— Не так быстро, Вив. Что нам известно в точности?

— Дай мне трубку, Леон, — сказал Николае, выхватив ее у Фортунато. — В чем проблема, Вив?

— Ты хотел, чтобы Райш залег на дно, и после того, что я слышала сегодня утром в новостях, это был хороший совет.

— И?..

— Он отказался пить аперитив здесь, дома. Он пошел в бар.

— Не в «Докер» же.

— Нет. Он сказал что-то о «Biserica Strana».

— «Церковную скамью»? Он что, не знает, где это место?

— Где?

— Да по соседству с Тишманяну! Райш решил покончить жизнь самоубийством? Позвони ему и скажи, чтобы немедленно возвращался. Мне нужно повидаться с ним.

* * *

— Мне очень печально это слышать, капитан, — говорила Хэтти. — А я хотела вас

отблагодарить за доброту, пригласив вас на поздний ужин у себе домой.

Рэйфорд замялся. Он в любом случае не собирался соглашаться, так что мог ответить, не опасаясь за результаты.

— Увы мне. Может, в другой раз, но ужин вовсе не обязателен.

— Я понимаю.

— Подбросить вас домой — для меня удовольствие, — сказал Рэйфорд.

— Мне это тоже приятно.

* * *

Водитель Леона подъехал к дому Карпати как раз в тот момент, когда Николае получил повторный звонок от Вив.

— Я не могу дозвониться до Райша, — сказала она. — Николае, мне страшно.

— Не надо беспокоиться о том, чего мы никак не можем исправить. Ты сама меня этому учила, тетя Вив.

— Ну зачем Райшу каждый день нужно ходить в бар? Почему он просто не может выпить что-нибудь из твоего домашнего бара?

— Вот именно. Сообразительный человек, духовный — а здравого смысла ни на грош.

— Кто-то подъезжает.

— Это мы, Вив.

— Как же мне хочется, чтобы он приехал сразу после тебя. Он ведь скоро вернется. Правда?

— Будем надеяться, — сказал Николае, но в душе он желал худшего.

Он чрезвычайно серьезно желал повода нанести ответный удар. И если кто из его ближнего круга и мог стать расходным материалом, то это был Райш. Фортунато был незаменим. Вив была слаба, но она искренне заботилась о нем. А Райш всегда был лизоблюдом, таким и останется.

— Продолжай дозваниваться, Вив, — сказал Николае, как только они оказались внутри и он увидел, насколько она выбита из колеи. Это ее займет.

Но с каждой безуспешной попыткой дозвониться, она волновалась все больше и больше.

— Я позвоню прямо в бар, — сказала она.

— Поставьте на громкую связь, — попросил Леон. — Возможно, нам придется туда поехать.

Послушался гудок. Затем голос:

— Привет. Мы закрыты.

— Закрыты? Но...

— У нас тут инцидент. Убийство.

— Что случилось? Кого?..

Телефон щелкнул и отключился.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

У Рэйфорда было мало опыта — за исключением встречи с президентом «Пан-Континентал» — общения с высокопоставленными людьми, особенно в Вашингтоне. К гостеприимству, однако, быстро привыкаешь.

Представитель ЦРУ спросил, не хочет ли он, чтобы его доставили на военном самолете или коммерческим первым классом, или он предпочитает свой обычный бесплатный полет рейсом «Пан-Континентал».

— Вообще-то «Пан-Континентал» уже организовал для меня рейс, и я сам поведу самолет с несколькими сотнями гостей, но, полагаю, они вряд ли приглашены на нашу встречу.

Никакого смеха. Никакого ответа. Ладно, чувства юмора тут не наблюдается.

— Если говорить серьезно, то мне дали достаточно долгую остановку, чтобы я легко подстроился под ваш график.

— Значит, вы будете в униформе «Пан-Континентал»?

— Верно, хотя я могу захватить с собой смену одежды, если вы предпочитаете, чтобы я был в гражданском.

— Ваша униформа вполне подойдет, капитан. У нас тут есть и военный персонал, так что вы вполне впишетесь.

Рэйфорд придумал еще один забавный ответ, но решил не рисковать. Он также не был уверен, как его довольно скромная пан-континенталовская униформа будет смотреться на фоне военных высокого ранга, особенно увешанных наградами под стать своему званию.

— Двое мужчин, тридцати с небольшим лет, выглядят почти как близнецы. Оба с короткими темными волосами, будут ждать вас у трапа. Никаких опознавательных знаков, но у них есть ваше фото, и они вас узнают.

— Как полагаю, и пароля тоже не будет, — сказал Рэйфорд и поморщился, когда в ответ снова услышал молчание.

Наконец, он слышал вздох, затем настоящий смех.

— Если это вас так печалит, капитан, я могу попросить одного из них сказать вам, что у него есть йо-йо. Можете ответить «а у меня есть веревочка».

— Нет! — взвыл Рэйфорд. — Но я очень рад, что вы и прежде имели дело с такими тупицами, как я.

— Каждый день, — ответили ему. — И я уверен, вы понимаете, что люди, с которы-

ми вам предстоит встретиться, вряд ли могут позволить себе тратить время или внимание на легкомысленные шуточки.

— Вас понял. Благодарю, что были ко мне снисходительны. У меня все.

— Все в порядке, капитан. Мы с вами не встретимся, но я желаю вам всего лучшего и благодарю, что уделили нам время.

* * *

Николае был рад, что окна внедорожника Леона были сильно тонированы и никто не мог заглянуть внутрь. Водитель Леона на бешеной скорости довез их до бара «Церковная скамья», но за полтора квартала до него дорога была перекрыта полицейскими машинами и каретами скорой помощи. Николае спрятался поглубже, чтобы не попадаться на глаза, когда Леон опустил окно и спросил прохожего, что творится.

— Говорят, бандитская разборка, — сказал тот.

— Правда?

— Ага. Какой-то парень получил шесть пуль двадцать второго калибра в затылок. Быстро и сразу. Раз — и все. Конечно, выброшенное оружие до сих пор там валяется, и никто ничего не видел. Все этим и кончится.

— А кто убитый?

Зевака покачал головой.

— Говорят, что его сейчас унесут.

— Подними стекло, Леон, — прошептал Николае. — А потом выйди и посмотри, не опознаешь ли ты убитого.

* * *

Ирэн заинтриговал вызов Рэйфорда в Вашингтон.

— И ты понятия не имеешь, чего им от тебя надо?

Он покачал головой:

— Не могу представить, хотя полагаю, что Эрл взял верный след. Он думает, что это связано с угрозой терроризма и тем, как это влияет на полеты, пилотов, экипаж и все такое.

— Привези фотографии и запомни все, — сказала она.

— Ну, я не уверен, что в штаб-квартире ЦРУ такое возможно. Как бы то ни было, я же не хочу показаться туристом?

— А я была бы не против побывать там туристом.

— Ты хочешь поехать со мной, Ирэн? Я был бы рад.

Ирэн была тронута. Он говорил так, будто действительно этого хотел.

— Ты серьезно?

— Конечно, на встречу тебя не пустят. Но ты могла бы побывать на экскурсии в штаб-квартире. А если не выйдет, то в Вашингтоне есть много на что посмотреть. Оттуда до центра города не более десяти миль.

— Не соблазняй.

— Ты просто должна поехать.

— Но, Рэйфорд, сколько времени мы проведем вместе? Ты же ведешь самолет туда и обратно, а когда мы будем на месте, ты пойдешь на встречу, где мне быть нельзя. Я просто буду висеть у тебя на хвосте. Да к тому же я обещала прийти с встречей к Джеки.

— Какую такую встречу? Где?

— В церкви Новой Надежды, — тихо сказала Ирэн. Она не хотела раздражать его, но было поздно. Он забыл о том, что хотел взять ее с собой в Вашингтон, и набросился на нее с упреками.

— Ладно, что за встреча?

— Предварительное планирование ВБШ.

— ВБШ? Это что еще такое?

— Выездная Библейская школа. Это как ежедневная воскресная школа в течение недели летом. Для детей всех возрастов. Я хочу, чтобы Рэйми поехал.

— В Новой Надежде, конечно.

Она хотела сказать: «Очевидно. Наша церковь ничего подобно устраивать не станет». Но она быстро взяла себя в руки и просто кивнула.

Рэйфорд покачал головой и вздохнул:

— Ты же хотела, чтобы мы больше времени проводили вместе. Вот твой шанс. Но нет! Ты отправишься в свою Новую Надежду и будешь планировать летний Библейский лагерь.

— Выездную Библейскую школу.

— Да все равно!

— Рэйф, если бы хоть раз попробовал сходить в церковь Новой Надежды, ты бы с радостью снова туда пришел.

Она не хотела ссориться. Она хотела просто показать ему, насколько серьезна.

— Сомневаюсь, — ответил он.

— Я, наконец, поняла разницу между Новой Надеждой и нашей церковью.

— Так не угаи.

— Истина.

— Истина?

— Именно. Наша церковь ходит вокруг да около истины. Мы поем, читаем пару стихов, пастор Борер произносит короткую проповедь — и никогда не учит, — словно делится своими мыслями. Как нотацию. Слушать его — это все равно что читать духовные книги, полные частичной истины, но в основном вымышленных историй о потерянных котятках, которые нашли свой путь домой, сиротках, дающих уроки скрягам, старушках...

— Да, да, я понял, хватит.

Но Ирэн была в ударе, она чувствовала уверенность, она устала отступать, когда Рэйфорд изображал скуку. Ее новая решимость потерялась где-то по ходу разговора.

— Я могу сказать, что, по словам Джеки, церковь Новой Надежды говорит об истине. Настоящей истине. Суровой истине. Если Библия говорит истину, они раскапывают ее смысл и проясняют его. Знаешь, что в Библии говорится об истине?

— Нет. Но подозреваю, что ты хочешь мне это сказать.

— В Евангелии от Иоанна говорится: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Знаешь, кто это сказал?

— Нет. Дай догадаюсь. Поскольку ты сказала, что это в Евангелии от Иоанна, то — Иоанн, ага?

— Нет. Иисус.

— Ну вот, опять. Кстати, откуда ты знаешь этот стих?

— Я знаю много стихов.

— Ты просто помешалась на них, Ирэн.

— Нет. Я прозрела. В псалмах Давид говорит, что в сердце его есть тайное слово Господне и что он не согрешит. Вот этого и я хочу. Вот потому я и пытаюсь запомнить как можно больше стихов.

— Ой, да ладно. Флаг тебе в руки. Просто ко мне с этим не приставай.

Ирэн села на подлокотник кресла.

— Знаешь что, Рэйф? Я могу спорить, оставлять тему и снова возвращаться к ней, но, честно говоря, ты мне сделал больно. Ты сказал — не приставай ко мне с этим. И это ранило меня сильнее, чем, я уверена, ты намеревался.

У Рэйфорда был ошарашенный вид.

— Ну да, ты права, Ирэн. Я вовсе не хотел делать тебе больно. Я о себе думал. Я не хочу в это входить, вот и все. Если это тебя задевает, то извини.

— Знаешь, что меня задевает? То, что ты так хорошо себя знаешь и все равно ничего не хочешь с этим делать.

— Я так хорошо себя знаю?

— Ты сам это сказал. Ты не думал обо мне. Ты думал о себе.

Когда Рэйфорд без единого слова вышел из комнаты, Ирэн медленно закрыла глаза. Она решила — если он так никогда и не увидит истину, это будет ее вина. Ее и ее длинного языка.

* * *

Когда дверь внедорожника снова была заперта и Леон начал проталкиваться по забитой толпой улице, Николае выпрямился и посмотрел в сторону бара.

— Конечно, — сказал он водителю, — медики везут каталку. Только посмотрите на людей, которые проталкиваются, чтобы попляться на происходящее.

— Да, — ответил водитель. — Примерно как мы.

Леон вернулся и сел в машину, где некоторое время пыхтел, отдуваясь после трудов.

— Ну что, — сказал он, — хотя его голова и лицо закрыты, но это точно Райш Планшетт.

— Надо же, — сказал Николае, давая водителю знак опустить звуконепроницаемую перегородку между задним и передним сиденьями.

— Мне так жаль, — произнес Леон, когда водитель тронулся с места.

— Не надо сожалений, — сказал Николае. — Именно такой повод мне и был нужен.

— Но он был твоим другом, — напомнил Леон.

— Едва ли. Послушай, Леон. Ты способен выполнять ту же работу, что и Райш, и куда лучше, чем он. Он просто служил мне, как мог.

Леон с изумлением посмотрел на него:

— А ты хладнокровный человек, Николае Карпати. Думаю, ты намного безжалостнее и бессердечнее, чем я.

Николае усмехнулся, и Леон пожал ему руку.

* * *

Как и было сказано, Рэйфорд увидел оперативников ЦРУ, ожидавших его у трапа в Международном аэропорту имени Рейгана. Вид у них был суровый, но ребятами они оказались дружелюбными и услужливыми. Они спросили, не хочет ли он осмотреть достопримечательности или что-нибудь сделать перед тем, как поехать в штаб-квартиру.

— Я бы лучше поехал прямо на встречу, если вы не против.

— Нас просили провести для вас экскурсию по штаб-квартире. Когда мы закончим, все как раз соберутся. Они намерены провести эту встречу в аудитории.

— Серьезно? И сколько там будет народу?

— Больше шестисот пятидесяти не наберется, — ответил со смехом один. — Да нет, не больше десяти человек будет. Думаю, они просто хотят быть уверенны, что встреча пройдет под радаром.

— Значит, они опасаются этого даже в ЦРУ?

— Вы даже не представляете насколько.

* * *

— Николае, ты же не серьезно, — сказал Леон. Они сидели дома. В кабинете Николае. — Ты же не будешь мстить за пехотинца смертью генерала?

— А ты — нет?

— Нет.

— Ты, может, и нет, но я — да. Я никогда не буду действовать традиционно, Леон. Теперь — у тебя есть доступ к нужному мне персоналу или нет?

— Конечно, есть. Я просто прошу тебя хорошенько подумать об этом. Ты не сказал мисс Айвинз, что ее старый друг и наставник мертв, а теперь хочешь убрать заметную политическую фигуру?

— Разве важно, в каком порядке будут следовать эти события. Если ты считаешь, что для тети Вив так важно узнать, что случилось, приведи ее сюда.

Машина въехала в комплекс ЦРУ, и оперативники начали экскурсию прямоком из машины. Они рассказали Рэйфорду о примерно двухстах шестидесяти акрах и полу-миллионе квадратных футов под застройкой. Его провели от первоначального сборно-блочного бетонного здания к более новым пристройкам из стекла и стали, которым уже исполнилось несколько десятков лет, и показали ему шестиэтажные башни-близнецы и четырехэтажное главное здание.

Рэйфорда более всего поразило, что весь комплекс был больше всего похож на университетский кампус. И интересно было увидеть своими глазами массивную печать ЦРУ в полу главного вестибюля.

Однако больше всего его поразило нечто, заставившее его остановиться и замереть. Он понимал, что двое сопровождающих переглядываются, но не мог оторвать взгляда от надписи, вырезанной в стене. Если у него когда и возникало неотвязное чувство того, что кто-то пытается что-то ему сказать, то сейчас.

Надпись гласила:

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Евангелие от Иоанна, VIII: XXXII

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Вив трясло, когда она упала в кресло.

— С Райшем что-то случилось, — сказала она. — Я знаю. Когда ты вернулся и пошел прямо сюда, что я еще могла подумать?

— Ты подумала верно, тетя Вив, — сказал Николае. — Он убит.

— О нет! Нет, нет, нет!

— Не волнуйся, Вив. Мы отомстим, и по высшему разряду.

— Нет, нет, нет!

— Ты не слушаешь меня, тетя. Мы заставим Тишманыну горько пожалеть об этом и выиграем выборы.

Вив с перекошенным лицом уставилась на него, слезы текли у нее по щекам.

— У тебя совсем сердца нет? Верни мне моего дорогого друга, моего учителя!

Николае глянул на Леона, потом снова на Вив.

— Ты маленькая девочка? — произнес он. — Вернуть твоего дорогого друга? Где ты слышала, чтобы люди восставали из мертвых? Райш Планшетт не вернется. Чем скорее ты с этим смиришься, тем лучше. Теперь же мы должны извлечь из этого выгоду, и самая большая выгода в том, что это развязывает нам руки.

— Ты только об этом и думаешь, Николае? О том, что тебе выгоднее всего?

Николае был растерян. А о чем еще думать?

— Что выгодно мне, то выгодно Румынии. И Европе. И миру.

— Твое эго не знает границ! — рыдала она.

— Осторожнее, тетя Вив. Помни, с кем говоришь.

Она сидела, качая головой.

— Скажи что-нибудь, Леон, — сказал Николае. — Я не умею утешать чокнутых баб.

— Я не чокнутая! Я в горе! Ты что, не видишь?

Леон встал и подошел к ней, встал на колени и положил ей руку на плечо.

— Мне очень, очень жаль, мисс Айвинз. Райш Планшетт был настоящим другом и верным сотрудником, и я знаю, как много вы значили друг для друга. Мои слова не могут ничего исправить, просто знайте, что я вам сочувствую и соболезную.

Николае был потрясен переменой, произошедшей с Вив. Она вытерла слезы и начала кивать. Затем прошептала:

— Большое вам спасибо, господин Фортунато, за ваши добрые слова. Я хочу уча-

ствовать в подготовке панихиды по господину Планшетту, пригласить его друзей и родственников, конечно же.

— Конечно. — Леон повернулся к Николае. — Мне кажется, что мисс Айвинз лучше других справится с этой задачей, господин Карпати. Вы согласны?

— М-м-м? — сказал Николае, оторвавшись от заметок, которые он наспех набрасывал. — Минутку... «просто знайте, что я вам сочувствую и соболезную». Хорошо сказано, Леон. Очень хорошо. Итак, что?

— Я советую вам поручить мисс Айвинз заняться организацией панихиды по господину Планшетту.

— О да, конечно. И, Вив, чтобы показать тебе мое сочувствие — как я понимаю, тебе станет гораздо лучше, если Эмил Тишманяну упокоится с миром.

Вив встала, посмотрела упор на Николае, затем покинула комнату.

Николае пожал плечами:

— Бывают на свете такие люди, Леон, которым ничем не угодишь.

* * *

Оперативники ЦРУ показали Рэйфорду несколько скульптур и других произведений искусства, находившихся в главном здании и на паре этажей. Наконец, его провели в аудиторию с потолком в виде купола, связанную туннелем с основным зданием.

— А для чего эти большие алебастровые кольца? — спросил Рэйфорд, показывая вверх и по сторонам купола.

— Отчасти для красоты, отчасти для звука, — сказал один, и Рэйфорда поразила акустика. — Но вы сюда посмотрите.

Оперативник нажал на кнопку, и из пола поднялся проекционный экран.

— Мы его поднимем, — сказал он, — поскольку координатор встречи намерен его использовать.

Открылась боковая дверь, и вошли трое в гражданском и еще трое в военной форме. Координатор встречи представился как Джек Грэм, быстро представил остальных, и Рэйфорд внезапно потерялся в море имен и званий. Из ЦРУ был только Грэм. Двое — из министерства обороны, трое в форме — из различных родов войск под командованием начальника объединенных штабов.

Все официально приветствовали Рэйфорда, называя его по имени, пожимая ему руку и благодаря за визит. Грэм провел всех к первым двум рядам сидений и повернулся к ним лицом, встав на колени на повернутый к ним спинкой стул. Рэйфорд осознал, что его двое сопровождающих куда-то делись.

— У нас есть проблема, — начал Грэм, — и, капитан Стил, мы надеемся, что вы поможете немного пролить на нее свет. Мы понимаем, что ваш военный опыт ограничен и что вы не являетесь специалистом по вооружениям и терроризму.

— Верно, — сказал Рэйфорд.

— Вы здесь представляете гражданскую авиацию всей страны. Мы вызвали вас не как технического эксперта, а, скорее, как человека, который может оценить инстинктивную реакцию ваших коллег на нашу дилемму. На поверхность вылезла старая проблема, и если мы не займемся ею, нам всем грозит опасность.

* * *

— Могу я дать тебе совет, Николае? — сказал Леон.

— А разве это не твоя работа?

— Да, но я не хочу тебя критиковать и уж точно не желаю обидеть. Я просто хочу сделать из тебя, насколько возможно, лучшего лидера. Я впряг твою звезду в мою повозку¹.

— Ты... что?

— Не я, Эмерсон.

— Кто? Поэт?

— Не бери в голову. Я хочу служить тебе долго и успешно, Николае. Твои старания в области самоуничтожения продвигаются успешно, и я вижу, как ты привлекаешь людей своим новым подходом.

— Это непросто, Леон. Как ты знаешь...

— Да, тебе незачем скромничать. Но тебе просто нечеловечески недостает сочувствия и сострадания.

¹ Ралф Уолдо Эмерсон (1803—1882), американский философ, писатель, поэт.

— Может, я и не человек. Ты никогда не рассматривал такую возможность?

— Рассматривал. Но правда в том, что ты появился в результате соединения сперматозоида и яйцеклетки, и рожден от женщины, оплодотворенной мужчиной.

— Двумя.

— Хорошо. В самом лучшем случае ты первый, но не последний из поколения гибридов. Но в этом отношении ты стопроцентный человек.

— И что?

— А то, что ты должен вести себя как человек. Сказать своей тете, что один из ее самых дорогих друзей погиб ужасной смертью, как она и боялась, а затем удивиться ее горю? Это ненормальное поведение для человека. Неужели ты никаких чувств к ней не испытываешь?

— Нет.

— По крайней мере честно.

— Или прямо. Ты сам спросил.

— Да. И теперь я хочу сказать, что ты должен хотя бы изображать сочувствие, показывать, что способен поставить себя на чужое место.

— Ты же видел, что я делал заметки, верно?

— Да. И о чем, Николае?

— Я не совсем тупой, Леон. Я заметил, чего ты достиг своей небольшой игрой, и я хочу сказать, что намерен использовать это в следующий раз.

— Это была не игра.

— Нет? Тебе действительно не безразлична эта женщина, которую ты едва знаешь?

Женщина, которая, как только тебя не будет рядом, станет самой приближенной ко мне?

— Да, и я могу даже соперничать ей по этому поводу. Поначалу я завидовал Райшу и злился на него. Затем я понял, что ты совершенно не в восторге от него и его работы, и успокоился.

— И ты не ощущаешь такого же в отношении тети Вив?

— Завидовать ей? Опасаться? Нет. Она просто женщина. А для тебя женщины явно не на первом месте — редкая тенденция в наши дни и в твоём возрасте, и я этим восхищаюсь. Но она обладает уникальной силой и одаренностью, и я рад, что мне в этом направлении не приходится ее подменять.

— Тебе же нравится быть моим главным консультантом.

— Именно так.

— Видишь? — рассмеялся Николае. — Как я уже сказал, я не совсем бесчувственный человек. Теперь давай покончим с этим маленьким жизненным уроком? Давай займемся планом устранения моего оппонента.

* * *

— Вы здесь, капитан Стил, поскольку некоторые из нас весьма впечатлены тем, как вы выполняете свою работу даже под давлением обстоятельств, в критической ситуации. Поправьте меня, если я не прав, но нам

кажется, что вы умеете сохранять конфиденциальность.

— Мне тоже хотелось бы так считать.

— Наша проблема в том, что на черном рынке снова появились переносные зенитно-ракетные комплексы.

— Способные сбить гражданский самолет, — сказал Рэйфорд, — особенно при взлете или посадке.

— Именно так. Ваш ответ предполагает, что вы думали об этом.

— Да, пилоты между собой обсуждают такую проблему. Мы все на нервах. Даже когда на борту вдруг оказывается маршал авиации и вводится режим повышенной безопасности — двойные двери, сложные системы запора, новые секретные процедуры, — мы все понимаем, что гарантий безопасности больше нет.

Один из военных сказал:

— Вы хотите сказать, что ракета «земля—воздух» сейчас стоит первым пунктом в списке опасений пилота?

Рэйфорд склонил голову.

— Ну, с одной стороны, насколько мы знаем, не было случаев подобной атаки в нашем воздушном пространстве. Или вам известно то, чего не знаю я.

— Мы рассматриваем несколько эпизодов, но у нас нет твердых свидетельств, так что нет смысла сеять панику среди людей.

— Или пилотов, — сказал Рэйфорд.

— Вот именно. Проблема в том, капитан, что больше типов такого оружия сейчас появи-

лось в центрах черного рынка по всему миру. Несколько штук проданы тайным покупателям, некоторое количество было конфисковано во время рейдов или операций. Но нас беспокоит их дальнейшее распространение. Мы получаем сведения о большом количестве оружия, что делает полное сдерживание нереальным и атаку или атаки неизбежными.

Рэйфорд покачал головой:

— Не ожидал, что услышу сегодня такое. Смею сказать, что по дороге домой я совершенно по-другому буду чувствовать себя в кабине пилота. Если вы хотите узнать, повлияет ли это на пилотов, то отвечу — да. Но мне кажется, что вы меня вызвали не ради того, чтобы подтвердить очевидное.

— Нет, — ответил Грэм. — В действительности мы бы хотели обсудить с вами несколько наших новых стратегических инициатив, способы, которыми мы можем противодействовать такому оружию. Посмотреть, что вы думаете по поводу стоимости и сложности таких мер и дать нам лучшее понимание о реакции на них ваших коллег.

— Да, — сказал второй военный. — Мы предпочитаем поделиться проблемой с рядовыми пилотами и в то же время рассказать о нашем решении. Урегулирование проблемы стоит недешево. Но пилоту это не будет стоить ни цента.

— Разве что плата за проезд взлетит, чтобы эти расходы покрыть — а я полагаю, что это миллиарды, — так что я и мои коллеги вряд ли могут ожидать прибавки к жалованью в течение некоторого времени.

Они закивали в ответ.

— Не говоря уже о том, — продолжал Рэйфорд, — что если ваше предполагаемое средство связано с каким-то вооружением гражданского самолета, то мы перестанем быть гражданскими, верно? Мы снова станем военными пилотами. Истребителями, просто тяжелыми, ленивыми и медленными.

— Вы прямо наши мысли читаете, капитан. Но мы действительно не видим альтернативы. Вы знаете, что Израиль уже давно оснащает некоторые гражданские самолеты системой оповещения о запуске ракет. И в этой технологии сейчас лидирует Иордания.

Рэйфорд кивнул.

— И разве эти пилоты не имеют возможности выпускать сигнальные ракеты и другие воспламеняющиеся средства, чтобы сбить с курса ракету с тепловым наведением?

Военные переглянулись, и Рэйфорд подумал, что заслужил уважение с их стороны своими знаниями проблемы.

— Самая большая проблема, — сказал один из них, — в том, что нам придется вооружать более чем восемь тысяч самолетов этой страны. Это будет нам стоить примерно пятнадцать миллиардов долларов плюс два миллиарда в год, чтобы поддерживать в рабочем состоянии систему, которой мы оснастили В-52...

Рэйфорд поджал губы.

— И вы еще спрашиваете, что мои братья и сестры-пилоты скажут об этике и безопасности этих мер?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Джек Грэм достал из кармана какое-то устройство и направил его на огромный экран у себя за спиной. Появилось изображение молодого уроженца Ближнего Востока в военных ботинках, шортах-хаки, свободной военной рубашке и тюрбане.

Смутный, черноглазый, с черными волосами, торчащими из-под тюрбана. Казалось, ему не так давно исполнилось двадцать. Красноречивые глаза, подумалось Рэйфорду. Глаза образованного, умного, знающего человека.

— Абдулла Абданех, — сказал Джек Грэм. — Иорданский пилот-истребитель, друг Соединенных Штатов. Враг террористов. Недавно женился — года три как. Отец двоих детей — мальчика-грудничка и девочки. Мусульманин.

— Абданех учился в университете Мута в Караке, военное отделение. Он эксперт по

боеприпасам и оружию. Невероятно умен. Когда я говорил, что он друг США, я еще слабо сказал. Он изучает Америку и так ей очарован и предан ей, что настаивает на разговоре исключительно на английском языке. Его друзья стали называть его Смит или Смитти потому, что говорят, что он больше американец, чем иорданец, — несмотря на его сильный акцент. Он любит свое прозвище и теперь только этим именем и пользуется.

Капитан Стил, нам хотелось бы, чтобы вы с ним встретились. Мы ценим связи между странами, разделяющими наш взгляд на угрозу терроризма и готовыми сотрудничать. У нас хватает дипломатических контактов на высшем уровне — правительственном и военном. Нам же хотелось бы неформальных связей, основанных на общем интересе... скажем, авиации. Вы не хотели бы?

Рэйфорд не знал, что и думать. Хотел бы чего? Встретиться с иорданским пилотом? Конечно. Почему бы и нет? Но где? Когда? И зачем? Он задал все эти вопросы.

— Мы переправим вас в Иорданию. Вы проведете там пару дней, чтобы ознакомиться с ситуацией. Поделитесь идеями, стратегией и по возвращении отчитаетесь.

— Напомните еще раз, — попросил Рэйфорд, — почему я?

Грэм сел лицом к Рэйфорду на фоне висящего перед ними фото худенького иорданца.

— Абданех — или, мне следует сказать, Смит, — согласно отзываю его начальства,

много какими идеями может поделиться. Он знает много, умеет видеть суть вещей и является их лучшим пилотом во всех отношениях. Проблема в том, что он очень тихий человек и болезненно робок. С ним надо говорить один на один, когда он знает, что может доверять человеку. Вот тогда информация из него бьет ключом.

Его ставили в неловкую ситуацию, устраивая встречи с высокопоставленными чиновниками, дипломатами и прочими. Он сразу уходит в себя. Мы не хотим, чтобы вы что-то изображали или играли. Мы просто хотим, чтобы вы попробовали подружиться с ним. И поскольку это займет некоторое время, вы должны понимать, что терроризм действует не по часам и не по расписанию. Если у этого парня действительно есть то, что, как он думает, сможет нам пригодиться, то мы должны немедленно начать разработку этой золотой жилы. Вы готовы нам помочь? И если готовы, когда вы можете отправиться в Иорданию?

* * *

За два дня до парламентских выборов в Румынии Эмил Тишманяну, его жена, водитель и телохранитель погибли при взрыве автомобиля.

Николае был у себя в кабинете и смотрел репортаж с места события на настенной

плазменной панели. Он потрясал кулаками и кричал:

— Да! Да!

Его трясло от восторга.

Начали звонить телефоны, он бросился в душ, затем быстро переоделся в свой самый спокойный, самый дорогой костюм. Через полтора часа подъезд у дома был забит машинами прессы. Он проинструктировал Фортунато сказать им, что через десять минут он сделает заявление, но ни на какие вопросы отвечать не будет.

Ровно через десять минут он вышел один и поднялся на временное возвышение, утыканное десятком микрофонов. Он глянул в море камер. Скорбным тоном, со скорбным лицом, прерывающимся от горя голосом, он заговорил, подавшись к микрофонам:

— Я хочу обратиться к народу Румынии и особенно к жителям Бухареста. Сегодня наш народ понес тяжелую потерю, а я потерял дорогого друга. Естественно, я призываю наше правительство и все соответствующие органы провести тщательное расследование, чтобы трус, совершивший это гнусное преступление, предстал перед судом. Это была очень трудная кампания, поскольку мы с Эмилом, — тут Карпати замолк и прикусил губу, словно борясь со слезами, — расходились во взглядах по самым банальным политическим вопросам, но были как братья. Многие не знают, но мы дали слово поддерживать друг друга, невзирая на то, кто победит, и мы бы вместе трудились на благо

общества — победитель в парламенте, проигравший — не публично. Когда недавние опросы показали, что фаворитом являюсь я, я искренне пообещал моему высокочтимому оппоненту, — здесь это слово заменяло «коварный», — что окажу ему поддержку, если он решится выдвигаться на пост президента. А теперь, поскольку у меня самого нет официальных прав осуществить это, я призываю правительство Румынии отложить выборы, чтобы дать время другому человеку, разделяющему взгляды Эмила, начать свою кампанию. Если это невозможно, я отзываю свою кандидатуру и прошу людей предложить собственного кандидата. Я обещаю повиноваться воле народа.

Я убедительно прошу вас не задавать мне вопросов в такой час и прошу у прессы и общества возможности мне побыть наедине хотя бы краткое время, чтобы оплакать потерю. Благодарю вас.

* * *

Ирэн была в гневе. Она решила не показывать его, но не получилось. Ей хотелось кричать, бросать вещи на пол, требовать, чтобы Рэйфорд передумал.

— Ты впервые за два года оставляешь нас настолько надолго, а ты ведь обещал отвезти нас в Диснейленд!

— Я понимаю, Ирэн. Но когда страна просит тебя сделать что-то, тебе не кажется, что твой долг — согласиться?

— Твой долг быть с детьми. Ты нам нужен, Рэйф. Неужели ты не видишь, что семья отдаляется от тебя, как ты от меня? Ты мне тоже нужен. Наверняка найдутся люди, способные выполнить эту задачу.

— Возможно, но выбрали меня, и для меня это большая честь.

— Честь для тебя, Рэйфорд, но если бы тебя действительно считали незаменимым, пусть поговорят с «Пан-Континентал», чтобы тебе дали на это время. Ты не должен использовать на это свой отпуск.

— Я сказал им, что поеду, и сказал когда.

* * *

Леон ждал Николае у него в кабинете. Карпати по-прежнему носил на лице маску горя, пока дверь за ним не захлопнулась. Затем оба обнялись, похлопали друг друга по плечам и тихо рассмеялись.

— Готово! — воскликнул Леон, пожимая ему руку. — Это было гениально!

— Они проглотили наживку?

— Проглотили? Да я сам чуть себе не поверил! — Они снова рассмеялись. — Посмотрим-ка новости, — добавил Леон.

По каждому каналу комментаторы с серьезным видом говорили о трагедии и острой реакции со стороны фаворита выборной гонки. Закаленные бойцы новостей разглагольствовали о том, что выборы не должны быть отложены, что Карпати не должен снимать свою кандидатуру, что стране он нужен как никогда прежде.

— Немедленно сделай пресс-релиз, Леон, — сказал Карпати. — Еще раз подтверди, что я непоколебим в своем решении выйти из борьбы. Я не увиливаю, я просто оплакиваю потерю и готов повиноваться воле народа.

Николае сел на пол, переключая каналы, упиваясь восхвалениями в свой адрес, пока Леон сидел за столом Николае, составляя и передавая релиз для прессы. Николае удивился, когда Леон закончил и сел рядом с ним на пол, не зная, как поудобнее пристроить свое грузное тело, обтянутое костюмом.

Они смотрели, пока их не прервал настойчивый стук.

— Николае? — окликнула из-за двери Вив. — Мне надо поговорить с тобой.

Николае кивнул Леону, который с трудом поднялся на ноги и открыл дверь.

Вив посмотрела мимо него на Николае.

— Лусиана Тишманяну едет сюда. Она хочет поговорить с тобой.

— Отлично, — сказал Николае. — Леон, это будет настоящее испытание! Уверься, что она одна, и проводи ее через металлоде-

тектор в колоннах в южном портике. Если она приехала с женихом, пусть он ее подождет. Скажи ему, что я не желаю видеть никого другого, особенно незнакомых мне людей. Ох, Леон, если я сумею ее убедить...

* * *

— Ну, что, ребята, ждете каникул? — сказал Рэйфорд за ужином.

— Еще бы, — ответила Хлоя. — Я не была в Диснейленде с тех пор, как мне было столько же, сколько Рэйми.

— Дисней! — заверещал Рэйми. — Микки!

Когда Рэйфорд ошарашил их известием, что они не едут, Рэйми явно его не понял. Ирэн тут же предложила альтернативу, сказала, что отвезет их Киддиленд-парк, где он любил кататься на поезде и каруселях. Скоро он уже этим упивался, в то время как Рэйфорд изучал реакцию Хлои.

Она пожала плечами.

— Я хотела поехать, но ты все ясно сказал. Правительство этого от тебя хочет?

Он кивнул.

— Беда в том, что это секретно. Так что никто не должен об этом знать.

— Значит, я не могу рассказать подружкам? И что я должна им говорить о том, почему мы не едем в Диснейленд?

— Вали все на меня, — сказал Рэйфорд. — Только не вдавайся в подробности. Просто изменился мой график, меня заставили выйти на работу, и ничего тут поделать нельзя.

* * *

Николае Карпати в том же самом скромном костюме, что он носил перед камерами, сидел у себя за столом в кабинете, закрыв лицо руками. Пиджак он бросил на спинку кресла, ослабил узел галстука, верхняя пуговица рубашки была расстегнута.

Когда в кабинетпустили Лусиану Тишманяну, он быстро встал, смахнул с лица слезы и вытер руки о брюки. Неверным шагом пошел навстречу молодой женщине.

— О, мадемуазель Тишманяну! Я так скорблю о вашей потере! Примите мои глубочайшие...

Лусиана оттолкнула его руки и выпрямилась.

— Кончайте этот спектакль, — заявила она.

— О, сударыня! — сказал Николае, и слезы снова покатились по его щекам. — Это не спектакль. Никакой игры. Я действительно раздавлен и могу только представлять, насколько тяжело вам. Такой великий человек и, полагаю, замечательный отец.

— Мои родители не были идеальны, господин Карпати. Но это были мои родители, и мы любили друг друга.

— Прошу вас, садитесь. Пожалуйста.

— Меня ждет жених. Я не отниму у вас много времени.

— Сколько угодно, дорогая. У меня нет дела, важнее вас.

Она села.

— Скажите, что это неправда. Скажите, что вы не использовали меня, не фотографировали меня, чтобы таким образом достать моего отца.

— Что? — Николае изобразил растерянность, как только мог.

— Люди моего отца сказали мне, что вы заманили меня сюда под предлогом подготовки вечеринки в честь моего отца только для того, чтобы потом показать ему снимки как подтверждение того, что я посещала вас поздно вечером. Смысл просто ужасен и...

— Никогда! Ни за что, никогда, ни в коем случае! Весь ужас в том, мадемуазель Тишманяну — и если бы вы не выдвинули этого ужасного обвинения, я никогда бы вам ничего и не сказал, — но ведь это ваш отец показал мне фотографии. Их сделали его люди. Они пытались облить меня грязью, заявив, что я вожу к себе подружек каждую ночь. Конечно, ничего не может быть дальше от истины, чем это обвинение, но в ту ночь, когда они решили зафиксировать этот факт, они не поняли, что у меня была вполне законная гостья и что это были вы.

— Я вам не верю.

— Лусиана, послушайте. Зачем мне вас фотографировать? У меня перед входом

двадцать четыре часа в сутки работают камеры. Кроме того, когда ваш отец узнал вас на фотографии, он уже знал, зачем вы тут были. Кто бы ни вселил в вашу душу эти подозрения — он вам не друг. Почему они не могли оставить вас предаваться горю в покое? Зачем они подстрекают вас бездоказательно обвинять меня? Если бы я это сделал, если я стою за всеми этими трагическими событиями, то зачем мне уходить из борьбы? Что мне-то в этом? Я очень страдаю — сначала я потерял друга, вашего отца, а теперь еще кто-то заставил вас сделать такое...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Стаж Рэйфорда уже был близок к тому, что позволял водить международные рейсы для «Пан-Континентал», потому ему было приятно лететь в Иорданию на борту сверхзвукового самолета ВВС США. Пролетая над Атлантикой среди ночи, он представлял, как ведет «Боинг-747» с континента на континент.

Очень кстати, что Абдулла Смитти Абда-нех был на задании, когда Рэйфорд прилетел, так что он смог отоспаться после смены часовых поясов в прекрасном отеле «Четыре Сезона» (спасибо правительству США) и познакомиться с Амманом на пешей прогулке. Он посетил римский амфитеатр и цитадель, но затем заглянул в «Игл Дистиллериз», после чего ему захотелось чего-нибудь, чего не надо будет пить. Рэйфорд все меньше следил за собой в смысле выпивки, когда не был на

службе, потому решил, что всю эту поездку будет считать себя на службе.

Он почти не сомневался, что за ним пристально наблюдают, если вообще за ним нет хвоста. На федералов наверняка оказало впечатление его резюме и послужной список, раз они решили поручить ему такую дипломатическую миссию, но они также наверняка хотели бы, чтобы он ни во что не вляпался и не разочаровал их.

Рэйфорд чувствовал, что он накануне профессионального прорыва в смысле международных рейсов, что он почти достиг пика своей карьеры. Он привлек внимание правительства и попал в «длинный список» кандидатов на место пилота президентского или вице-президентского борта — все это ласкало душу. Ему были нужны новые цели и мечты, и он не собирался все это пускать прахом из-за виски.

У Рэйфорда была назначена встреча с Абдуллой и его начальством на ланче на военно-воздушной базе Аль-Матар в Амман-Марка. Его отвезли туда из отеля на джипе иорданских ВВС. Водитель по-английски практически не говорил. Рэйфорд не понимал, зачем посылать за американцем человека, который кроме своего языка другого не знает. Он оценивал все, пытаясь понять, рады ли ему здесь хозяева или пытаются дать ему понять вот таким пассивно-агрессивным способом, что он тут гость нежелательный или подозрительный.

В самом худшем случае, как он считал, иорданцев просто вынудили его принять.

Эти страхи, однако, немедленно улетучились, когда Рэйфорда ввели в маленький приватный кабинет в столовой авиабазы. Пятеро сидевших там сразу же встали, улыбаясь и с виду радуясь ему. Он узнал Абдулла по фотографии, а остальные представились ему по порядку званий. Абданех оказался последним.

Однако было понятно, что Абдулла их любимец. Всегда, когда он что-то говорил или кто-то обращался к нему, остальные смотрели на него и лучезарно улыбались. Он был словно душой компании, и Рэйфорд недоумевал, действительно ли так — ведь он славился своей репутацией человека застенчивого и немногословного.

Но что он сидел при Рэйфорде тихо, это было точно. Остальные, которые все сносно говорили по-английски, задавали Рэйфорду много вопросов, в том числе и личных. Старший офицер отметил, что у Рэйфорда и Смитти много общего.

— Полагаю, вы понимаете, почему мы называем его мистер Смит?

— Я слышал.

Все рассмеялись, и Абдулла, если Рэйфорд и правда заметил изменение на его смуглом лице, покраснел.

— Это потому, что он настолько фанат США, что хочет стать американцем. Некоторые из нас вообще считают, что он тут под прикрытием.

— Наш человек в Иордании, да? — сказал Рэйфорд, и все рассмеялись.

— Да, и как и вы он женат на женщине, которая слишком хороша для него, и у них есть сын и дочь.

Командир попросил Рэйфорда сесть рядом с Абдуллой.

— Он будет вашим гидом и переводчиком, — заявил он.

— Но ведь вы все так хорошо говорите по-английски, — сказал Рэйфорд.

— Прошу прощения. Я имел в виду, что он расскажет вам о наших обычаях и традициях. Мне кажется, что вы впервые в Иордании?

— Это так.

— Тогда Абдулла лучше всего сможет объяснить вам, что происходит. Мы обычно обедаем в полдень, а у вас, как понимаю, по-другому.

— Да. Мы обычно обедаем вечером.

— Мы приготовили для вас банкет. Мы наняли много помощников для готовки и обслуживания.

— Это большая честь для меня, — сказал Рэйфорд.

— Для нас это удовольствие.

Глаза Абдуллы вспыхнули, и он, наконец, заговорил:

— Мне поручено покатасть вас на F-16 сразу после того, как вы поедите.

* * *

— Я сидел с ее женихом, пока она не вернулась, — сказал Леон. — Она была не так взбудоражена, как по приезде. Тебе удалось переубедить ее?

— Не знаю, — ответил Николае. — И честно говоря, мне все равно. То есть мне бы хотелось, чтобы она дважды подумала прежде, чем говорить обо мне дурное за глаза, но угрозы она не представляет. У нее нет опоры под ногами. На нее будут смотреть как на убитую горем дочь, страдающую наследницу, невесту, которая отложила свадьбу из-за похорон. Мне надо побывать и на том, и на другом событии, разве нет?

— Похороны и свадьба? Похороны точно. А на свадьбу надо получить приглашение, и если тебе не удастся ее обаять, то не вижу возможности.

— Понимаешь, Леон, ты не провидец.

— Что? Как? Ты думаешь, что она тебя пригласит?

— Нет! Я был крайне удивлен, если бы было так! Но что она или ее люди смогут сделать, если я приеду? Не пустят? Выгонят? Это будет скандал. Я привезу хороший подарок, порадуюсь застолью, подниму тост за жениха и невесту.

Фортунато смотрел на него с восхищением.

— Я не знаю, откуда у иебя берутся эти планы, — сказал он, — но ты уникальный человек.

* * *

— Мы попробуем *мансаф*, — сказал Абдулла. — Это не только мое любимое блюдо — это любимое блюдо практически у всех. Это доказывает, что я иорданец по крови. Но пожалуйста, зовите меня Смитти.

Закуска, которую Абдулла назвал «мазза», предваряла обед и состояла из нескольких горячих и холодных блюд, которые сами по себе могли быть основным блюдом. Затем последовали салаты и много хлеба, который ели сухим или с соусами. Один аромат вызывал голодные спазмы, но Абдулла заверил, что это только начало.

Когда настало время главного блюда, Рэйфорд сказал себе, что никогда не видел столько риса. Его принесли в полных, исходящих паром горшочках. Мансаф оказался ягнятиной с приправами и пряностями, приготовленной в йогурте. Есть его надо было с рисом. Рэйфорд не знал, не покажется ли ему это блюдо чересчур экзотическим. Но он никогда его не забудет.

Он наелся уже одними лепешками, а рис — это уже было чересчур. Но предстояло еще попробовать местные сладости, и когда он покончил с ними — включая баклаву и катаеф¹, — из кухни потянуло крепким кофе.

— Тут какой-то запах, которого я не ощущаю в американском кофе, — сказал Рэйфорд.

¹ Блинчики со сладкой начинкой.

Абдулла улыбнулся.

— Кардамон. Вам понравится.

Кофе наливали из медных котелочков с длинными ручками, и Рэйфорда поразило, что в каждую чашку наливали буквально несколько капель. Он сделал ошибку, заглотив все разом, словно это была проба. Все вокруг рассмеялись, когда кофе подействовал, и он проснулся. Его чашку наполняли каждый раз, когда он ее выпивал, но вскоре он заметил, что когда остальные считали, что довольно, они слегка покачивали чашечкой. Как только он это сделал, кофе перестали подливать. Рэйфорд не знал, что так подействовало — кардамон или кофеин, но он пришел в себя.

Рэйфорд испытывал истинное наслаждение и понимал, что хозяева сейчас в таком же состоянии. Они сидели, гладили себя по животам и беседовали. Все, кроме Абдуллы. Он был меньше всех ростом и стройнее, ел тоже много, но это не шло ни в какое сравнение с тем, сколько поглотили Рэйфорд и остальные.

Когда со стола убрали и из громкоговорителей по всей базе послышался высокий пронзительный визг, и люди снова сели.

— Пора для полуденной молитвы, ас-Салаах, — сказал Абдулла. — Вам участвовать не обязательно, конечно же. Мне разрешили переводить вам.

— Салаах? — спросил Рэйфорд.

— Наш мусульманский ритуал. Мы выполняем его пять раз в день, и когда можем, прежде омываемся, а затем идем в мечеть.

Люди неординарной профессии — вроде нас, — которые не могут ходить в мечеть, имеют право выполнять ритуал, когда получается.

Остальные спешили в душевые, затем возвращались, вытаскивали из угла циновки и становились на колени перед окном, лицом к Мекке.

— То, что вы сейчас слышали, капитан Стил, — это азан, призыв к молитве, который провозглашает муэдзин.

— Похоже на длинную песню, — сказал Рэйфорд. — Что он говорит?

— Он четырежды повторяет: «Аллах велик». Затем дважды — «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха». Потом опять дважды — «Свидетельствую также, что Мухаммед — посланник Аллаха». Дважды — «Спешите на молитву». Дважды — «спешите к спасению». И наконец, дважды — «Аллах превелик». Перед рассветом муэдзин дважды добавляет — «Молитва лучше сна», — прошептал Абдулла. — Честно говоря, капитан, бывают такие дни, когда я в этом не уверен.

Рэйфорд смотрел, как люди встают на коврики, прижимая руки к ушам, затем они складывали руки на груди — правая поверх левой. Он кланялись, клали руки на колени, затем снова выпрямлялись. Затем простирались на земле, садились и повторяли ритуал. Все это время люди шептали хвалу Аллаху. Наконец, снова сев, они приветствовали друг друга.

Абдулла растолковал:

— Мир тебе и милость Аллаха. Некоторые говорят, что поклоняющийся обращается к собрату-мусульманину, но другие говорят, что он общается с ангелами, которые стоят за каждым его плечом и записывают его добрые и злые дела.

Рэйфорд не мог понять почему, но все это показалось ему ужасно формализованным и угнетающим. Во многом это напомнило ему собственные жалкие попытки погрузиться в религию — обязанность посещать церковь по возможности и чувство вины, когда у него находились отговорки.

Абдулла подтвердил подозрения Рэйфорда.

— Этот устоявшийся ритуал настолько жесткий, что в нашей религии нет для него отговорок. Правочерный исполняет его пять раз в день, омывается и ходит в мечеть, когда это возможно, чтобы выполнять этот ритуал с остальными прихожанами.

— И они каждый раз омываются?

Абдулла кивнул.

— Это называется очищением, и по возможности оно включает омовение лица, рук, стоп и иногда всего тела.

— Правда?

— Да! Если вы ритуально нечисты, священная книга требует полного омовения.

— А если нет воды?

— Тогда очищаетесь песком и землей.

— И тоже пять раз в день?

Абдулла кивнул.

— И это еще не все. Существует много других молитв и обрядов, но молитва пять раз в день — минимальное требование. Есть ранняя утренняя молитва, которую можно возносить в отрезок времени с рассвета плюс два часа. Полуденная молитва — в любое время после того, как солнце начинает клониться к закату. Третья молитва начинается сразу после того, как пройдет середина отрезка от полудня до заката. В календаре отмечено время для каждой молитвы, в противном случае приходится полагаться на свое ощущение времени. Закатная молитва начинается после заката, пока еще не погасло свечение над горизонтом. Вечерняя молитва произносится в любое время перед рассветом.

— А в чем смысл, прошу прощения за вопрос?

Абдулла пожал плечами:

— Правоверный верит, что это делает весь его день, от начала до конца, духовным. Он сочетает жизнь и религию и уверен, что мораль его стоит на прочном фундаменте. Он считает, что вся его жизнь — духовный опыт.

— А вы, Абдулла? Вам придется придумывать отговорку, чтобы пропустили эту молитву?

— Пожалуйста, зовите меня Смит или Смитти. Да, будь я благочестив, я был бы обязан произнести двойную молитву. — Он вздохнул. — Мне стыдно, но я не так благочестив. Само очищение отягощено мно-

жеством требований, а также много что может свести его на нет. Если вы хотите знать, опасаюсь ли я за свою бессмертную душу... Да, я вырос в исламе и воспитан в его традициях. Но безличный, требовательный бог все меньше и меньше привлекал меня, когда я становился старше.

Рэйфорд решил, что это им с Абдуллой надо будет обсудить. Эта тема была далека от цели его миссии, но это были вселенские вопросы. Для него не имело значения, во что человек верит, но слишком сложная обрядность отнимает всякую радость у веры.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Кэмерон Уильямс сидел в кабинете декана в Принстоне. Чувствовал он себя не в своей тарелке. Приходилось напоминать себе, что больше такого в его жизни не будет. Он чувствовал себя так, когда ему отказала девушка, в которую он надеялся влюбиться. А еще когда его укоряли за то, что приехал аккурат на похороны матери.

Но Дирк Бертон помог ему, встряхнул его, напомнил, кто он такой и что у него есть за душой.

— Держи хвост пистолетом, парень! Ты уже не никто и звать никак. Тебе нужна уверенность, чтобы делать свою работу, и делать ее хорошо. Поверь, когда я на бирже, мне пофиг, что англичане думают о валлийце. Я знаю столько же, сколько и они, и я намерен потягаться с ними на их

поле. Можешь выражать уважение ветеранам «Глоб», но держись уверенно.

Это как раз и было нынешней проблемой Кэмерона. Он сам загнал себя в кризисную ситуацию, спустив институтскую работу на тормозах. Он мог закончить обучение даже ничего не делая сверх положенного, но его средний академический балл поползет вниз, и тогда он не сможет — вопреки совету Дирка — держать хвост пистолетом.

— Я не могу номинировать вас на все награды и призы, которые вам положены при выпуске, мистер Уильямс, — сказал декан, — если вы будете почивать на лаврах и забросите всю внеклассную работу. Все ваши профессора озабочены тем, что вы отстаёте в своих самостоятельных проектах. Нет, это не будет вам стоить вашей новой крутой работы — кстати, примите поздравления — и не прибавит ничего к вашей славе журналиста. Кто знает, может, однажды вы вернетесь сюда на церемонию награждения «выпускника года», произнесете речь перед выпускниками, получите почетную степень. Каково вам будет признавать, что вы отстали на финишной прямой?

— Не слишком хорошо.

— Конечно. Не буду вас слишком терзать, но еще немного потерпите. Представьте себе, что вы проработали в «Глоб» несколько лет и ваш выдающийся талант помог вам добиться хлебной должности где-то еще. Вы что, сразу бросите «Глоб»? Поставите их в известность

и будете отсылать задания, пока не переведетесь? Конечно, нет. Имейте же хоть капельку гордости, мистер Уильямс. Дайте мне повод гордиться вами. Пусть вами гордится университет. Гордитесь сами! Вы готовы?

* * *

К счастью для Рэйфорда, Абдулла пошутил насчет воздушной акробатики сразу после обильной трапезы.

Рэйфорду нравилось наблюдать за молодым человеком, который суетился вокруг крылатой машины стоимостью в несколько миллионов долларов. Абдулла открывал и закрывал все люки, проверял выключатели и настройки, словно он сам собрал этот самолет. Он был рожден летать на этих машинах.

Никаких воздушных петель, пике и бочек не было, но казалось, что Абдулла просто наслаждается гулом двухместного F-16, показывая Рэйфорду с воздуха свою страну. Для тихого человека он на удивление много говорил, показывая восточные равнины у реки Иордан, Великую рифтовую долину на западе и Тивериадское озеро.

— Вы его знаете под другим названием — Галилейское море.

Он показал на район, который, как он сказал, был на семисот футов ниже уровня моря, и, конечно, на Мертвое море, которое

«на тринадцать сотен футов ниже уровня моря и самая глубокая точка на Земле».

Абдулла также пролетел над военновоздушным училищем короля Хуссейна в Мафраке и авиабазой Муваффак-Салти.

— Так что теперь вы не скажете, что проделали весь путь сюда и не увидели их хотя бы с воздуха.

После того как они приземлились и некоторое время провели в комнате отдыха пилотов, разговаривая о том о сем, только не о том, ради чего сюда прислали Рэйфорда, снова слышался высокий вой из громкоговорителей, призывающий правоверных на молитву.

Абдулла нарочито проигнорировал его.

— Как думаете, чем знаменита Иордания?

— Песком, оливковым маслом и нефтепродуктами, — сказал Рэйфорд. — Но я просто гадаю.

— Вы говорите как любой человек Запада. Они считают нас всех бедуинами, которые носят сандалии и живут в шатрах. А вас не удивит, что мы экспортируем мыло, сигареты, цемент, фосфаты, пищевые продукты, бумагу, стекло, лекарства и даже текстиль?

— Да, удивительно.

— Я так и понял. Я люблю Америку, но репутация моей страны меня очень заботит.

— Это достойно уважения. Но давайте поговорим об исламе, Смитти. Вы же мусульманин, но вы не... как это называется? Верующий?

— Правоверный.

— Это означает, что вы не верите? Или просто не согласны с требованиями?

— Наверное, — сказал Абдулла. — Я слишком хорошо себя знаю. Я делаю много такого, что не позволяет мне считать себя истинным мусульманином. Но заявить об этом вслух слишком дорого мне обойдется, так что пусть люди думают обо мне что хотят. Если я попадаю на молитву, то кланяюсь в сторону Мекки. Я не делаю из этого проблемы.

— Но когда вы можете не...

— Я не...

— Вы здорово похожи на меня. — Рэйфорд не понимал, почему ему так легко говорить о таких личных делах с совершенно чужим человеком — но сейчас за тысячи километров от дома он изливал ему душу.

— Это также касается того, как я — как вы там это называете? — получаю дополнительный заработок.

— И как?

— Во-первых, мы ведь не будем докладывать о нашем разговоре старшим?

— Об этом точно не будем, — ответил Рэйфорд. — Очень вряд ли.

— Я покупаю и продаю, скажем так, в обход официальных путей.

Рэйфорд поднял бровь.

— Вы занимаетесь контрабандой?

Абдулла сложил руки и застенчиво улыбнулся.

— Это звучит романтично. На самом деле эта работа азартная и опасная.

— Нелегальная.

— Конечно, — ответил Абдулла. — Но для состоящего на службе в ВВС она такая вдвойне. Несмотря на то, что многие из моих клиентов — мои коллеги. Кстати, у вас нет ли каких-нибудь пожеланий?

— Возможно. А что у вас есть?

— Вас не удивляет, капитан, почему я так легко перечислил вам то, что здесь производится?

Рэйфорд кивнул.

— Если уж так говорить...

— Я не видел, чтобы вы курили с самого прилета сюда. Вы не курите вообще?

Рэйфорд покачал головой.

— Я тоже, — сказал Абдулла. — Но прежде курил и пробовал сигареты со всего света. С нашими ничто в сравнение не идет. Они могут стать замечательным подарком для ваших курящих друзей.

— И почему?

— Почти в три раза выше, чем вы заплатили бы в Штатах, но, конечно, наших сигарет вы здесь не купите.

— У меня будут проблемы с ввозом их в страну?

— Это же контрабанда. Вас будут обыскивать во время посадки или по прилете?

— Когда летел сюда, не обыскивали.

— Тогда вряд ли будут обыскивать и по возвращении. Если будут — скажете, что это подарок, но уж тогда прикройте меня и не говорите, кто такой подарок вам сделал.

Рэйфорд счел, что ложь не страшнее покупки контрабандного товара на черном

рынке. И кто знает, какие еще экзотические подарки он может получить из этого источника? Как только он начнет летать в Европу, Иордания уже не покажется такой далекой. Абдулла Смит может оказаться полезным человеком.

А пока им лучше поговорить о деле, чтобы его поездка прошла не впустую.

* * *

Никто не заподозрил Николае Карпати в убийстве Эмила Тишманяну, мало того — общество даже сочувствовало ему из-за потери дорогого друга. Все подозрения были заглушены его заявлением о выходе из выборной гонки, из чего он выжал максимум выгоды, даже заплатив пошлину и заполнив форму официального отказа.

Николае возбудил расследование убийства, вложив в это дело огромные деньги, так что комитет, которому было поручено расследование, получил название комитета Карпати. Не смотря на каменное безразличие дочери Тишманяну и предостережения со стороны ее жениха, Карпати не только посетил похороны, но также произнес краткую речь — блестящую, согласно репортажам прессы — восхвалявшую его покойного оппонента до такой степени, что передовицы журналов и газет по всему миру представляли его как образец политика будущего.

На другой день после похорон Карпати был избран в нижнюю палату румынского парламента, набрав более 80 процентов голосов как кандидат, дополнительно внесенный в бюллетень. Его соперниками были несколько десятков дилетантов и претендентов, которых друзья вписали ради шутки.

Леон Фортунато поставил себе в заслугу идею дополнительного кандидата, наняв несколько десятков лизоблюдов, чтобы распространять это мнение среди репортеров, комментаторов, обозревателей, многие из которых приписывали себе эту идею. Бухарест охватила идея поддержки, и предварительные данные немедленно показали это изменение.

С гибелью Тишманяну и уходим из гонки Карпати, предварительные результаты голосования безнадежно пошли вниз, но ко времени выборов они точно показали победу Николае, причем с гораздо большим перевесом, чем предсказывалось, когда оба кандидата были в деле.

Карпати, скромно потупив взгляд, выступил перед микрофонами прессы, когда были обнародованы окончательные результаты и дрожащим голосом заявил:

— Я сказал, что не буду участвовать в выборах. Я не говорил, что не стану служить своей стране. Я сломлен. Я раздавлен. И потому я сдаюсь и соглашаюсь с желанием людей и клянусь отдать все силы служению народу ради памяти моего друга.

Через несколько дней новый депутат парламента явился незванным гостем на свадьбу

Лусианы Тишманяну. Леон срежиссировал тихий, сдержанный визит.

— Никаких фанфар, — сказал он. — Мы просто заглянули на огонек и зашли с черного хода. Никакого эскорта, никаких сирен.

— Но много прессы или нет? — спросил Николае.

— Конечно. А иначе к чему все это?

Когда водитель Леона подъехал к дорожке возле церкви, там по все сторонам уже сидели в засаде репортеры и фотографы, и каждый считал, что перехватит сенсацию у конкурента. Некоторые были уверены, что плохо пропечатанная третья или четвертая копия маршрута Карпати с временем и местом его приезда — это тайна, которая известна только ему лично.

Карпати сделал шоу из попытки просто быстро пройти в церковь, остановившись у дверей лишь потому, что там столпились репортеры. Он вздохнул и печально сказал:

— Дамы и господа, я убежден, что сейчас не место и не время. Пожалуйста, просто позвольте мне поздравить дочь моего покойного друга и не омрачайте день ее свадьбы.

Эту скромную реплику раструбили все газеты и телеканалы. Новость была сдобрена к тому же следующим намеком: «Частные источники сообщают, что свадебным подарком господина Карпати стал трастовый фонд, который полностью покроет расходы на образование ребенка молодой четы. Хотя невеста и унаследует большое количество акций бизнеса отца, ходят слухи, что иски и

низкая доходность резко снизит их ценность. Пока нет свидетельств о реакции невесты на щедрый подарок господина Карпати».

* * *

Встреча с вежливой молоденькой женой Абдуллы, Ясмин, а также их маленьким сыном и дочкой стала истинным удовольствием для Рэйфорда. А заодно он насладился еще одной изысканной трапезой — хотя более легкой, вечерней — у них дома.

Рэйфорда заинтриговали формальные отношения между Абдуллой и его женой. Она была тихой и услужливой, занималась хозяйством, приготовлением еды и сервировкой стола. Она чуть не пришла в панический ужас, когда Рэйфорд предложил ей помощь, но Абдулла выручил ее, подняв руку и покачав головой, что показало Рэйфорду, что он нарушил какой-то домашний культурный кодекс.

Ясмин также возилась с детишками, хотя и Абдулла вроде бы обожал их. Когда они закончили с едой и детей уложили спать, Ясмин удалилась, а мужчины остались сидеть и разговаривать.

— У вас очаровательная жена, — сказал Рэйфорд.

— Я беспокоюсь за нее, — сказал Абдулла. — Когда я впервые позволил себе показать, что я не такой уж правоверный му-

сультанин, как она считала, — игнорировал призыв к молитве и так далее, — я заметил печаль и смятение на ее лице. Но больше меня беспокоит то, что скоро она начала следовать моему примеру.

— Вы это обсуждали?

Абдулла поднял раздвинутые указательный и большой пальцы:

— Совсем немного. Ее пугает перспектива разгневать Аллаха, но она разделяет мое мнение, что наша религия стала слишком безличной и жесткой. И хотя я не назвал бы ее современной женщиной и вряд ли феминисткой, она также не чувствует себя уважаемой или почитаемой в нашей религиозной системе.

Рэйфорд вернулся домой в Вашингтон, где его встретили с представители ЦРУ и министерства обороны.

— Мы слышали, что вам удалось сблизиться с Абдуллой, — сказал Джек Грэм.

— Это так. Он весьма впечатляющий молодой человек.

Идеи Абдуллы насчет антитеррористической защиты были, что понятно, военными по природе: обучение пилотов маневрам уклонения, оснащение лайнеров оборонительным вооружением и усиление мер безопасности кабины и салона — это лишь увеличит и так уже астрономические суммы, направленные для отражения новой угрозы. Но Грэм и его сотрудники заверили Рэйфорда, что они уверены в том, что связи с Иорданией — и лично с Абдуллой Абданехом — стоили усилий и времени.

Лично для Рэйфорда это было верно. Когда он оценил те контрабандные товары, которые предлагал Абдулла, он добавил к своему багажу еще арабских сокровищ на несколько сотен долларов. Насколько он знал, ни начальство Абдуллы, ни его начальство не были в курсе этого. Рэйфорд остерегался перепродавать это добро в США, так что, если его спросят, он жестко ответит, что это подарки.

Несколько контрабандных вещей — хотя Рэйфорд, конечно же, не называл их так — доставили радость его собственной семье. Ирэн очень понравился отрез бархата. Рэйми радовался коллекции мелких зверюшек, вырезанных из оливкового дерева. И Рэйфорд просто обалдел от реакции Хлои на вышитый коврик, который она тут же положила у себя в комнате.

— Я и не знал, что тебе так понравится, — сказал он, сидя на краю ее постели.

Хлоя сидела за компьютерным столиком.

— Он такой красивый, — сказала она. — И это ведь ты подарил.

— Мама рассказала мне о школьных выборах, — сказал он. — Мне очень жаль.

Она пожала плечами:

— Школоте нужен тупой футболист. Они его получили. По крайней мере, я была близка к победе.

— Не падай духом от единственного поражения.

— Директриса в своем письме что-то вроде такого и написала всем лузерам. Что-

то вроде — проиграть в одном сражении еще не значит проиграть войну.

— Будут и другие выборы.

Хлоя помотала головой:

— Хватит с меня политики. Не хочу еще раз вот так разочаровываться. Хуже всего, что мама-то была права. Это состязание в популярности. А я не популярна.

— Да ладно, — сказал Рэйфорд. — Ты говорила, что была близка к победе.

— Недостаточно. Ты же сам знаешь, пап, что у нас в классе девочек больше, чем мальчиков. Давай будем смотреть в лицо реальности — мы живем в обществе, где преобладают мужчины. Даже девочки голосуют за мальчиков.

Рэйфорд был поражен разницей между его прямолинейной, умеющей четко выражать свои мысли дочерью и Ясмин Абданех. Он вырастил активистку? Феминистку? У него было ощущение, что однажды Хлоя даст ему повод для гордости.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Кэмерон Уильямс взялся за ум, закончил Принстон успешно, получил диплом с отличием, награды и признание. Он ворвался в Бостон как бешеный янки-гонщик и немедленно нажил себе врагов в штате «Глоб».

По счастью, начальство, по словам Диззи Роуланда, оценило эту враждебность как: «По сути дела, зависть. «Все, нарушающее статус-кво, угрожает нашим консерваторам, — сказал он. — И когда приходит новичок и успешно работает, они начинают чувствовать себя обиженными. Однако я советую тебе, Кэмерон, держаться потише. Пусть тебя другие хвалят. И сам похвали раз-другой наших старичков. Не критикуй коллег и не выдвигай предложений. Просто делайте свою работу, и пусть тебя оценивают читатели».

Совет был хорош, но следовать ему было трудно. Кэмерона беспокоила лень некото-

рых репортеров. Они увиливали от работы, трепались, полагались на информацию из вторых рук. Они целыми днями ничего не делали, затем в конце концов брали у кого-нибудь интервью и пытались сделать из этого новость. Кэмерон этого не понимал. Он любил свою работу, читал все, до чего только руки доходили, искал сюжеты. Он всюду использовал телефон и компьютер, стирал подметки и шины, рыская по фешенебельным районам. У него постоянно бывали редакционные задания, но как минимум через день он публиковал и обычные человеческие истории, а иногда и авторские статьи. Короче, он выполнял свою постоянную работу, в то же время работая как свободный художник, кипящий идеями.

— Ты работаешь куда больше, чем долг требует, — говорил Диззи. — Если тебе удобнее работать сверхурочно, мы можем платить тебе как фрилансеру.

— Я не против делать все в рабочее время, если только вам не кажется, что это вызывает конфликт, — сказал Кэмерон.

— Пока все было гладко.

— В общем, я видел расценки для газетных фрилансеров. Лучше я буду тратить личное время и продавать работу еще куда-нибудь.

Так он и делал. Личная жизнь Кэмерона сводилась практически к нулю, если не считать молодой женщины, с которой он познакомился у почтовых ящиков в своем доме. Несколько раз они сходили поужинать и в

кино, но два раза он опоздал, а один раз даже пришлось отменить встречу. Так что когда он получил ту же отповедь, что и в Принстоне, это не должно было бы его удивить. Но удивило, невзирая на самоувещевания. Он был влюблен в свою карьеру, и у него не оставалось времени на отношения с противоположным полом, и любой женщине, которая попыталась бы добиться его внимания, пришлось бы конкурировать с журналистикой, его настоящей любовницей.

Кэмерон позволил себе пострадать примерно полдня, пока по счастливой случайности не наткнулся в баре на одного жокея, молодого мексиканца, надеявшегося преуспеть в Саффолк-Даунз¹, на бегах чистокровных лошадей в Восточном Бостоне, в миле от аэропорта Логан.

Энрике Рейес из Мехико уже заработал себе репутацию на родине и теперь отправился на север, чтобы попытаться победить на американских скачках. Он уже блеснул на ипподромах юга, но решил, что настоящего успеха ему не добиться, пока он не зарекомендует себя на каких-нибудь крупных бегах в Нью-Йорке. Бостон был по пути, потому он поселился здесь, пытаясь привлечь внимание тренеров и владельцев лошадей в Нью-Йорке.

Пока для мексиканца все складывалось не очень радужно, но Кэмерон увидел в Энрике себя. Что-то в его взгляде говорило, что

¹ Ипподром в Бостоне

он прорвется, и Кэмерон решил написать недельную хронику жизни жокея. Он не стал советоваться с начальством, просто сделал из этого маленькую заметку, а затем в личное время написал целую серию.

Кэмерон понял, что в воздухе что-то висит, когда Диззи Роулэнд попросил о встрече во внерабочее время не в офисе.

— Мне надоело, что я общаюсь с тобой не через непосредственного твоего начальника, — сказал Роулэнд. — Честно говоря, совет верный. Я все время говорю тебе — не заставляй других тебе завидовать, а сам только подливаю масла в огонь, постоянно вызывая тебя к себе в кабинет среди дня.

Когда они, наконец, встретились, Роулэнд сразу взял быка за рога.

— Скажу откровенно, что мне больше всего понравилось в этой истории про жокея. Это то личное, что ты вложил в этот репортаж.

— Серьезно? Меня как раз это и беспокоило. Это же не колонка, и я не хотел быть назойливым.

— Назойливым? Ты всего лишь заметил, что сам добираешься до ипподрома на «Блю лайн». Гениально. Кэмерон, именно так попадают туда наши читатели. Ты мог бы запросто поехать туда на машине, заставив «Глоб» платить за пробег и парковку. Но нет. Ты рассказываешь о людях, которых встретил в поезде, о том, как одни делятся своими догадками, а другие ревностно их хранят, читая газетные вклады-

ши о скачках в газете... Великолепно, просто великолепно.

— Спасибо. — Кэмерон поделился с Роулендом планами о недельной серии статей.

— Жду не дождусь. И если серия будет не хуже первого репортажа, возможно, я покажу ее своему приятелю в «Спорт иллюстрейтед».

— Правда?

— Конечно.

— Потому что, сэр, серия будет не хуже, а даже лучше. Она хорошо идет и начинает казаться чем-то особенным — если я смею сам так говорить.

Кэмерону пришлось пережить чувство вины от осознания того, что его карьера началась с трагедии, из-за которой его имя попало на национальные страницы. Роуленд постоянно напоминал ему, что в первую очередь его выдвинули именно за инстинкты, умение и энергию, но Кэмерон не мог успокоиться несколько недель. Он опасался, что сделал себе карьеру на страданиях другого человека.

Недельная серия репортажей об Энрике Рейесе немедленно стала популярной и произвела впечатление и на приятеля Диззи Роуленда из «Спорт иллюстрейтед». Хотя тот поначалу настаивал на повторной публикации статей, он назначил Кэмерону встречу в Нью-Йорке, чтобы поговорить о других заданиях. Однако прежде, чем Кэмерон смог туда поехать, на скачках случилась трагедия, перевернувшая жизни Энрике и Кэмерона за один вечер.

У Энрике выдалась хорошая неделя, ему явно светило больше побед, чем за любую прошедшую неделю сезона. На скачках днем Энрике оказался на третьем месте на перспективной кобылке. Фаворит вел гонку, но Энрике сказал потом Кэмерону, что чувствовал усталость жеребца и был уверен, что сможет вырвать победу, если обгонит второй номер и не сойдет с дистанции.

Пройдя дальний поворот, лошадь номер два упала, и всадник ее полетел прямо в морду кобылке Энрике. Та налетела на ограду, Энрике упал и покатился на внутреннее поле. При этом зацепился ногой за ограду, и, хотя упал головой о землю и на некоторое время потерял сознание, травмирована была только нога.

Но травма оказалась достаточно серьезной, чтобы стоять ему карьеры.

Репортаж Кэмерона перешел от надежд и мечтаний жокея-иммигранта к травме его ноги и крушению всех надежд. Энрике пришлось ампутировать ногу ниже бедра, и хотя он храбро заявлял, что однажды вернется в спорт и будет скакать с протезом, этого не случится никогда.

«Глоб» создал «Фонд Энрике», который принес несколько сотен тысяч долларов — недостаточно, чтобы покрыть расходы на его лечение. Но достаточно, чтобы он смог вернуться в Мехико и со временем открыть учебные курсы для начинающих жокеев.

«Спорт иллюстрейтед» заказал Кэмерону новое освещение этой истории, затем

более короткую версию взяли в журнал «Тайм». Кэмерон внезапно стал известен на рынке новостных еженедельников и прочих высокогонорарных журналов. Он начал зарабатывать много денег — и славы — во вне-рабочие часы.

Он проработал в «Глоб» меньше года, когда стало известно, что его репортаж, посвященный Энрике, выдвинут на Пулитцеровскую премию как выдающийся репортаж с места о громком событии — это была уже вторая такая его номинация. «Глоб» также имел номинации в других категориях, включая саму газету в категории «Деятельность на общественном поприще» — единственной категории без денежного приза. Победители в других категориях получают денежные призы, а газета, получившая награду за деятельность на общественном поприще, — золотую медаль.

В конце мая Кэмерон отправился в Нью-Йорк вместе с Диззи Роулендом и еще полдюжину других сотрудников «Глоб» на банкет в честь Пулитцеровской премии в красивой и старинной Нижней библиотеке в кампусе Морнингсайд-Хайтс Колумбийского университета. Кэмерон стал единственным репортером «Глоб», который получил награду в этом году, положив себе в карман пятнадцать тысяч долларов. Также «Глоб» получила награду в категории «Деятельность на общественном поприще» за серию статей по безопасности в аэропорту Логан.

На обратном пути в Бостон Диззи Роулэнд приватно побеседовал с Кэмероном.

— Я уверен, что ты, сынок, не упустил того факта, что ты самый молодой и самый знаменитый новый сотрудник, который когда-нибудь служил в «Глоб». Пришла пора как следует взяться за дело, трудолюбиво добиваться превосходства, которое сегодня привело тебя сюда.

Кэмерон кивнул, не понимая, к чему ведет этот разговор. Он надеялся, что ни у кого не создается впечатления, будто бы он добился своих целей и теперь будет позволять себе вольности, словно привилегированная личность.

— Если ты еще не получал предложений от престижных периодических изданий, то скоро они посыплются на тебя, и многие предложения вскружат тебе голову. Мы не хотим тебя терять. Я хочу предложить тебе колонку три раза в неделю, которую мы будем публиковать сразу в нескольких газетах. Твой доход почти сразу повысится раза в три. И ты по-прежнему сможешь искать сюжеты и делать репортажи, какие захочешь.

Кэмерон, который еще не отделался от того, что большая часть его славы выросла на несчастье, постигшем Энрике Рейеса, просто ответил:

— Согласен, мистер Роулэнд. И спасибо вам.

Он не рассказал своему боссу, что уже получил предложения от нескольких изданий, которые желали поговорить с ним о но-

вых потрясающих возможностях, включая большое жалование. Но он чувствовал себя обязанным «Глоб», первой газете, которая оценила его потенциал.

К тому же существовало только одно периодическое издание, в котором он хотел бы работать. Но «Глобал уикли» еще не сделал ему предложение.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Три года спустя

Поскольку дети проводили в школе большую часть дня, Ирэн и Джеки теперь были более свободны и с удовольствием встречались три раза в неделю. Обе собирали старинные вещи и однажды нашли одну штуку, которая особенно заинтересовала Ирэн.

Они поехали на пригородный блошиный рынок в пустующем в остальное время складском помещении, и Ирэн обнаружила там стопку картин, прислоненных к стене. Она начала без всякой задней мысли просматривать их. Это были просто дешевые репродукции знаменитых картин в безвкусных рамках, и цена в двадцать долларов, которую просили за штуку, окупала, похоже, одну только рамку.

Она скользнула взглядом по «Моне Лизе», «Дантову аду», «Портрету матери художника» Уистлера, глянула на несколь-

ко репродукций Пикассо, две Винсента Ван Гога и даже одну Рембрандта. Немного не на месте ей показалась тем не менее притягивающая взгляд «Голова Христа» Уорнера Солмена¹, а также его же «Христос стучится в твое сердце».

Последняя картина привлекла внимание Ирэн, она остановилась и стала ее рассматривать. Она даже вздрогнула, когда Джеки что-то сказала у нее за спиной, настолько она была поглощена картиной. Джеки отметила безвкусную раму, но Ирэн уже приняла решение.

— Повешу вместо картинки в духе рококо, — сказала она. — Ты лучше на картину посмотри.

Позже, когда Ирэн везла в тележке свое грошовое сокровище, она ощутила в душе странное возбуждение. Она именно там ее и повесит, хотя Рэйфорд придет в ужас. И пускай. Это и ее дом, и раз он запретил ей ходить в ту церковь, которая ей нравится, то он не будет ей указывать, как их дом украшать.

Где-то за час до того, как забрать Рэйми, Ирэн остановилась у багетного салона и за полцены продала раму, выложенную золотой фольгой, заменив ее простой рамкой из темного дерева. Затем она поспешила домой, повесила ее над диваном, немного полюбовалась и поехала в школу.

¹ Уорнер Солмен (апрель 30, 1892 — май 25, 1968) — христианский художник из Чикаго

* * *

Достигнув почти сорока лет и наработав стаж в «Пан-Континентал», Рэйфорд, в конце концов, начал выполнять международные рейсы, чего так жаждал. Единственной оборотной стороной было то, что его единственное увлечение — которое не перешло в настоящую измену... пока — Хэтти Дюрхем по-прежнему оставалась на внутренних рейсах. Он знал, что ее цель — тоже обслуживать международные рейсы, так что она могла бы порой летать вместе с ним. Но ей было всего двадцать с небольшим.

Самое тяжелое в международных перелетах, конечно, разница во времени и усталость после пересечения стольких часовых поясов. Правила требовали, чтобы Рэйфорд спал восемь часов в сутки перед полетом. Это ему казалось трудновато. Полет, конечно, был суровой работой, требовавшей умственного напряжения, но Рэйфорда так радовало разнообразие в жизни! Так что, когда ему выпадало время для отдыха, он не отсыпался в отеле. Он осматривал достопримечательности, посещал знакомых — со многими из них его свел Абдулла Смит. У Рэйфорда были контакты с контрабандистами и черным рынком по всей Европе и Среднему Востоку и достойный маленький бизнес в Штатах.

Кроме воспитания детей и попыток сохранить брак, который уже начал его тяго-

тить, игра на черном рынке давала Рэйфорду единственный настоящий азарт в жизни. Он тосковал по детям, когда был в полете, иногда даже по Ирэн. Но он не мог не признаться себе, что покидать дом ему нравилось больше, чем возвращаться. В дороге было куда интереснее.

Рэйфорд достиг вершин в своей профессиональной карьеры. Ему периодически выпадала возможность консультировать правительство, ему нравилось привлекать взгляды, шагая по аэропорту в своей синей форме, выпрямившись во весь свой рост в шесть футов четыре дюйма. С другой стороны, бывали дни, когда он думал — неужели это предел? Он достиг всего того, что хотел, хотя ему было бы приятно хотя бы разок повести президентский «Боинг-747».

* * *

Лил дождь, когда Ирэн в конце концов подъехала по дорожке к дому вместе с Рэйми. Ему было уже восемь лет. Он грустил, что ему не удастся поиграть на улице, особенно с учетом того, что после ужина она не пустит его за компьютер и не даст смотреть телевизор. Но она позволила ему перекусить перед ужином. А потом он пошел слоняться по дому, ища чем бы заняться.

Через несколько минут он позвал ее из гостиной.

Ирэн увидела, что он скачет на спинке дивана, как на коне.

— Я разве не говорила тебе, чтобы ты не скакал на диване?

— Да ладно, нам все равно нужен новый, — улыбаясь во весь рот, ответил Рэйми. Голова его находилась всего в паре дюймов от картины. — А что это такое?

— А на что похоже, по-твоему?

— На Иисуса. И он у какого-то дома. Но у какого? У дома Захарии? Я думал, что Иисус нашел его на дереве.

Единственным положительным моментом в посещении Рэйми воскресной школы даже совсем не идеальной церкви было то, что он прослушал все библейские истории и знал их назубок.

— Я не знаю, что это за история.

Ирэн села на диван и посмотрела на него снизу вверх.

— Это не из Библии, — сказала она. — Это вообще-то символическая картина.

Он покачал головой.

— Символическая — это значит, что она означает не то, что здесь нарисовано, а что-то еще.

— И что она означает?

— То, что дверь, в которую стучится Иисус, — это дверь в сердце человека. Иисус хочет войти в наше сердце и нашу жизнь.

Рэйми сидел и смотрел во все глаза на картину.

— А там нет дверной ручки, — сказал он.

— Хммм?

— Как Он откроет дверь, когда на ней ручки нет?

— А ты что думаешь, Рэйми?

— Значит, ручка есть внутри. Кто-то должен Его впустить.

— Верно. Иисус не будет силой вторгаться в нашу жизнь. Мы должны сами решиться открыть Ему дверь. Подожди-ка, хочу кое-что тебе прочесть.

Ирэн побежала наверх в спальню и спустилась со своей исчерканной пометками Библией. Она открыла Откровение на главе 3 стих 20 и сказала:

— Послушай, Рэйми, что говорит Иисус: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною». Понимаешь, Рэйми? Я впустила Иисуса в свое сердце.

— А Он стучался?

Она хихикнула.

— Думаю, да.

Ирэн отчаянно тянуло надавить на Рэйми, спросить, не хочет ли он сделать то же самое. Но он был в таком возрасте, когда скажи она — перепрыгни реку, — он перепрыгнул бы.

— Значит, Он в тебе, мам? В твоём сердце?

— Я же сказала тебе. Это символически. Я так говорю, но это означает, что во мне — Его Дух. Естественно, Иисус Христос не находится у меня в теле.

— А как ты впустила Его в свое сердце?

— Я просто молилась и говорила Ему, что я этого хочу.

— А откуда ты знаешь, что Он вошел? Ты Его ощущаешь?

— Определенным образом. Я знаю, что Он постоянно со мной.

— Мффф. Мам, а давай поиграем в бандита и шерифа? Ты будешь бандит, а я шериф? Ты побежишь на кухню, а я постараюсь подстрелить тебя с лошади!

Ирэн так и тянуло сказать — нет. Ей хотелось спросить Рэйми — ну почему ты не можешь долго сохранять внимание? Неужели он не понимает, насколько это важно? Неужели не видит, что в сравнении с этим его воображаемые игры — ничто? Лучше сказать ему «нет», что она занята, пусть останется один и подумает об их разговоре. Но будет ли он думать? Насколько она знала, он скорее будет стрелять в картину Соллмена.

— Ладно, — сказала она. — Но у тебя только два выстрела.

Ирэн соскочила с дивана и почти нырнула за угол, когда опешивший мальчик изобразил звук выстрела.

— Не попал! — крикнула она, и он снова изобразил выстрел. Ирэн разыграла целую сцену, будто бы в нее попали, ударились о стену и сползла на пол. — Прямо в живот! — воскликнула она. — Мне конец.

Рэйми засмеялся и слез с дивана, бросился к ней.

— Попал! — закричал радостно он. — Хорошо, что у тебя Иисус в сердце!

* * *

Хотя Николае Карпати и держался по-дальше от грязной работы, он успешно уничтожил остатки бизнеса Эмила Тишманяну, позволив Леонардо Фортунато и Джонатану Стонагалу заниматься своей закулисной магией. Стонагал постарался, чтобы «Тишманяну-Технолоджи» не смогла осуществить выплаты луизианской «Корона технолоджиз», и внезапно «Карпати Трейдинг» получила преимущество в инвестировании обоих прорывных продуктов «Короны».

Продажи взлетели до небес, и Николае вскоре выплатил долг Стонагалу и стал самым богатым и успешным бизнесменом в Европе. «Форбз» уже поставил его в первую десятку богатейших людей планеты, и сам Стонагал шутил, что однажды Николае спихнет его с первого места. Карпати искренне рассмеялся в ответ на эту шутку, поскольку он обладал меньше чем пятью процентами от того, что имел Стонагал, но в душе ему не было смешно.

Превысить состояние Стонагала было лишь одной из его целей. Воспоминания о госте из мира духов все еще были свежи в его памяти, и он всегда считал, что мир в буквальном смысле слова его собственность. И он хотел не просто владеть им — он хотел править им.

* * *

Хлоя вернулась после внеклассных занятий рано и, как всегда, пошла напрямик в свою комнату.

Ирэн тихонько постучала в дверь ее комнаты.

— Я занята! — крикнула Хлоя.

— И чем? — спросила Ирэн. — Ты ведь только что вошла. Что, с матерью хотя бы поздороваться нельзя?

— Привет, мам! Пока, мам!

— Хлоя! Я что, не могу повидаться с собственной дочерью в конце дня?

— Я по телефону говорю.

— Я хочу поговорить с тобой, когда ты закончишь. Я буду на кухне.

— Ладно!

* * *

Кэмерон Уильямс был штатным репортером «Глобал уикли» меньше года. У него появилось новое прозвище — Бизон. Потому что он сносил все традиции и условности. Будучи самым молодым сотрудником, Кэмерон, не задумываясь, опережал с сенсационными новостями даже своих коллег.

— Ты думаешь, что мы в газете, — сказал один из них ему на собрании редакции, — где каждый сам за себя? Парниша,

в Нью-Йорке так не работают. У нас все за одного.

— При всем уважении, когда меня называют «парниша», как-то мне не кажется, что «все за одного». И лучше бы ты поработал локтями, а то я тебя сделаю. Не думай — я куда более заинтересован опередить другие журналы, но если и ты в результате ударишь лицом в грязь, то кто виноват?

— Ладно, прекратите, — сказал старший выпускающий редактор Стив Планк, поднимая руку. — К делу. Мы выбрали президента Фитцхью нашей «Персоной года», и я хочу, чтобы Уильямс взял у него интервью.

— Шутите? Ему всего двадцать пять лет, а вы поручаете ему...

— Двадцать шесть, — встрял Кэмерон.

— Ну, всего на год ошибся. Он все равно слишком молод...

— Сдается, ваши сведения всегда немного запаздывают, — парировал Кэмерон.

— Притормози, Бизон, — сказал Планк, заставив остальных засмеяться. Так к нему и прилипло это прозвище. — Ладно, хватит лаяться. Нам придется работать над этим совместно. Не думаю, чтобы Бизон... э-э-э... Кэмерон сделал целиком весь репортаж, так что дополним его интервью тет-а-тет всем, что удастся нарыть...

— Тет-а-тет? Мы никогда не интервьюировали действующего президента тет-а-тет!

— Ну, я не так выразился, — сказал Планк. — Конечно же, там буду я, а также Бэйли.

— Стэнтон Бэйли? — переспросил Кэмерон.

— Ну, — сказал кто-то, — он ведь всего лишь издатель.

— Я знаю, кто он такой, — заявил Кэмерон. — Однако!

— Вы с Бэйли будете там, а интервью будет брать Бизон?

— Хватит, — побагровел Планк. — Пока еще я тут командую! Если дорожите работой, моих решений не обсуждать!

Кое-кто фыркнул.

— Думаете, я шучу? Попробуйте что-нибудь еще вякнуть!

Тишина.

— Вот так-то. Бизон заслужил это задание. Вы не обязаны с этим соглашаться. Факт в том, что некоторые из вас его не заслужили. Заслужили бы — были бы там. Думайте что хотите насчет того, что интервью поручается самому молодому парню в этой комнате, но если хотите получить такое же задание — подберите хвосты и начинайте драться.

Потом, уже у себя в кабинете, Планк сказал:

— Бизон, тебе повезло, что ты мне по нраву. Ты способен довести любого до белого каления.

— Похоже на то. Но я не могу понять. Я думал, что суть журналистики — тяжелая работа. Я никогда не хотел никакой другой работы и хочу одного — сохранить ее. Я хочу стать выдающимся в своей профессии.

— Ты уже этого добился, Бизон.

— Вы теперь всегда так будете меня звать?

— Не знаю. Возможно. Мне это нравится. Но, как бы то ни было, перестань задира́ть остальных. Лучшая месть — успех. Хочешь разозлить их? Продолжай превосходить их, но не говори об этом ни слова. Не помыкай ими. Ты постоянно доводишь их.

— А это для вас нормально?

— Может, они лучше работать станут.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Ирэн ждала Хлою до тех пор, пока не потеряла терпение. В конце концов, она поднялась по лестнице чтобы потребовать разговора. Хлоя уже несколько месяцев как получила права на вождение машины, и ее новое ощущение свободы и независимости, похоже, повлияло на ее отношения с Ирэн. И не к лучшему.

Хлоя сама ездила на машине в церковь и обратно, приезжала поздно и уезжала рано. Она относилась все небрежнее к сроку возвращения домой, опаздывая минут на двадцать—тридцать, особенно когда Рэйфорд был в полете. Ирэн намеревалась после очередного непослушания пригрозить отобрать у нее ключи.

Но когда она поднялась наверх, она услышала разговор Хлои и Рэйми.

— Не входи ко мне без стука, Рэйми.

— Извини. Я просто хотел кое-что тебе сказать.

— Что?

— Я впустил Иисуса в сердце.

— Что ты сделал?

— Я помолился и попросил Иисуса войти в мое сердце.

Ирэн замерла, затаив дыхание.

— Ну, думаю, это хорошо, да?

— Еще бы! — сказал Рэйми. — А ты что думаешь? У тебя есть Иисус в сердце?

Ирэн выдохнула. У нее даже голова закружилась от попытки стоять тихо-тихо.

— Нет, Рэйми. Но я рада, что в тебе Он есть.

Она рада?

— Это хорошо для тебя, — сказала Хлоя.

Как мило, подумала Ирэн. Хлоя умела быть резкой, противной, вести себя вызывающе. Она была такой со своим маленьким братом столько раз, что Ирэн уж и не помнила. Неужели она каким-то образом поняла смысл события? Или она просто не знала, как ответить?

— Тебе тоже надо впустить Иисуса в сердце, Хлоя, — сказал Рэйми. — Тогда Он будет с тобой все время, а когда ты умрешь, попадешь на небо.

— Здорово.

— Так вступишь?

— Я подумаю об этом, ладно?

— Ты лучше поскорее об этом думай, потому что...

— Ты только не дави на меня, а то я не стану об этом думать.

— Но я просто беспокоюсь...

— Не беспокойся обо мне.

— Ладно. Пока-пока!

Рэйми выбежал и поскакал вниз по лестнице, завопив радостно при виде матери. Ирэн подошла к двери Хлои как раз в тот момент, когда та ее закрывала. Она увидела мать, посмотрела ей прямо в глаза и захлопнула дверь.

— Хлоя! — сказала Ирэн.

— Ну что?

— Мне надо минутку поговорить с тобой.

— Я занята!

— Нет, ты не занята! Открывай дверь, или вечером никуда не поедешь!

Хлоя открыла дверь и пошла к своей постели, повернувшись к Ирэн спиной.

— Ну что? — сказала она.

— Неужели у тебя минутки для меня нет?

— Есть! Ну?

— Я просто хотела сказать тебе, что благодарна за то, как ты разговаривала с Рэйми.

— Ты подслушивала?

— Невольно. Я шла к тебе и услышала, как ты с ним разговариваешь.

— Хорошо, и что?

— Я благодарна, что ты не стала смеяться над его новостью.

— А надо было. Насчет чего ты теперь ему мозги промываешь?

— Я не промываю ему мозги. Я просто верю. А теперь и Рэйми в это верит.

— Ну а я не верю, к тому же он слишком маленький, чтобы понимать, во что он верит. Мама, что с тобой? Зачем ты насильно впиливаешь это в голову восьмилетки?

— Не забывай, с кем разговариваешь.

— И ты тоже.

Ирэн напомнила Хлое о том, что она приходила позже назначенного времени, и пригрозила, что ограничит ее свободу.

Хлоя замолчала и просто кивнула. Возможно, что до нее дошло, что у матери еще остался в рукаве козырь — ключи от машины. А она вечером собиралась в библиотеку с подружками.

— Твой отец вернется сегодня вечером, так что не заставляй меня говорить ему, что ты опоздала.

— Ладно.

* * *

Мало что возбуждало Николае больше, чем новости о себе в газетах или по телевидению. Обычно соцопросы ограничивались передовыми позициями в стране, но Николае стал настолько популярен среди народа и своих коллег — политических союзников и противников, — что аналитические агентства расширили свои исследования, чтобы включить в них и его.

В то время как президент и премьер-министр шли ноздря в ноздрю по показателям

популярности, чуть превышающим пятьдесят процентов, популярность Карпати достигала почти семидесяти. Это неизбежно повлекло за собой его победу над оппонентами, и его план привлечь на свою сторону всех и вся стал осуществляться.

Во время выборной гонки на второй срок в нижней палате он пустил в ход свою пацифистскую стратегию. И поскольку румыны устали от столкновений и гражданских войн, которые привели к гибели множества молодых мужчин и женщин, не говоря уже об угрозе вторжения со стороны Болгарии и Украины, он точно рассчитал время. Леон Фортунато помог ему составить речь о пацифизме, которая захватила внимание масс.

В течение нескольких недель перед выборами его оппонент сделал ошибку — высказал противоположное мнение и решился на дебаты с Карпати. За неделю до выборов опросы показали, что Николае настолько впереди, что члены соперничающей партии публично отозвали своего кандидата. Несмотря на вопли преданных партийцев, которые желали знать, кто же поднимет их знамя, опросы показали, что Карпати, вероятно, победит с самым большим в истории свободных выборов отрывом, всего на несколько пунктов меньше, чем он получил после гибели Тишманяну.

Оппонент Карпати уходить не стал, но от финальных дебатов он воздержался, сняв все плакаты, чтобы не делать хорошую мину при плохой игре, и в буквальном смысле ис-

чез из новостных сообщений. Ходили слухи, что он проголосовал заочно и что в день выборов его даже не будет в Бухаресте. Так и оказалось, когда его не смогли найти, чтобы взять интервью после поражения.

Знатоки заявляли, что Карпати мог бы баллотироваться и на первый в государстве пост и победил бы без труда. И они предполагали, что это будет его следующим шагом.

* * *

Ирэн просидела до 11:30, что было на час позже времени, когда Хлоя должна была возвратиться, и за полтора часа до предполагаемого возвращения Рэйфорда. Она четырежды звонила Хлое по телефону, последний раз в 11:20, пригрозив, что вызовет полицию, если она не перезвонит через десять минут. Она сходила с ума, молилась и уже готова была готова набрать номер полиции, когда телефон зазвонил и определился номер Хлои.

— Ты где?

— Только что закончила менять колесо. Извини, мам. Сейчас еду домой.

— Почему ты не перезвонила мне?

— Прости. Я была так занята, пытаюсь найти кого-нибудь, кто бы помог мне, а потом забыла телефон в машине. Больше этого не повторится. Со мной все в порядке.

После этого Ирэн уже не могла заснуть. Ей просто хотелось обнять дочь. Эта девчон-

ка просто бесила Ирэн, и из-за какой-то невнятности в голосе Хлои Ирэн не была уверена, что до конца верит ей. Но, несмотря ни на что, Хлоя оставалась ее дочерью, и у Ирэн просто камень с души упал, когда она узнала, что с девочкой все в порядке. К тому же она будет на ногах, когда Рэйфорд вернется.

Ирэн была рада своему решению не рассказывать Рэйфорду об этом случае, пока он не вернется домой. Она знала, что он уже должен был приземлиться и выехать из аэропорта О'Хара, но зачем его беспокоить, когда он все равно ничего не может сделать. Когда она увидела подъезжающую к дому машину, которая ехала немного быстрее, чем стоит, она подумала, что это Рэйфорд. Слишком быстро — непохоже на Рэйфорда, но он всегда хотел поскорее лечь в постель, когда долго не был дома и поздно возвращался.

Ирэн подпрыгнула, услышав удар и треск вместе со звоном стекла. Она выскочила наружу и увидела, как Хлоя с трудом выбирается из машины и ругается. Она въехала правой фарой в угол гаража, и рот ее был весь в крови из-за того, что она ударилась лицом о руль.

— Ты что, не пристегнулась? — воскликнула Ирэн, бросаясь навстречу Хлое, чтобы ее обнять. — Хлоя!

— Спасибо за заботу, мам, я в порядке! — выкрикнула Хлоя, пробегая мимо Ирэн в дом.

Ирэн уловила запах алкоголя.

— Хлоя!

Хлоя бросила машину на ходу, даже не поставив передачу в нейтральное положение. Ирэн хотелось побежать за Хлоей, чтобы показать, что она ей важнее машины, но бросить ее вот так она не могла. Она осторожно задним ходом закатила ее в гараж.

Ирэн решила, что лучше попробовать поговорить с Хлоей, но, как только она стала подниматься по лестница, она слышала:

— Не входи сюда! Я в порядке! Оставь меня в покое!

— Что с твоей губой?

— Не беспокойся. Я не закапаю твой драгоценный ковер!

— Да мне плевать на ковер! Я за тебя волнуюсь!

— Я же сказала — я в порядке, оставь меня в покое!

— Хлоя, ты пила? Ты села за руль пьяной?

Ирэн не могла сказать, что так громко хлопнуло — дверь ванной или комнаты Хлои, но удар отозвался по всему дому и разбудил Рэйми.

— Что случилось? — заплакал он сверху.

— Ничего, — прошептала Ирэн с лестничной площадки. — Теперь все в порядке. Иди спать.

Она вышла на улицу. Когда она сметала с дорожки разбитое стекло, подъехал Рэйфорд. Она поцеловала его, но не смогла скрыть своего страха и гнева, и, конечно, он увидел разгром.

— Ладно же, — сказал он, — я ей покажу.

* * *

Абдулла Абданех поднялся, как всегда, рано и стал готовиться к выходу на летное поле. Ясмин готовила завтрак. Детишки спали, но что-то было не так. Ясмин не смотрела в глаза Абдулле.

— Что с тобой? — спросил он.

— Ничего, — ровно ответила она.

— Тебе надо о чем-то со мной поговорить? Я сделал что-то не то или чего-то не сделал? Я что-то забыл?

— Нет, — ответила она, но он никогда в жизни не видел ее такой грустной и подавленной.

— Я могу позвонить и попросить разрешения приехать попозже, чтобы мы могли поговорить, — сказал он.

— Возможно, позже, — ответила она. — Не сейчас.

— Но в чем дело?

— Я пока не готова говорить об этом.

— У меня проблемы?

Она улыбнулась, но глаза ее остались полными страха.

— Нет, Абдулла, — сказала она. — Ничего подобного.

— Значит, у тебя беда? — Он попытался вызвать улыбку, но ее замешательство кольнуло его острее ножа.

Она покачала головой:

— Пожалуйста, не сейчас.

— Когда?

— Когда я буду готова.

— Сегодня вечером?

Она оторвалась от дел и посмотрела ему в лицо.

— Когда я буду готова, Абдулла. А сейчас, пожалуйста, перестань на меня давить.

— Я просто хотел понять, в чем дело, и помочь.

— Я знаю.

— Позвони мне, если тебе будет нужно, чтобы я приехал домой.

Внезапно она расплакалась, но, когда он бросился к ней, она остановила его:

— Пожалуйста, поешь и иди.

— Я не хотел огорчить тебя, — сказал он.

Она покачала головой.

— Меня очень трогает твоя забота. Правда.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Только этого Рэйфорду не хватало после долгого полета. Его тяжелый самолет приземлился в Хитроу на час позже из-за погодных условий и плотного движения, затем начался долгий полет домой, так что и пассажиры, и команда были на пределе.

Но Хлоя была его дочерью. Даже больше его дочерью, чем дочерью Ирэн. Кто знает почему? Может, из-за большей привязанности дочери к отцу? Из-за темперамента? Из-за их с Ирэн конкуренции? По тому, что сказала Ирэн, было понятно, что только Рэйфорд сможет поговорить с ней, и кто знает, к чему это приведет?

— Иди спать, Ирэн.

— Я не усну, пока не узнаю, как все прошло.

— Если ты проснешься, когда я вернусь, я тебе расскажу.

— Я не усну, будь уверен.

Они поднялись по лестнице вместе. Рэйфорд вошел в ванную Хлои и остановился перед закрытой дверью.

— Я дома, — сказал он.

— Привет, пап, — услышал он. Голос у нее был смиренный.

— Мы можем поговорить, когда ты выйдешь?

— Да. Подожди в моей комнате.

Рэйфорд растянулся на ее кровати. Это было ошибкой. Он чуть не задремал. Но он знал, что она боится с ним разговаривать. Так что меньше всего он хотел, чтобы она увидела, что он спит. Он сел и окинул комнату взглядом. Все чистенько. Прямо как у него. Стены были увешаны наградами за учебу, за общественную деятельность и внеклассную работу.

Рэйфорд снова вернулся к ванной.

— Ты готова, малышка? — позвал он.

— Не могу кровь остановить, — сказала она.

— Я принесу лед.

Когда он поднялся по лестнице, Хлоя сидела на кровати, прижима ко рту окровавленное полотенце. Он сел рядом и протянул ей пластиковый контейнер с колотым льдом.

— Спасибо. Извини, пап.

— За что?

— За гараж. За машину.

— А как насчет вранья матери?

— Я не врала ей! Я просто не ответила по телефону.

— Ты сказала, что у тебя лопнула шина. Твоя запаска лежит на месте.

— А, ну да. Ладно, прости и за то, что я наврала маме.

— Это ты ей должна сказать.

Хлоя скривилась и кивнула.

— И еще за что ты хочешь извиниться?

Она пожала плечами:

— Мне кажется, больше не за что.

— Значит, ты вечером была именно там, где сказала?

Она кивнула:

— Я была в библиотеке. У меня даже пара книг оттуда есть.

— И сколько ты там пробыла?

— Все время.

Рэйфорд покачал головой и быстро встал.

— Ты сейчас выведешь меня из терпения, Хлоя.

— Что?

— Думаешь, я не в курсе, что библиотеки закрываются в девять? И считаешь, что я не почувствую запах алкоголя в твоём дыхании даже после того, как ты прополоскала рот? И я не знаю, что ты куда лучше водишь машину, чтобы врезаться в угол гаража в трезвом состоянии?

Эти слова достигли цели. Хлоя сломалась.

— Прости, папа. За все прости.

— Что ты пила и где взяла выпивку?

— Пап, не заставляй меня подставлять других. Я была у Шерри, а она разграбила холодильник и папин бар.

— Ты набралась или чуть выпила?

— Думаю, я немного под мухой. Но я со временем пойму, верно?

— Тебе будет хуже, это я тебе точно говорю. Хочешь сказать последнее слово сейчас или утром?

— Я хочу сначала выслушать приговор.

Она с несчастным видом кивнула.

— Ты извинишься перед матерью, и не только на словах. Ты до смерти перепугала ее.

— Я знаю.

— Она всей душой тебя любит. Ты ведь и об этом знаешь, не так ли?

— Иногда она очень странным образом это демонстрирует, папа.

— Но ведь ты это знаешь, не так ли?

— Да.

— Ты сама заплатишь за ремонт машины и гаража, и ты не будешь ни у кого брать машину. Пока твоя машина не выйдет из ремонта, считай, что тебе не повезло. Кроме того, еще две недели тебе запрещается водить машину.

— Можно и без последнего слова обойтись, — сказала Хлоя. — Просто забудем все, и я начну с нуля.

«Неужели я тоже всегда так себя веду?» — подумал Рэйфорд.

— Это честно. Я скажу тебе, что больше всего меня раздражает, Хлоя. Это так недостойно тебя. Ты умна, и не только в смысле учебы. У тебя есть здравый смысл, и ты сообразительна. Начнешь заниматься ерундой, и

твои баллы поедут вниз, твои шансы на стипендию уйдут в ноль, а возможность попасть в хороший университет испарится без следа. Ты ведь хочешь получить профессию, стать успешной женщиной, которая сама сделает карьеру. В общем, это тоже карьера, но ведущая в грязь. Ты такого хочешь?

Она помотала головой.

— Не делай сейчас ничего такого, что потом всю жизнь будет лежать у тебя на душе. Представь себе, что ты в пьяном виде врежешься в чужую машину. Или собьешь пешехода. Насмерть.

— Папа, не надо усугублять.

— А ты не обманывай себя, Хлоя. Ты никогда не сможешь себе простить и не станешь прежней.

Теперь Хлоя откровенно расплакалась. Губа ее распухла.

— Я не хочу тебя разочаровывать, пап. Я хочу, чтобы ты меня уважал.

— Сегодня это нелегко, не так ли?

Она покачала головой.

Он обнял ее, она всхлипнула.

— Окажи мне услугу, — сказал он.

Она выпрямилась.

— Что?

— Твоя мать до сих пор не спит, и ей нужно, чтобы ты с ней поговорила.

— Ой, нет, пап! Не сегодня! Завтра!

Он просто глянул на нее, и она поплелась к спальне матери.

Ирэн не понимала, почему разговор так затянулся. Она была вынуждена признать, что завидует Рэйфорду, потому что Хлоя так долго с ним разговаривает — по крайней мере, нормальным тоном.

Когда дверь приоткрылась и в комнату проник тусклый свет из коридора, она по силуэту поняла, что это не Рэйфорд, а Хлоя. Ирэн быстро села и приняла в объятия свою рыдающую дочь.

— Мамочка, прости меня, — еле выговорила Хлоя. — Я больше не буду.

— Хорошо, что ты не покалечилась сильнее, — сказала Ирэн.

— Я наврала тебе, мам. Я была в библиотеке точно столько, чтобы взять пару книг, а потом мы поехали к Шерри и все напились. С моей шиной все было в порядке, и я не отвечала на твои звонки, чтобы протянуть время. Я не должна была садиться за руль. Прости за гараж и машину.

— Как твоя губа?

— К утру все будет в порядке. Это значит, что ты меня прощаешь?

— Да, конечно, душенька моя. Я люблю тебя.

— Спасибо, мам. Я тебя тоже люблю.

— Но я была бы не против еще одного извинения.

— За что?

— За то, как ты сегодня говорила со мной о Рэйми.

Хлоя вздохнула:

— Я устала. Давай лучше не будем об этом.

— Значит, за это ты вины не ощущаешь?

— Я виновата в том, что вела себя неуважительно, но я все равно скажу тебе, мам, что тут мы не сойдемся. Рэйми слишком мал, чтобы пытаться вбивать ему в голову твою религию.

— Доброй ночи, Хлоя.

* * *

Абдулла Абданех был плотно занят весь день — это не слишком хорошо при полетах на реактивных самолетах. Он учил, инструктировал пилотов, выполнил несколько испытательных полетов. Но думать он мог только о Ясмин. Он ощущал себя ответственным за нее, и причина у него была.

Такая милая девушка. Она всегда была такой. Хорошая мать. Хорошая жена. Он хотел, чтобы она хотя бы была счастлива, насколько может быть счастливой женщина в их традиции. Жизнь для женщин была труднее, чем для мужчин, он был в этом уверен.

Абдулла всегда чувствовал, когда Ясмин что-то угнетало. Хотя она от природы была тихой, что-то такое чувствовалось в ее осанке, самом присутствии, когда у нее лежало

что-то на душе. Она так вела себя с тех самых пор, как впервые поняла, что он уже не настолько правовеверен, как в то время, когда они встретились.

Но она, конечно, не знала, что он никогда не был настолько благочестив, как прикидывался. Ему хотелось произвести впечатление на родителей, которые были истинно верующими мусульманами. А еще ему хотелось произвести впечатление на Ясмин, чтобы она вышла за него замуж.

Но когда она подняла вопрос о том, что с ним творится, почему он изменился, он был удивлен тем, что ей пришлось сказать. Он, конечно же, боялся, что она забьет тревогу, разочаруется, забеспокоится. На самом деле все оказалось наоборот. Она долгое время ходила вокруг да около, затем вдруг призналась, что сама стала меньше молиться, когда его нет рядом.

— Не знаю, что ты подумаешь, Абдулла. Что ты скажешь, когда однажды я вдруг откажусь молиться вместе с тобой в назначенное время?

Ему пришлось об этом подумать. Одно дело, когда решаешь такие вопросы сам для себя. И то же самое, если бы он решил за нее, что ей можно больше расслабиться в своей религиозной жизни. Но самой, лично выбрать вот такой частный бунт — тут он не знал, что подумать, или сказать, или сделать.

— Ты чувствуешь вину? — спросил он.

— Порой. Теперь уже реже, чем поначалу. Сначала я боялась, что Аллах вознена-

видит меня, отвернется от меня, уничтожит меня. Ты тоже такого боялся, Абдулла?

Он улыбнулся и кивнул:

— Да, поначалу. Но теперь я не знаю даже, существует ли он.

— Осторожнее.

— Я понимаю. Но если он такой требовательный, суровый бог, как он позволяет своему народу обращаться против него вот так?

— Тебе не хватает его, Абдулла?

— Не хватает? Нет. Я никогда по-настоящему и не знал его. А ты?

Она робко улыбнулась и покачала головой.

С этого разговора прошло уже года два, и больше они к этой теме не возвращались. Молились только на людях, чтобы не ужасать остальных тем, что они этого не делают. У себя дома религию они не практиковали, даже в отношении детей. В мечеть ходили, только чтобы не возникало подозрений.

Но что сейчас тяготило Ясмин? Что может быть страшнее, по сути дела, утраты религии? Абдулла очень хотел поскорее вернуться домой, чтобы узнать, не готова ли она уже к разговору о том, что у ней на душе. И все же часть его боялась узнать это.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Бизон Уильямс — теперь ему даже нравилось это прозвище — никогда не бывал в Белом доме. Но теперь, сидя в Овальном кабинете вместе со своим боссом и боссом его босса, а также фотографом, не говоря уже о президенте Джеральде Фитцхью и его жене Вильме, Бизон едва сохранял хладнокровие. В душе он чувствовал себя как ребенок, которому не терпится сбежать отсюда и рассказать всем и вся, где и с кем он был, рассказать все до мелочей.

Но, конечно, собрались все тут не ради его. Ради президента, вторично избранного «Глобал уикли» «Персоной года». А свои восторги Бизон мог приберечь на потом. Теперь он должен был выглядеть, говорить и вести себя как профессионал. Он хотел придать этому слишком большое значение в своей карьере. Он предвидел и международные

поручения и — как он надеялся — еще много передовиц.

Бизон был более чем вдвое моложе президента, но его личное обаяние включилось в первое же мгновение его встречи с этим человеком и первой леди. Он поддерживал зрительный контакт, слушал, не говорил о себе и все же умудрялся сопереживать и выказывать неподдельный интерес, когда они заговаривали о доме и детях. Миссис Фитцхью явно обращалась именно к Бизону, и президент этого не упустил.

Джеральд Фитцхью быстро утратил официальный вид, закинул ногу за ногу, начал более активно жестикулировать, шутил больше обычного. В какой-то момент он встал и сбросил пиджак, жена шепнула, что лучше бы не делать этого, ведь журналы фиксируют каждое мгновение.

— Ах, да ладно, Вильма, — сказал он. — Вряд ли я буду баллотироваться на второй срок.

Кэмерон ожидал, что президент окажется вульгарным и грубоватым, согласно своей репутации. Фитцхью часто сравнивали с молодым Линдоном Джонсоном. Возможно, из-за присутствия жены Фитцхью ни разу не сказал ничего особо вульгарного. Его взбрыки стали легендой среди обслуживающего персонала, но Бизону он показался просто слегка грубоватым и моложавым.

Не в стиле Бизона было следовать заранее заготовленному списку вопросов. Он пред-

почитал маленькие карточки с пятью проблемами, которые хотел бы обсудить с президентом. Он надеялся не затрагивать их, пока не попадет в тупик, и планировал строить следующие вопросы на основе ответа Фитцхью. Это делало разговор не столь формальным, скорее приватной беседой, чем интервью, и позволяло Кэмерону оставаться в разговоре вместо того, чтобы постоянно сверяться с блокнотом. Его коллеги оказались более полезны, чем он ожидал, задавая трудные вопросы, а на основе ответов — еще более легкие, предвкушая заготовленные ответы.

Каждый раз, как Фитцхью давал заготовленный ответ, Бизон давил, уважительно, но твердо, заставляя объяснять свои слова публике. Бизон верил, что это — высшее призвание журналиста.

Они обсуждали международную торговлю, вопросы обороны, бюджет, здравоохранение и социальное обеспечение. Наконец, Бизон спросил в своем персональном стиле:

— Это правда? Вы правда много кричите на людей? Быстро заводитесь?

Фитцхью не замедлил с ответом.

— Виноват, — сказал он, глянув на жену. — Конечно, лично с ней у меня такое не проходит. Я не могу ее уволить, понимаете? Но я стараюсь не повышать тон с моими людьми. Работаю над этим. У нас много дел, а с терпением у меня плохо. Тут я могу исправить ситуацию. Получится ли? Сомневаюсь.

Менее чем через час начальник штаба Фитцхью вошел в комнату и знаком показал, что время истекает. Президент встал и снова надел пиджак и горячо пожал руку Бизона.

— Не думайте, что я не понимаю, какой вы ребенок.

— Сэр?

— Мои люди покопались во всем этом материале, это вас не должно удивить. Я знаю, сколько вам лет, откуда вы родом, знаю о вашем дипломе. И скажу вам, с тех пор, как стал президентом, у меня не было более приятной встречи с журналистами.

— Спасибо, сэр.

— Это не просто слова, — сказала миссис Фитцхью. — Редко вижу его таким раскрепощенным. Надеюсь, вы не воспользуетесь ситуацией?

— В смысле?

— Он был более общителен, чем его люди предполагали.

— Ну, мэм, это же все на записи.

— Я знаю, — ответила она. — Я просто надеюсь, что это не была засада. К нам порой приходят люди и делают вид, будто поддерживают его, а потом пишут всякую мерзость.

— Ну, я не могу сказать, что я его поддерживаю, но будьте уверены, что я не собираюсь устраивать пакость. Это будет честная статья о «Персоне года», в которой президент сможет высказать свои мысли, что, как мне кажется, он и сделал сегодня.

Ясмин не желала начинать серьезный разговор, пока они не поужинали и дети не легли спать. Абдулла чуть с ума не сходил от растерянности и тревоги. Он покончил с ужином слишком быстро и съел слишком много, что было ему совсем несвойственно. Затем он выпрямился и стал смотреть на Ясмин, пока та убирала со стола и укладывала детей. Он пытался найти в ее печальном, застывшем лице хоть какой-то намек на то, о чем она собиралась говорить.

Наконец, они оба сели у открытого окна. Абдулла надеялся, что потянет хоть легким ветерком, который хоть немного охладит жаркий воздух в доме.

Они долго сидели так. Абдулла ждал, Ясмин вздыхала, словно вот-вот заговорит, затем снова умолкала. Абдулла думал, что сейчас свихнется.

Наконец, терпение его иссякло.

— В чем дело, Ясмин? Рассказывай.

— Я кое-кого повстречала, — тихо сказала она.

Абдулла застыл. Затем встал.

— Кое-кого? У тебя другой мужчина?

— Сядь, Абдулла. Это не мужчина.

— Думаешь, от этого легче? Ты кого-то повстречала. И это женщина?

— Сядь. Нет, ты совсем не об этом думаешь. Тебе не о чем беспокоиться, я верна

тебе. Я опасаясь того, что ты со мной сделаешь после того, как услышишь все.

— Что услышу-то? — садясь, спросил он. — Пожалуйста, начинай!

— Недели три назад я была на рынке возле аэропорта, когда появились туристы. У них задержали самолет, и в аэропорту им предложили познакомиться немножко с местной культурой и направили на базар.

— Значит, ты встретилась с кем-то из них.

Ясмин кивнула.

— Ее зовут Элла Линдквист. Ей было около шестидесяти, мне так показалось. Замужем, хотя мужа с ней не было. Они миссионеры в Объединенных Арабских Эмиратах. Он остался ждать ее там. Она возвращалась в Штаты, чтобы навестить семью.

— Что за миссионеры? От ЦРУ, католической церкви, чего еще?

— Она сказала, что они евангельские христиане.

— Ты говорила с ней достаточно долго, чтобы узнать это?

— Она почти сразу это сказала, Абдулла. Она была замечательной и ласковой, но я не знала, что думать. Так часто, когда с тобой на людях заговаривает чужак, ему что-то от тебя надо. Денег, времени. Что-нибудь.

— А что она хотела?

— Элла просто хотела понять меня. Она сказала, что ее почему-то потянуло ко мне и ей стало любопытно узнать о нашей жизни и традициях. Ее поразили различия между здешней жизнью и ОАЭ.

— Продолжай.

— Почти сразу же, вежливо осведомившись, есть ли у меня время поговорить — и, должна сказать, Абдулла, я тоже сразу ощутила между нами какую-то связь, непонятно почему, — она напрямую спросила меня о моей религии. Она сказала — полагаю, вы мусульманка. Я ответила — вы не ошибаетесь. Элла сказала, что изучала нашу религию и что ей интересно, не могу ли я кое-что ей разъяснить. Она расспрашивала о мечети, ритуалах, молитвах, и я сказала, что она, видимо, черпала сведения из хороших источников. Затем она спросила, как мне помогает ислам.

Ясмин посмотрела пронзительным взглядом в упор на Абдуллу. Это было как раз то, о чем они говорили несколько лет назад.

— И что ты ей ответила?

— Я не знала, что ей ответить, Абдулла. Что я могла сказать? Я хотела солгать. Хотела сказать, что я довольна, послушна и исполнительна и что в будущем я надеюсь на вечное вознаграждение.

— И?..

— Я не могла ни слова проинести. Каждый раз, как я хотела открыть рот, мне перехватывало горло от слез.

— Слез?

— Элла смотрела на меня с таким любопытством, сочувствием и любовью, что меня просто захлестнула необходимость сказать ей всю правду. Я не понимаю этого, Абдулла. Я знала ее всего несколько минут, и вот —

стою на глазах у всех, реву и ни слова сказать не могу.

— А что она сделала?

— Она прикоснулась ко мне. Ты знаешь, как здесь это редко бывает. Она повела меня в маленькое кафе, где мы и сели снаружи. Она извинилась за то, что расстроила меня, и сказала, что я могу не отвечать, что мне надо взять себя в руки, а пока она будет говорить, если я не против. Я была не только не против, меня очередной раз поразила ее чувствительность. Это было как раз то, чего я хотела и в чем нуждалась. Я кивнула, и пока мы пили кофе, она рассказала мне о себе.

— Забавные люди американцы, правда? — сказал Абдулла. — Рэйфорд Стил рассказал мне то, чего и своей жене не говорил, а мы всего день были знакомы.

— Она рассказала мне о своей жизни. Ее родители служили миссионерами в Южной Америке, там она и родилась, затем они вернулись в Штаты. Там она выросла, встретила мужа в Библейском колледже. Оба ощутили призыв Бога стать миссионерами в этой части света.

— Призыв Бога?

— Так она сказала. Я, в конце концов, успокоилась и смогла говорить. Я спросила — и что Бог велел вам делать здесь? Она ответила — рассказывать людям истину о Нем. О том, что Он их любит, заботится о них, хочет знать их и помочь им узнать Его.

— Я знал совсем другого Бога, — сказал Абдулла.

— Вот и я так подумала, — сказала она. — Элла посмотрела на часы и сказала, что ей пора возвращаться в аэропорт, так что не против ли я, если она быстренько кое-что мне расскажет. Я сказала, что с удовольствием услышала бы больше, и мы пошли в аэропорт, а по дороге она со мной разговаривала. Она сказала, что служит Богу, Который есть любовь, который не требует ритуалов и обетов и не ищет повода покарать Своих детей. Она называла себя Его чадом, Абдулла. Ты когда-нибудь чувствовал себя сыном Бога?

Абдулла покачал головой. К чему она ведет? Одно дело — быть ленивым мусульманином. Совсем другое — сменить религию.

— Вот и я тоже, — сказала Ясмин. — Элла спросила, можно ли ей молиться за меня, и когда я сказала — да, она тут же склонила голову и стала говорить с Богом. Я была так растеряна, а она разговаривала с Ним так, будто знала Его, словно Он был ей другом, словно она просто приняла то, что Он ее любит и заботится о ней. Я была глубоко тронута.

— Могу сказать, что ты до сих пор под впечатлением.

— Ей надо было идти, Абдулла, но мне не хотелось ее отпускать. Я прошла с ней до самого аэропорта, и по дороге она все время говорила. Она пообещала написать мне по электронной почте и держать со мной связь. И написала. Я общалась с ней каждый день, часто и по нескольку раз в день. Она учит меня, показывает мне цитаты из Библии, открывает мне Бога, который любит всех, даже грешников.

— Разве ты согрешила, Ясмин? Это то, о чем ты хочешь мне сказать?

— Я поняла, что все мы грешники. Мы все отделены от Бога. Но Он открывает нам путь, чтобы мы могли вернуться к Нему. Он простит нас и омоет нас от грехов. Это самая красивая история, какую я в жизни слышала.

— Так что тебя так обеспокоило?

— Я боялась твоей реакции.

— На что? Ты обратилась, что ли?

— Я всем сердцем этого хочу, Абдулла. Но я не знаю, что это будет значить для тебя, для нас обоих. Когда твоя жена, мать твоих детей, отворачивается от религии своего детства, навлекает позор на всю семью, от чего многие сочтут, что я заслуживаю смерти... это непростое решение.

— Но что это за решение? Что потребуется от тебя? Откуда люди узнают?

Ясмин встала и подошла к окну, затем повернулась к мужу лицом.

— Не бывает тайных христиан, — сказала она. — Я не могу притворяться тем, чем не являюсь, так, как мы с тобой изображали приверженность исламу долгие годы. Если становишься христианином, то ты бросаешь старую жизнь и вступаешь в совершенно новую. Я не могу стать христианкой, не сказав об этом людям

— Но мусульмане чтят Иисуса! Ты можешь одновременно быть и христианкой, и мусульманкой!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Все в «Глобал уикли» называли Кэмерона Бизоном уже несколько недель, так что он опешил, когда Стив Планк внезапно бросил ему:

— Кэмерон, минутка есть?

Бизон также удивился, увидев в кабинете у Планка Хуана Ортиса, у которого был такой вид, будто ему хотелось бы провалиться куда угодно. Он был главой международной редакции «Глобал уикли».

Ортис заговорил первым:

— Ничего личного, Уильямс...

— Подожди минутку, — перебил его Планк. — Хуан пришел высказать свои сомнения, Бизон, а ты мой стиль работы знаешь. Он сомневается в моем решении повысить тебя с должности штатного корреспондента до старшего корреспондента, и мне кажется, что, если у человека его положения

есть с тобой проблемы, он должен решить их с тобой напрямую.

— Но проблема не с ним, Стив, — сказал Хуан. — Проблема, как ты сам заметил, в твоём решении.

— Но мое решение касается Бизона. И теперь, когда он стал старшим корреспондентом, я хочу, чтобы ты использовал его на твоём направлении. Если у тебя с ним проблемы, давай начистоту.

— Дело даже не в твоём возрасте, Кэмерон, — продолжил Ортис. — Я и прежде работал с молодежью.

— Я слышал, что когда-то и вы были молодцы, — сказал Бизон.

Планк рассмеялся. Ортис — нет.

— Я был молод и неопытен, как ты. Ты отличный корреспондент, не надо быть гением, чтобы это увидеть. Но международная журналистика — сложное дело, корреспондент должен иметь большой опыт и заслуги прежде, чем возьмется...

— У меня хороший опыт общения с людьми, мистер Ортис. Сотни репортажей, интервью, биографических очерков, статей.

— По международным вопросам?

— Люди везде люди, сэр. Жизнь для всех жизнь.

— Верно, но имеются различия в культуре, происхождении, этикете — сам знаешь.

— Согласен. И где же мне получить такой опыт?

— Точно, что не здесь. Прежде чем прийти в «Глобал уикли», тебе надо было бы нау-

читься хорошенько разбираться в мировых проблемах, затем пройти что-то вроде ученичества, поездить с опытным репортером и сделать несколько статей для него или нее.

— Как вы.

— Именно.

— Я готов.

— Готов?

— Конечно. Я буду польщен, если мне выпадет возможность поработать под вашим руководством, мистер Ортис. В какой проблеме вам помочь?

Хуан откровенно обалдел.

— А тебя не волнует, что я не очень-то в восторге от тебя, в отличие от босса? То, что я считаю, что тебя слишком быстро повысили?

— Я тоже, наверное, думал бы так, если бы проработал здесь столько, сколько вы. Я ведь только на пару лет моложе, чем были вы, когда вас назначили старшим корреспондентом, не так ли?

— Думаю, что так.

— Значит, до меня вы были самым молодым?

— И это тоже верно.

— Проблема в этом, Хуан? — спросил Планк.

— Никоим образом. Я начал сразу после колледжа курьером, отработал положенное и пробился наверх.

Стив обратился к Бизону:

— У Хуана очень избирательная память. Он не помнит, в отличие от меня, что его точно так же приняли в штyki, когда Стэнтон

Бейли, в то время занимавший мою должность, назначил его старшим корреспондентом в очень молодом возрасте.

— Очень молодом, — подтвердил Хуан. — Но я был очень опытным.

— Так вы берете меня под свое крыло, мистер Ортис? Если Стив не против?

Хуан закинул ногу за ногу и откинулся на спинку кресла.

— Ты хочешь сказать, что ты способен к обучению и готов учиться?

— Но я ведь об этом и говорил, не так ли?

— И я тоже, — с улыбкой заверил Стив. — Я собирался предложить то же самое.

— Ты не будешь отчитываться передо мной, — сказал Хуан, — но будешь получать указания и приказы от меня.

— Согласен. Буду весьма польщен.

— Это будет нелегко.

— Я и не ищу легких путей.

— И прекрати все время соглашаться со мной.

— Извините. Я хотел сказать — еще чего! Нормально?

* * *

Абдулла Смит Абданех спал тревожным сном. Его мысли были в смятении. Одно было понятно — это все из-за него. Его вина. Ясмин была готова забыть родную религию и обратиться в христианство. Ее не удалось

убедить просто почитать Иисуса в рамках собственной веры. Для нее исламское понимание Иисуса было неверным. Они не приравнивали его к Мухаммеду и уж точно не считали равным Аллаху.

Для Ясмин Иисус был сыном Бога, Богом, высшим, трансцендентальным, Спасителем человечества. Абдулла мог бы смириться с этим — особенно с учетом его собственного небрежного отношения к религиозной практике, — за исключением того, что для нее не было легкого пути. По ее мнению, как он понял, обращение означало публичность. Она не может одновременно быть мусульманкой и христианкой, а быть христианкой значит, согласно ее вере, поведать об этом всем остальным.

Абдулла не спал уже много ночей. Странно, но он отчасти завидовал Ясмин. С одной стороны, у нее была подруга, которой можно было довериться, которая искренне пеклась о ней и ее душе. Элла Линдквист писала ей каждый день, иногда по нескольку раз в день, а порой даже звонила Ясмин.

— Тебе не кажется, что на тебя давят? — сказал раз Абдулла.

— Ни в коем разе, — заявила Ясмин. — Я ощущаю, что она меня любит. Я столько узнаю, и моя душа откликается на это, Абдулла. Мне все это кажется верным и правильным, словно я нашла то, что искала всю жизнь, даже не осознавая этого.

Несколько дней промучившись, Абдулла взмолился Аллаху. Он прежде никогда ни о

чем не просил, разве что когда был в опасности. Обычно его молитвы состояли из восхвалений Аллаха и Мухаммеда. Он механически совершал намаз пять раз в день в течение многих лет прежде, чем начал уставать. И вдруг он обнаружил, что начинает становиться правоверным. Если что и могло вовлечь его в большие неприятности с богом, в существовании которого он до сих пор не был уверен, то это было обращение его жены в другую веру.

И Аллах, как он теперь был твердо уверен, ответил ему. Глубоко в сердце Абдулла ощутил уверенность в том, что у него нашелся ответ для Ясмин. Беда была в том, что он слишком долго тянул, чтобы сказать ей. Он раздумывал над этим несколько дней, пытаясь облечь это в наиболее убедительные слова. Поздним вечером, когда он собрался с духом, чтобы поднять этот вопрос, она опередила его.

— У меня есть новости, — сказала Ясмин, ложась рядом с ним в постель. — Я, наконец, приняла решение. Я молилась так, как научила меня миссис Линдквист, сказала Богу, что понимаю, что отделена от Него моим грехом и что мне нужно прощение. Мне нужен Спаситель. Я приняла Его Сына, Иисуса Христа. Линдквист сказала, что я родилась заново.

Абдулла закрыл глаза и провел по лицу руками.

— Ты это сделала и не сказала мне?

— Я говорила тебе, Абдулла. Мы долгое время это обсуждали, теперь это случилось, и я говорю тебе об этом.

— Но ты не посоветовалась со мной, не попросила разрешения.

— Твоего разрешения? — переспросила она. — Ты меня считаешь ребенком? Или твоей собственностью?

— В каком-то смысле ты моя собственность. И я должен тебе сказать — я не позволю тебе этого сделать.

Ясмин заговорила тихо-тихо.

— Не хочу выказывать неповиновение тебе, Абдулла, но это не пустяковое решение. Это моя жизнь. И я хочу вырастить так моих детей.

Абдулла не раз слышал выражение — «кровь застыла в жилах». Теперь он понял, что это означает. По его телу прошла дрожь, в глубине души созрело решение. Чувство вины охватило его за то, что он такой плохой, такой непоследовательный мусульманин и вот-вот потеряет жену. Но еще и детей? Он не мог этого позволить. Просто не мог. Он просто не сможет после этого жить.

— Мои дети мусульмане, Ясмин, — сказал он. — И воспитываться они будут в традициях ислама.

Ясмин встала, набросила халат, вышла из спальни. Он пошел за ней, и они сели друг напротив друга в гостиной.

— Я всей душой молюсь, чтобы нам не пришлось из-за этого ссориться, Абдулла. Ты не больше мусульманин, чем Элла Линдквист или ее муж. Для тебя это просто удобная религия. Ты не веришь в Аллаха. Ты не веришь в Мухаммеда. Если бы верил, то вы-

полнял бы свои обещания и обязательства перед ними всегда, а не только тогда, когда другие смотрят.

— Я сбился с пути и сожалею об этом, — сказал он. — Я был плохим примером для тебя, плохим мужем. Но ты пробудила меня. Я вернусь со всем рвением к моей религии. Я верю, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его. Иисус вполне с этим сочетается. Он есть в нашем священном писании.

— Иисус был раньше вашего священного писания, — сказала Ясмин. — И Он Сам сказал, что Он — путь, истина и жизнь и никто не может прийти в Богу, кроме как через Него. Если ты в это не веришь, не говори, что Он совместим с исламом.

Хотя Абдулла был сообразителен и технически образован, он никогда не думал, что может мудростью сравниться с женой. Он не мог с ней спорить, не мог ее убедить.

— Я намеревался поговорить с тобой как раз сегодня вечером, — сказал он. — Я хотел просить у тебя прощения за то, что я был дурным примером, и дать мне время, чтобы снова вернуться на путь истинный. Подожди со своим решением и вернись к традициям нашей религии. Там ты найдешь истину, счастье и довольство.

Ясмин потупила взгляд и покачала головой.

— Что? — спросил он.

— Мы оба пережили наш период религиозного рвения, — заявила она. — Было время в нашей жизни, когда никто из нас не

усомнился бы в своей вере. И это приносило тебе удовольствие? Счастье? — Она не стала ждать ответа. — Вот и я тоже, Абдулла. Я нашла то, что хотела. Я действительно пришла к Богу. Мне не надо заслуживать Его благосклонность. Я не могу, и это хорошо.

— Тебе ничего не надо делать, если ты христианка? Не надо молиться, поклоняться и выказывать рвение?

— Конечно надо. Но не для того, чтобы заслужить милость Господа. Скорее, это благодарность за те дары, что Он нам дал.

— Дары?

— Вечную жизнь и прощение.

— А ты не боишься гнева Аллаха?

Ясмин вздохнула:

— Если бы я боялась Аллаха, я осталась бы рабыней требований ислама. И ты тоже. Так почему же ты теперь стал бояться его?

Вечный вопрос. Абдулла действительно боялся Аллаха. Он боялся, что его бог действительно существует. Что ему не наплевать на Абдуллу и что он теперь увидит, что Абдулла — распутник, неверный, ошибка. Хуже — если что-то вообще может быть хуже — Абдулла считал угрозой своему достоинству мужчины тот факт, что его жена утратила рассудительность. Она прежде никогда не была дерзкой, упрямой, непреклонной, не противилась его воле. А теперь она противоречила всему, что он говорил.

Абдулле хотелось быть твердым, слушать, внимать, обсуждать эти жизненно важные вопросы. Но стерпит ли он такое неповино-

вание от своей жены? Неужели ему нечего сказать, нечем переубедить ее? Может ли он соперничать с этим божественным женихом? И как же получилось, что она вот так, очертя голову, приняла это решение, которое, по ее собственным словам, было жизненно важным, и не посоветовалась с ним?

Да, конечно, они обсуждали этот вопрос, но Абдулла как-то упустил, что Ясмин слишком глубоко уверовала. Притяжение, обаяние пожилой женщины — такой уверенной в своей жизни и вере — видимо, оказались непреодолимыми для нее.

Они могли просидеть здесь, споря, до рассвета, но главным было то, что Абдулла не мог с этим смириться. Не мог принять. Не мог позволить.

— Ты должна сказать миссис Линдквист, что поторопилась. Передумала. Что ты молилась об этом, обсудила проблему с мужем и увидела, что ошиблась. Ты останешься мусульманкой, будешь практиковать ислам. Ты не можешь так поступить с мужем и детьми. Ты не будешь христианкой.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Николае Карпати превратился в прожженного политика, дипломата, государственного мужа и возмутителя спокойствия в мировом масштабе. Он находил поводы для того, чтобы путешествовать, устанавливать связи с главами государств, которые и не думали назначать аудиенцию какому-то депутату нижней палаты румынского парламента — только он был так настойчив! Он стал самым популярным человеком у себя в стране. Им восхищались, его уважали, его прославляли даже противники.

Он был проповедником мира. Он выступал за разоружение. Это приятно щекотало слух его коллег в Европе и большинстве стран мира. Он еще не побывал в Соединенных Штатах, но он становился известен во всем остальном мире. Блестящий ум Карпати, деловая жилка, его достижения каким-то

образом стали известны всем, причем сам он к этому руку не прилагал. А то, как он уклонялся от восхвалений в свой адрес, заставляло людей превозносить его больше и больше.

Чем больше он получал, тем больше ему было нужно, и часто он чуть не терял сознание от восторга и падал, едва удалившись от взглядов публики.

Николае научился искусству самоуничтожения. Или, по крайней мере, научился казаться скромным.

Его целью была верхняя палата парламента, а затем — президентское кресло, когда кончится второй срок. Аналитики уже называли его фаворитом.

* * *

Ирэн беспокоило то, что Рэйми, неофит, еще полный восторга от своей новообретенной веры, не получит всего, что ему нужно, если она каким-то образом не сумеет окончательно перейти в церковь Новой Надежды. Рэйфорд по-прежнему был категорически против, а Хлоя опять начала поднимать шум насчет того, чтобы вообще перестать ходить в церковь.

Ирэн взяла за обычай записывать все, что она узнавала от Джеки, и пересказывать это языком, понятным для Рэйми. В этом была двойная польза — она не только давала осно-

вательное образование Рэйми, но укрепляла и свои знания. Все, в чем Ирэн сомневалась, все, что могла приукрашивать в прошлом, — все это она теперь вытрясала из Джеки. Она хотела понимать все до конца, чтобы учить самой.

Очень трогательно было видеть, как Рэйми все чувствительнее относится к поведению сестры и отца. Он каждый день молился за них, часто спрашивал Ирэн, что же такое они не заметили или упустили.

— Это же так просто, — говорил он. — Я хочу только, чтобы у них было то, что имеем мы.

* * *

Кэмерон Бизон Уильямс был уверен, что он почти завоевал симпатии Хуана Ортиса. Да, конечно, он по-прежнему видел его негодование, раздражение и, конечно, разницу поколений. У Хуана была семья, и хотя его рабочая этика в течение трудового дня была непоколебимой, он всегда находил повод вернуться домой в приличное время. Бизон не думал, чтобы Хуан когда-нибудь любил свою работу так же, как он сам, потому и фыркал и качал головой в ответ на готовность Бизона вкалывать шестнадцать часов в день.

Поездки в другие страны были для Бизона в новинку, ему нравилось посещать отделы

редакции «Глобал уикли» в различных больших городах мира и знакомиться с главными редакторами. Среди его фаворитов была Люсинда Вашингтон, степенная афроамериканка, которая руководила редакцией в Чикаго. Кэмерону заказали статью, и он провел три дня в местной редакции, ощутив искренний интерес к себе со стороны Люсинды.

— Я не буду называть тебя этим дурацким прозвищем, — сказала она. — Так и знай.

— Правда? Почему? Я уже полюбил его.

— Бизон? Бизон? Во-первых, в моем окружении это не самое хорошее слово, понимаешь ли.

— Никогда об этом не думал. Извините.

— И еще я знаю, откуда оно взялось. Ребята из Нью-Йорка говорили мне, что ты ломаешь все традиции. И вот что я тебе скажу — мне это по нраву. Если бы я сама не ниспровергала традиции, я до сих пор сидела бы в отделе писем. Веди себя вежливо и делай свое дело, и люди к тебе потянутся, даже если порой ты будешь идти против течения. Люди, которые выводят меня из себя, — это те, кто постоянно ноют, жалуются, говорят, что у них есть идея получше, но эти идеи толку не дают все равно. Делай как хочешь, но делай — вот что я скажу.

— Присоединяюсь, — сказал Бизон. — И можете называть меня как пожелаете.

— И буду, Кэмерон.

Когда-нибудь Бизон расспросит Люсинду обо всех безделушках в ее кабинете. Среди рисунков ее детей, портретов мужа и ее соб-

ственного висело изображение Иисуса. Там же блестело безвкусное сердечко из желтого металла с надписью «Бог есть любовь».

Ему приходилось и прежде по работе встречаться с людьми веры, как он их называл. Но большинство в этом отношении были весьма сдержанны, почти скрытны. Словно бы понимали, что они в меньшинстве, и не желали выглядеть людьми со странностями. Люсинда Вашингтон вряд ли могла показаться дамой со странностями, несмотря на ее религиозные убеждения и рвение. У нее была репутация умного репортера и писателя, и людям нравилось с ней работать. Она постоянно спорила с Нью-Йорком по поводу своих людей и их места в журнале, и начальство тем не менее ее уважало.

Бизону нравилось, как она на него смотрит — словно могла заглянуть в душу. Насколько он понял, она относилась к нему как мать к сыну, и то, что она ему симпатизирует и возлагает на него свои ожидания, пробудило в нем самые лучшие чувства.

* * *

Когда Хлоя Стил училась в седьмом—девятом классах, она показывала такие хорошие результаты, что к ней ежедневно стали приходить письма из университетов всех штатов. Она шла в первую пятерку в своем классе и нацелилась на выступление с при-

ветственной речью в начале года в роли лучшей выпускницы.

Ирэн переполняли восторг и гордость, но ее восторги утихали при осознании перемены, происходящей в ее дочери. Хлоя переняла все лучшие черты Рэйфорда. И это было прекрасно. Но она унаследовала и худшее, а это никуда не годилось.

С одной стороны, она была пытлива, любознательна, трудолюбива и, конечно же, очень умна. Она могла сделать домашнее задание по пути в школу и получить твердое «хорошо». Но Хлоя работала над заданием. В определенное время каждый вечер она садилась за работу, и Ирэн могла часы по ней сверять.

Хлоя сама наказывала или награждала себя за счет своего свободного времени. Если она заканчивала свою работу в назначенное время, она шла гулять с друзьями. Если нет, она оставалась дома и пропускала прогулку, но работу заканчивала. Ирэн с Рэйфордом были счастливы, что инцидентов вроде того, когда Хлоя пришла домой пьяной или позже назначенного срока, больше не повторялось. В этом отношении она была просто образцовым ребенком.

Но, с другой стороны, Хлоя начала воображать, что мир вращается вокруг нее, что она никому не обязана давать отчет и что она в любом случае знает лучше других, что ей делать, — особенно лучше матери. Она верила только в то, что можно было увидеть и пощупать. Для нее Бог был

просто концепцией, но как личность Он не существовал.

— Если тебе угодно считать Его реально существующей личностью, поклоняться Ему, жить ради Него, изучать Его, все такое — то на здоровье, — сказала Хлоя Ирэн как-то вечером. — Но с меня хватит. Я вынуждена настаивать на том, чтобы ты обращалась со мной как с полностью дееспособной личностью и перестала заставлять меня ходить куда бы то ни было, чтобы сидеть там с постным лицом, когда я там ни слову не верю.

— Ты не веришь в Бога?

— Я бы не хотела так говорить, мама. Я в лучшем случае агностик. Я честно говорю — я не знаю. Я склоняюсь к атеизму, но жизнь на кон за него не поставлю. Но делать вид, что я поклоняюсь, слушаю, учусь, когда это в моей жизни играет роль ничуть не большую, чем все остальные дисциплины, — ну это же нечестно.

— Что же, я все равно была бы благодарна, если бы ты удовлетворила мое желание и до поступления в колледж...

— Мама, не надо опять, ладно? Я не буду ходить в церковь с тобой. То есть пойду, если Рэйми будет участвовать в какой-то программе или вроде того, но не более.

— Хлоя, ты еще не в том возрасте, чтобы говорить мне, что ты будешь делать, а чего не будешь...

— Мама, сядь и выслушай меня. Именно сядь и выслушай.

Против воли Ирэн села. По крайней мере, Хлоя вела себя вежливо.

— Правда в том, что я уже в том возрасте, когда я могу говорить тебе, чего я не хочу делать. Как ты собираешься меня наказать, если я откажусь?

— Я попрошу твоего отца заставить тебя силой.

— Не надо, мама. Он что, взвалит меня на плечо, вытащит из машины и понесет в церковь?

— Я могу лишить тебя машины.

— Мама, спасибо тебе за то, что ты решаешь мне брать машину, но если ты запретишь, я придумаю что-то другое.

— Мы не будем оплачивать твою учебу.

— Мама! Ты с Луны свалилась? Ты что, ни одного из этих писем не читала? Это предложения об обучении полностью за счет государства. И из университетов, куда я хочу поступить.

— Но ты же останешься на Среднем Западе?

— Нет уж. Я думаю уехать в Стэнфорд.

— Ты же не поедешь в колледж за две тысячи миль отсюда, Хлоя?

— На самом деле я думаю, что поеду.

— Мы поговорим об этом, когда вернется твой отец.

— Он на моей стороне, мама. Смирись.

* * *

Как-то утром Николае Карпати ощутил, что азарт и интрига жизни бизнес-магната

стали рутинными и, что хуже, надоели. То, что прежде давало ему повод к действию, подхлестывало его, теперь заставляло спрашивать: «Что, опять?»

Он легко мог уйти из бизнеса, позволить кому-нибудь управлять им от его имени. Если бы Леон не был главным его исполнительным директором, то он подыскал бы ему такого человека. Но не прошло и нескольких дней с того момента, как Николае осознал, что бизнес не привлекает его по-прежнему, как это ощущение стало все более усиливаться. Бизнес тяготил его. Мешал ему. Раздражал.

Он хотел рывка. Пора было продвигаться вперед, расширяться. Взять то, что он считал своим по праву. Он преклонил колена перед своим господином и хозяином, поклонился ему в обмен на все царства мира. Может, от него еще что-то требуется? Он был самым умным. Самым начитанным, самым образованным человеком в мире, владел столькими языками, как никто другой.

Николае Карпати пора было явить себя миру.

Он больше половины времени проводил в своем кабинете, просматривая журналы и глядя международные новости. Он знал все обо всех и обо всем. Окажись с ним в этом кабинете эмир какого-нибудь самого задрипанного султаната, Николае был бы способен разговаривать с ним как с лучшим другом. Он знал бы имя его жены — или жен, — сыновей и дочерей. Членов его кабинета. Советников. Врагов. Его сильные и слабые места, его страхи и мечтания. Нико-

лае верил, что изучил мир лучше любого ныне живущего человека.

Они с Леоном обсуждали стратегию того, как бы обойти выборы в сенат и направиться напрямик к главной цели сразу после двух сроков в палате депутатов. Это будет нелегкое дело. Несмотря на все их планы, Николае не был уверен в успехе на все сто процентов. Он не мог ничего упустить. Его выступление в качестве поборника мира было четко рассчитано по времени, его репутация и рейтинг были высоки, как никогда. Теперь остается только добыть главный приз.

* * *

В течение года или около того Рэйфорд Стил обнаружил, что его жизнь и карьера достигли зенита — и в то же время надира. В рамках «Пан-Континентал» ему было уже некуда стремиться, разве что в руководство. А это его не привлекало.

Он водил флагманы воздушного флота кампании, сам выбирал маршруты, в буквальном смысле слова определял свое расписание. Рэйфорд уладил последнюю ссору между Ирэн и Хлоей, что привело к тому, что Хлоя перестала ходить в церковь и воскресную школу. С тех пор Ирэн стала холоднее относиться к нему.

Рэйфорд не понимал, что у нее за проблемы с Хлоей. Более идеальной дочери просто

не бывает. Это же просто сокровище, няшечка, как сказали бы ее друзья. Она недавно выразила намерение принять предложение о полностью бюджетном обучении в Стэнфорде, и хотя он не мог представить, что эта вчерашняя малышка уедет так далеко от них, он гордился ею невероятно.

Он возлагал такие же высокие надежды на Рэйми, но мальчик его беспокоил. Неужто он будет маменькиным сынком? Он не был неженкой, не походил на девчонку, только вот слишком втянулся в религию Ирэн. Это к хорошему не могло привести. Но что делать мальчику его возраста — и особенно старше — в церкви? Надо что-то предпринять. Хлое удалось отговориться от постоянных посещений церкви, но Рэйфорду придется теперь разбираться и с занудством Ирэн и с нытьем Рэйми. Рэйфорду становилось все труднее выискивать причины для того, чтобы не ходить в церковь, что уж говорить об обещаниях наверстать упущенное.

Единственным интересным светилом на горизонте Рэйфорда оставалась Хэтти Дурхем. Она в конце концов дослужилась до международных рейсов и периодически летала вместе с ним в Англию и другие точки на Востоке. Ее целью было добиться положения старшей бортпроводницы и наработать стаж, чтобы самой выбирать рейс. Она ясно дала понять, что будет выбирать его рейсы, если он не против.

Рэйфорд ответил, что он не против.

По иронии судьбы, несмотря на все то возбуждение, которое охватило его, когда он всего лишь сказал это, сейчас их разделяло даже большее расстояние, чем прежде. Рэйфорд еще ни разу даже не коснулся этой женщины.

Он был педантичен. Он надеялся, что его взгляды, жесты, тон голоса скажут все. Но Хэтти в их взаимоотношениях шла именно на близкий контакт. Порой легко клала руку ему на плечо, когда пыталась разминуться с ним у переборки. Опускала руку ему на спину, когда приносила кофе в кабину. Касалась руки, беседуя за случайным ужином или благодаря за то, что подбросил домой — а такое бывало часто.

Рэйфорд никогда не бывал у нее дома, и редко они виделись друг с другом наедине. Но при такой жизни, да еще с тревожными признаками приближающегося кризиса среднего возраста, Рэйфорд начал допускать крамольные мысли. Он говорил себе, что если что-то сломается, или если его назначат на борт номер один или два, или его публично поблагодарит ЦРУ или министерство обороны за скрытую, но ограниченную консультацию, то это поможет ему вернуться в колею.

Он сможет выбросить из головы мысли о красивой молодой бортпроводнице и как-нибудь заставит себя механически продолжать свою скучную женатую жизнь.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Абдулла Смит Абданех совершил самую большую в своей жизни ошибку и намеревался исправить ее. Он попытался запугать Ясмин, пригрозив, что отберет у нее детей, если она будет продолжать настаивать на своем обращении в христианство. Она забрала детей, бросила его и публично заявила о своей новой вере.

Чтобы сохранить лицо, Абдулла подал на развод, но когда она в ответ подала иск о полной опеке над детьми, его жизнь начала разваливаться на глазах. Он перестал платить за дом и потерял его. Он поселился на авиабазе, тщательно избегая всякой демонстрации приверженности исламу и даже начал пить.

Его моральный дух также упал, и когда Ясмин удалось подтвердить факт его измены перед окончательным разводом, ей не доставило труда получить опеку над детьми. Аб-

дулла взял себя в руки, чтобы хотя бы выполнять свой служебный долг в рядах Иорданских ВВС, но он был на грани самоубийства.

Его хватало только на то, чтобы пережить обычный день, так одиноко и тоскливо было у него на душе. В гневе и тоске он писал злые, бессвязные письма Ясмин, угрожая выкрасть детей, в то же время понимая, что только она и является лучшим родителем для них, если им придется жить с кем-то одним.

Ясмин жестко, но с любовью писала ему длинные, страстные послания, рассказывающие о ее вере и пути спасения. Первые два письма Абдулла разорвал в клочья и отослал ей обратно. В другой раз он спрятал ее письмо в коробке с памятными вещами. Она написала ему еще с полдесятка писем, умоляя его прочесть Библию, искать совета, молиться и обратиться к Христу. Он перестал ей отвечать, но ее письма сохранял. Возможно, это было хорошо, поскольку, видимо, ей надоело писать в пустоту, и она перестала.

* * *

Николае Карпати замечал то, чего не видели другие. По крайней мере, люди, отличавшиеся от Леона Фортунато.

Странно — Николае Леон был мало интересен за пределами того, что этот человек мог для него сделать. Николае вряд ли мог

назвать его другом. Возможно, доверенным лицом, но не другом. За рамками деловых интересов их ничего не связывало. Леон хотел бы большего, это было очевидным. Николае он казался прилипчивым, и хотя ему нравилась лезть в определенных дозах, он подсел на одобрение масс, а не на подхалимаж отдельного человека.

Тем не менее порой Леон удивлял и радовал Николае. Например, когда они оба получили одно и то же сообщение из потустороннего мира. Николае прочел что-то туманное о каком-то израильском ботанике, старике по имени Хаим Розенцвейг, который работал над составом, который, по его мнению, мог превратить пустыню в цветущий сад.

Николае поначалу не обратил внимания на это, но во второй раз прочел уже с большим интересом. Затем забыл о сообщении. Потом оно снова всплыло у него в голове и начало блуждать где-то на краю сознания. Люди постоянно выдвигают безумные идеи, но мало какие из них приносят плоды. Но эта... если в ней есть рациональное зерно, если она хоть в чем-то верна, то она может означать куда больше, чем этот ботаник понимает.

Что, если она верна? Что, если этот человек сможет ее воплотить? Та нация на Ближнем Востоке, которая сумеет совершить такое чудо, станет доминирующей в регионе, разбогатеет и нарушит баланс сил. Только представить, что такое открытие может сделать для Румынии!

Николае стал просто одержим этой идеей. Почему этот старый профессор объявил во всеуслышание, над чем он работает? Он что, не боится конкурентов? Более молодых, ярких умов, которые, возможно, много лет работают над той же проблемой? Вдруг они разобьют его в пух и прах?

Николае сам задумался над проблемой. Что для этого потребуется? Что было бы ему нужно? Он подбросил эту мысль своему духу-наставнику однажды вечером на закате, когда гулял и молился.

Иногда общение с миром духов напоминало обычный разговор. Но нынешним вечером он связался с духом, который был обуян гневом. Разум Николае наполнила какофония. Шипение. Харканье. Ярость. В глубине души Николае понял, что дух говорит ему:

— Обратись к северу, откуда идет мощь и сила, исходящая от меня!

— Но это же просто ботаник, — молча настаивал Николае. — Он что-то значит? Это что-то, что я должен преследовать?

— До конца.

— Не понимаю.

— Он один из избранного народа врага! Он стоит ненависти.

— Я готов ненавидеть его, но разве я не могу похитить его идею?

— Поздно. — Опять шипение и шум, словно Николае напомнил своему духу-покровителю о чем-то настолько отвратительном, что он даже слышать об этом не хотел.

— Поздно? Действительно?

— Покори его обаянием.

— Не понимаю.

— Захвати это. Забери. Похить, или я захвачу это силой при помощи моих союзников с севера.

— Значит, я прав? За это стоит побороться?

— Это бесценно.

Николае всегда расстраивался, когда ему не удавалось уговорить духа продолжить разговор. Его связь с потусторонним миром прервалась, и он чуть не обезумел от злости. Он бросился в свой кабинет и стал набрасывать заметки. Имя ботаника. Его университет. Его родной город. Идеи, как выйти с ним на контакт. Завтра он поручит это Леону.

Но ему не пришлось ждать до завтра.

Ему позвонила Вив Айвинз:

— Леон на проводе. Ждет тебя.

— Что ему нужно? Я занят.

— Он хочет зайти к тебе.

— Сегодня вечером?

— Прямо сейчас.

— Пусть приезжает.

Леон приехал через двадцать минут. В руке его был свернутый в трубочку журнал. Он раскрыл его перед Николае.

— Это меня просто поразило, — сказал он. — И мне кажется, что тебе нужно об этом знать.

Это была статья о Хаиме Розенцвейге и его потенциальном открытии.

— Я в курсе, — произнес Николае.

— Мой дух сказал также, — продолжал Леон, — что переманить его мы опоздали. Единственная наша надежда — дипломатия.

Чем бы там ни был Леон, Николае доверял его инстинктам. Или, по крайней мере, его общению с духами. Особенно когда результат подтверждал его собственный дух.

* * *

Бизон Уильямс работал в «Глобал уикли» почти четыре года. За это время он написал более тридцати передовиц, включая три статьи о «Персоне года». Он хотел записать себе на счет и четвертую, так что явился на очередное собрание редакции со своим номинантом — доктором Хаимом Розенцвейгом из Израиля, простым инженером-химиком, который предпочитал называть себя ботаником.

Бизон был уверен, что его коллеги захотят выдвинуть американца — поп-звезду или какого-нибудь политика. Но единственным логическим выбором был Розенцвейг, как минимум, по мнению Бизона. Он с облегчением услышал, когда Стив Планк, открывая совещание, сказал:

— Кто-нибудь хочет выдвинуть какого-нибудь унылого зануду вместо лауреата Нобелевки по химии?

Никто не стал спорить, но Бизон не собирався оставлять решение на волю случая.

— Стив, — сказал он, — я не напрашиваюсь, но ты сам знаешь, что я знаком с этим мужиком и он мне доверяет.

Как всегда, начались выпады со стороны всех остальных, тоже желавших получить это задание. Стива критиковали за то, что он всегда идет на поводу у Бизона, а Стив отгрызался тем, что решение за ним. В конце концов, задание досталось Бизону. Что ни говори, а именно он написал статью, когда Розенцвейг получил Нобелевскую премию.

В Израиле Бизон остановился в военном поселении и встретился с Розенцвейгом в том же самом кибуце на окраине Хайфы, где он брал у него интервью годом раньше. Бизон увидел маленького поджарого человечка с вздыбленной шевелюрой, как у Эйнштейна, которого охраняли не хуже главы государства. Это был радушный, улыбчивый, убежденный человек, Хаима Розенцвейга уважали во всем мире и боготворили в собственной стране.

Сам Розенцвейг был, конечно, замечательным человеком, но преобразовала Израиль и изменила облик Ближнего Востока именно его формула. Ирригация ничего нового не представляла. Как сказал профессор в отставке, она только «увлажняла песок». Если к воде подмешивали его вещество, песок становился плодородным. Бизон не был ученым, но он знал, что формула Розенцвейга сделала Израиль самым богатым государством мира за одну ночь. Каждый дюйм свободной земли был покрыт цветами и злаками, включая и те культуры, о которых пре-

жде в Израиле и не мечтали. Нация, обеспеченная деньгами и ресурсами, замирилась с соседями. Свободная торговля и открытые границы позволили всем, кто любил этот народ, попасть в страну. Но единственное, к чему никто из гостей не имел доступа, — это формула.

Мировые лидеры искали встречи с Розенцвейгом. Всего за десять дней до визита Бизона его посещала русская делегация. Они прекрасно представляли, как формула может преобразить их обширную тундру.

Россия превратилась в сонного гиганта с разрушенной экономикой и пришедшей в упадок технологией. У нее осталась только военная мощь, и все свободные средства шли на вооружение.

— Позвольте мне кое-что сказать вам, друг мой, — говорил Бизону Розенцвейг. — Русских мой ответ не обрадовал. И я не просто взял и отказал им. Я просто сказал, что права на формулу официально принадлежат Государству Израиль и не мне указывать правительству, что с ними делать. Решение за ним, а оно может решить не делиться формулой ни с кем. Русские сказали, что они уже пытались действовать по дипломатическим каналам, пытались приобрести лицензию и обратились ко мне, только когда попытка провалилась. Я извинился, что они проделали весь этот путь и потратились, обратившись не к тому человеку.

— А кто еще посещал вас? — спросил Бизон.

— О, многие. Многие. Почти все. Смею признаться, мне приятно было выслушивать их комплименты и восхваления. Это интереснее всего. Я прямо-таки поразился визиту вице-президента Соединенных Штатов. Он хотел оказать мне честь, представить меня президенту, устроить в мою честь парад, присвоить мне степень и все такое. Он, как дипломат, не сказал мне ничего о том, что я буду ему чем-то обязан в ответ, но ведь я буду ему обязан всем, не так ли? Очень много говорилось о том, что США и Израиль десятилетиями были друзьями. И разве это не так? Как я мог спорить?

Но я прикинулся, что считаю, будто все эти любезности и награды относятся лично ко мне, и скромно отказался. Дело в том, молодой человек, что я вовсе не скромненький, разве не так? — Старик рассмеялся и рассказал еще несколько историй о том, как к нему приезжали и пытались обаять его всякие важные лица.

— А кто-нибудь был искренним? — сказал Бизон. — Кто-нибудь произвел на вас впечатление?

— Да! И приехал он из самого непонятно-го и удивительного уголка Земли — из Румынии. Не знаю, послали его или он сам приехал, но подозреваю последнее, поскольку он самый незначительный чиновник, с которым я встречался после награждения. Одно это заставило меня встретиться с ним. Он сам просил аудиенции. Он шел непроторенным политическим и протокольным путем.

—И это?..

— Николае Карпати.

— Карпати как?..

— Да, как Карпатские горы. Красивое имя, ничего не скажешь. Это необыкновенно обаятельный и скромный человек. Прямо как я!

— Ничего о нем не слышал.

— Услышите! Обязательно услышите.

— Потому что он...

— Он впечатляет, вот все, что я могу сказать.

Позже по ходу интервью Розенцвейг обмолвился о Карпати:

— Я верю, что его цель — всеобщее разоружение, а мы, израильтяне, как-то в это не верим. Но, конечно, в первую очередь он должен разоружить собственную страну. Этот человек примерно ваш ровесник, кстати. Голубоглазый блондин, как первоначальные румыны, которые вышли из Рима, до того, как их расу подпортила монгольская кровь.

— И что вам в нем так понравилось?

— Сейчас прикинем, — сказал Розенцвейг. — Он говорит на моем языке, как на своем родном. Он бегло говорит по-английски. Хорошо образован и широко начитан. И вообще, он мне просто как человек понравился. Очень умный. Очень честный. Очень открытый.

— И что он хотел от вас?

— Того, что мне больше всего понравилось. Поскольку он показался мне честным

и откровенным, я напрямую задал ему этот вопрос. Он настаивал, чтобы я называл его Николае, и потому я спросил: «Николае, что вы от меня хотите?» Знаете, молодой человек, что он ответил? «Доктор Розенцвейг, я ищу только вашего расположения». И что я мог на это сказать? Я ответил: «Николае, вы его имеете». Я сам немножко пацифист, понимаете ли. Но реалист. Но я ему этого не сказал. Я просто сказал, что он мне симпатичен. Вы, кстати, тоже.

— Подозреваю, вы не так легко раздаете свои симпатии.

— Вот потому вы мне нравитесь и потому вы мне симпатичны. Когда-нибудь вы наверняка встретитесь с Карпати. Вы друг другу понравитесь. Его цели и мечты невозможно реализовать даже в пределах его собственной страны, но у него высокие идеалы. Если он продвинется, вы о нем еще услышите. А поскольку вы и сами восходящая звезда на орбите своей профессиональной деятельности, он наверняка услышит о вас. Или вы сами на него выйдете, я ведь прав?

— Надеюсь.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Хлоя влюбилась в Стэнфорде в старшекурсника и была уверена, что это по-настоящему. Рики был высоким — в прошлом звезда баскетбольной команды своей школы — и попытался войти в команду Стэнфорда простым игроком. Неудачно. Он выделялся среди студентов, специализировался по бизнесу и хорошо выступал на публике.

Он рано закончил курс, на три месяца уехал в Европу, прислал Хлое дешевенький сувенирчик из Швейцарии и исчез из ее жизни. Он не отвечал на ее письма, и она окончательно пала духом, когда одна из общих их знакомых вернулась со свадьбы Рики с фотографиями и восторженными визгами по поводу невесты Рики и еще с заверениями, что она очень понравилась бы Хлое, если бы они только могли познакомиться.

Это крушение надежд оказало на Хлою очень интересный эффект. Она снова принялась за учебу с целью добиться максимально возможного успеха и перестала верить людям, особенно мужчинам. Отец был единственным мужчиной, которого она уважала, но даже он мало чем мог ее утешить после того, как она потеряла любовь.

— Не стану смягчать ситуацию, Хло, — сказал он раз за обедом в один из четырех своих приездов в год к ней в гости. — Я просто хочу сказать, будь этот самый Рики здесь, я бы просто дал ему по морде.

Хлоя заставила отца пообещать, что он никогда не доставит Рики удовольствия вообразить, что он был ей настолько небезразличен.

— Он просто не любил меня так, как я его, и он просто не знал, как все это на мне отразится.

И это было все. Разве что это помогло выковать характер и определить будущее Хлои.

* * *

Устав от бизнеса, от политики, потерпев неудачу в попытке добиться настоящей благосклонности Хаима Розенцвейга, Николае Карпати вымещал свою досаду на окружающих. Он говорил односложно и язвительно, особенно с Вив и Леоном. Он был груб с при-

службой, орал на подчиненных по поводу малейшей оплошности.

Он ходил по своему особняку, рывкал на охрану сначала за то, что они слишком висели у него на хвосте, потом орал, почему они смели так далеко его отпускать. Он злился на своего духа-проводника, требуя ответа, когда ему придет новое поручение, когда он возвысится еще на одну ступеньку и когда он займет свое надлежащее место и станет предводителем мира.

Поскольку иной мир не отвечал, он, кипя от злости, брал инициативу, разрабатывал план самого хитроумного похищения в истории, чтобы получить формулу как выкуп за самого Розенцвейга.

Наконец, его выходы привлекли внимание духов.

— Терпение, избранный, — сказали ему. — Воздаяние уже ждет тебя.

* * *

Бизон Уильямс лениво наслаждался поздним ужином вместе с Хаимом Розенцвейгом в миле от кибуца и ближайшего военного поселения, где Бизону предстояло оставаться до утра, до вылета в Штаты на рассвете.

Старик устал, его акцент становился все заметнее, понимать его становилось все труднее по мере того, как он пил вино, веки его опускались.

— Вам надо отдохнуть, — сказал Бизон.

— Я полагаю, что это верно, но мне с вами было так хорошо. Вы должны приехать как-нибудь просто так, не по делу.

— И когда такое возможно? — рассмеялся Бизон. — Я всегда на работе, и хотя вы больше чем вдвое меня старше, вы даже более заняты, чем я.

— Мы выкроим время и назначим встречу. Просто для отдыха и развлечения.

Бизон не мог себе представить такого простоя, но уж если придется, то лучшего собеседника не найти.

Водитель Розенцвейга высадил Бизона возле военного поселения, где он прошел через командный центр прямо в свою более чем комфортабельную комнату. Уже было за полночь, и его поразило, с какими напряженным вниманием люди на командном пункте всматривались в светящиеся экраны компьютеров. Раньше он встречался со здешним начальством и получил допуск к техническому персоналу, который постоянно наблюдал за ночным небом.

Казалось, что соседи настолько благо-расположены к Израилю, что никакой серьезной угрозы и быть не могло. И все же эти солдаты с гордостью говорили о своем долге защитников. Многие кивали Бизону или махали рукой, а двое-трое окликнули по имени.

Поскольку Бизон всегда планировал свою жизнь и расписывал время, он плохо спал накануне раннего подъема. Но ему очень

хотелось домой, так что он просто приготовил все, чтобы просто встать, принять душ, побриться и поехать. Поскольку он с собой никогда много вещей не брал, он быстро уложил свою кожаную сумку и приготовил одежду на завтра.

Прежде чем раздеться и лечь, он постоял у окна, глядя в звездное небо. Он был взбужден, спать вовсе не хотелось. Ему трудно было бы заснуть, и он это понимал. В такие времена ему хотелось бы наслаждаться вином так, как Розенцвейг. Это бы помогло ему отключиться.

Может, надо почитать на ночь. Как раз когда он отвернулся от окна, чтобы достать из сумки книгу или журнал, как пронзительно взвыла сирена. Пожар? Какой-то сбой? Бизон полагал, что сейчас громкоговорители скажут, что делать и куда идти. Хорошо, что не успел раздеться. Она набросил кожаный пиджак, и тут его снова привлекло к окну что-то странное в небесах.

Это оказалось запуском ракет «земля—воздух». На Израиль совершенно нападение? Неужели такое может быть? Гром небесный даже перекрывал пронзительный вой сирен. Когда небеса озарились, словно днем, Бизон понял, что это все не бред — это полномасштабный воздушный налет. Но кто? Почему?

Он выбежал из комнаты и побежал по коридору к командному центру.

— Гражданский, оставайтесь у себя в комнате! — не раз слышал он, пробегая мимо

бледных как смерть полуодетых мужчин и женщин. Многие выскакивали из комнат, по ходу натягивая форму и кепи.

В оперативной комнате уже стоял хаос, хотя кризис начался всего минуту назад. Командиры сгрудились у экранов, без передышки отдавая команды техникам. Человек в огромных наушниках кричал:

— Один из наших истребителей определил, что это русские штурмовики, Миги!

Из другого угла:

— МБР!

Бизон пошатнулся. Межконтинентальные баллистические ракеты? Против крошечного Израиля? Русские?

Внезапно все повскакали с мест. Даже эксперты стояли у своих клавиатур, словно смотрели на то, чего не желали видеть. Все экраны светились и были испещрены вспышками света и точками.

— Это же суший Перл-Харбор!

— Нас сотрут в порошок!

— Сотни Мигов почти над нами!

— Безнадежно!

Загрохотали взрывы. Часто здания потемнела. Грохот был такой, будто бомбы падали прямо за окнами. Значит, это была не демонстрация силы, чтобы поставить Израиль на колени. Никаких обращений к жертвам не было. Никаких объяснений, почему нарушили границы и началось нападение на Израиль. Израиль был вынужден обороняться, прекрасно понимая, что первый же залп буквально сотрет его с лица земли.

В небе расцвели желто-оранжевые клубы огня, которые вряд ли смогут остановить нападение России. Защиты просто не было. Бизон понял, что все офицеры ожидают неминуемого конца через какие-то секунды, когда снаряды достигнут земли и накроют всю страну.

Бизон понимал, что конец близок. Спасения не было. Некоторые уже покинули свои посты и с воплями разбежались, и командиры даже не пытались их останавливать. Даже старшие офицеры спрятались под столами и закрыли уши.

Ночь пылала как день, чудовищные оглушительные взрывы продолжались, здание дрожало, тряслось и раскачивалось.

Первые израильские ракеты попали в русские штурмовики, в результате чего МБР взорвались слишком высоко, чтобы причинить большие повреждения, разве что пожары. Русские боевые машины падали на землю, врезались в почву, образуя воронки и разбрасывая пламенеющие осколки во все стороны. Но судя по показаниям радаров, при налете была использована практически вся русская авиация, в резерве не оставалось почти ничего. Тысячи самолетов шли на самые густо населенные города крошечной страны.

Инстинкт самосохранения Бизона включился на всю катушку. Он забился под пульт управления, сдерживая неожиданные рыдания. Он вовсе не так представлял себе войну. Он думал, что будет следить за событиями из

безопасной зоны, запоминая всю драму военных действий.

Кэмерон Уильямс не сомневался, что погибнет, и спрашивал себя — почему он так и не женился? Останется ли от него хоть что-нибудь, чтобы отец и брат могли опознать его труп? Есть ли Бог? Кончается ли все со смертью?

ЭПИЛОГ

Потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем.

*Первое послание к фессалоникийцам
святого апостола Павла, 4: 16—17.*

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.ChristianWritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала Moody и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал Time, Reader's Digest, Parade, Guideposts, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров New York Times, USA Today, Wall Street Journal и Publishers Weekly.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind®», написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, Publishers Weekly, Wall Street Journal, USA Today и New York Times.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Арарата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров New York Times. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind®», начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

ВОСХИЩЕНИЕ

ТРЕТИЙ РОМАН ИЗ ТРИЛОГИИ
ПРИКВЕЛОВ К СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

В романе «Восхищение» — третьем, заключительном приквеле к серии «LEFT BEHIND®» — рассказывается о таинственных исчезновениях людей по всему миру, положивших начало трагическим событиям Апокалипсиса. Однако основная часть повествования посвящена описанию уже знакомых читателю событий с точки зрения Ирен Стил, ее сына Рейми и других людей, которые были восхищены на Небеса.

Заказать книгу «ВОСХИЩЕНИЕ» можно:
по телефону (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail: club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

РЕЖИМ

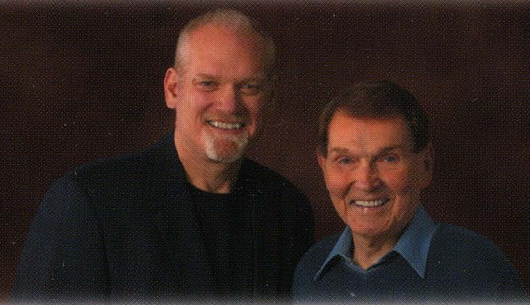
Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Консультант *А. Коньхова*
Корректор *О. Бубликова*
Компьютерная верстка *И. Немцева*

Подписано в печать 28.09.12 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. л. 14,7.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано BALTO print
www.balto.lt
www.baltoprint.ru

РЕЖИМ — вторая книга из трилогии приквелов к серии «LEFT BEHIND®», рассказывающая о жизнях Николае Карпати, Камерона Уильямса, Рэйфорда Стила и других людях, которым вскоре суждено встретиться в апокалиптической битве за человечество.

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

ТИМ ЛАХЭЙ

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Самый успешный литературный тандем всех времен и народов».

NEWSWEEK

«Как ни назови серию «LEFT BEHIND®», очевидно одно — сейчас она пользуется огромным успехом, как настоящий блокбастер. Ее создатели даже представить такого не могли».

ENTERTAINMENT WEEKLY

«Саспенс в духе Тома Клэнси, чуть-чуть романтики, отблеск Hi-Tech и ссылки на Библию — в одном флаконе!»

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0589-3

9 785422 405893

www.Leftbehind.ru